

ВОЕННЫЕ МЕМОАРЫ

М. Т. Стариков

**МИНЫ ЖДУТ
СВОЕГО
ЧАСА**

Илья Григорьевич Старинов

Мины ждут своего часа

Полковник Илья Григорьевич Старинов — признанный наставник тысяч партизан-минеров, организатор многих минновзрывных заградительных операций.

Более тридцати лет прослужил И. Г. Старинов в Советской Армии. Жизнь его насыщена интереснейшими событиями. Он был волонтером в Испании, находился под Брестом в первые дни Великой Отечественной войны, с помощью радиомины взорвал резиденцию фашистского военного коменданта в Харькове...

В книге описаны волнующие встречи с Д. М. Карбышевым, И. Э. Якиром, М. Н. Тухачевским, Долорес Ибаррури, с крупными военными и политическими деятелями нашей страны.

Содержание

#1.....	0005
МОЯ МАГИСТРАЛЬ.....	0006
НЕ БЫЛО БЫ СЧАСТЬЯ.....	0006
НЕОЖИДАННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ.....	0010
СЕКРЕТНАЯ КОМАНДИРОВКА.....	0015
МОЙ РЕЦЕНЗЕНТ Д. М. КАРБЫШЕВ.....	0021
НА ПАРТИЗАНСКОЙ ТРОПЕ.....	0024
В ЛЕСУ ПОД ОЛЕВСКОМ.....	0030
БУДНИ И ПРАЗДНИКИ.....	0031
В АКАДЕМИИ.....	0035
НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ.....	0038
ДРУЗЬЯ ПОЗНАЮТСЯ В БЕДЕ.....	0043
ВОЛОНТЕРЫ.....	0047
ПУТЬ ЗА ПИРЕНЕИ.....	0047
НА ИСПАНСКОЙ ЗЕМЛЕ.....	0054
ВЫЛАЗКИ В ТЫЛ ВРАГА.....	0058
МЕСТО НАЗНАЧЕНИЯ — ХАЕН.....	0069
ПОД ГРАНАДОЙ.....	0073
ПРИЗНАНЫ!.....	0080
ТЕХНИКА В ДЕЙСТВИИ.....	0089
ПОД МАДРИДОМ И САРАГОСОЙ.....	0095
ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА.....	0104
ВОЗВРАЩЕНИЕ.....	0104
В ЛЕСАХ.....	0114
НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ.....	0118
В ГЛАВНОМ ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНОМ УПРАВЛЕНИИ.....	0120
ВСТРЕЧИ НА УЧЕНИЯХ.....	0125
ПОЕЗДКА В БРЕСТ.....	0129
ВТОРЖЕНИЕ.....	0132
22 ИЮНЯ.....	0132
ДВОЕ СУТОК В МОСКВЕ.....	0136
ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ.....	0138
НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ.....	0143
БОЕВЫЕ БУДНИ.....	0146

Илья Старинов
Мины ждут своего часа

Илья Григорьевич СТАРИНОВ

МОЯ МАГИСТРАЛЬ

НЕ БЫЛО БЫ СЧАСТЬЯ...

Лето 1919 года. Жаркий день. На холмистой равнине южнее города Корочи то и дело вспыхивают черные столбы артиллерийских разрывов. Торопливо стучат пулеметы.

Я лежу на земле и вижу, как слева, на фланге роты, поднимаются и бегут вперед бойцы. Пора и нашему взводу! Опираюсь на левую руку, подтягиваюсь, вскакиваю и вместе с товарищами тоже бегу вперед. Глаза заливают пот. Ладони срastaются с винтовкой.

— ...А-а-а! — несется над полем.

Повизгивают пули. словно споткнувшись или натолкнувшись на невидимую стену, падает сосед. Скорее на землю! Прижаться на миг к теплой запыленной траве, где как ни в чем не бывало ползают по стебелькам букашки с полированными крылышками! Передохнуть, переждать, чтобы через минуту, обманув смерть, снова броситься навстречу взрывам и пулеметам!..

Наш 20-й стрелковый полк атакует деникинцев.

Перед фронтом полка — отборные части марковской дивизии.

Неделю назад марковцы били нас, а теперь господам офицерам приходится туго. Обстрелянные, исполненные ненависти, мы рвемся и рвемся вперед, несмотря на бешеный огонь противника.

Врешь! Не удержишь! Поквитаемся!

Мы сваливаемся в оставленные врагом окопы.

— Занять оборону!.. Занять оборону!.. — передают по цепи приказ.

Только теперь я чувствую боль в ноге. Нагнулся — по обмотке расплзается пятно крови. Ниже колена жжет огнем: в голень впился осколочек снаряда.

К вечеру нас сменяют. Прихрамывая, бреду вместе с другими бойцами к домикам на окраине Корочи. Тут, на полу одной из хат, мы вповалку спим до утра. Только сон у меня плохой. В раненой ноге что-то сверлит и дергает. На рассвете, с трудом задрав штанину, вижу, что голень распухла и воспалилась. Пробую встать. Куда там! От боли чуть не грохаюсь на пол. Голова кружится. Перед глазами разноцветные пятна.

— Н-да... Вон как тебя... — озабоченно говорит отделенный. — Надо в лазарет.

Везут в лазарет. В вагоне военно-санитарного поезда запах йодоформа, гнойных ран, запекшейся крови. Стоны, бред.

Еле ползем от станции к станции.

Под Ельцом едва не попадаем в лапы прорвавшихся через фронт казаков Мамонтова.

Кто может ходить — выбирают в тамбуры, проталкиваются к окнам, потеряют врачей и санитаров, требуют, чтобы дали оружие.

Но поезд благополучно проскакивает опасный перегон. Еще день — и мы в Туле. Тут хороший госпиталь, тут мне помогут!

Однако лица врачей, осматривающих ногу, хмуры, непроницаемы. Они переглядываются, перебрасываются латинскими словами, а один с беспощадной ласковостью треплет по плечу:

— Нужна ампутация, дорогой. Выше колена. Согласны?

Ампутация? Это значит, ногу отрежут? В девятнадцать лет не смогу ходить, как все люди? Стану калекой? Одним из тех, кто по-птичьи прыгает на костылях, елозит по мостовым? Нет! Резать не дам!

— А нельзя вылечить, доктор? — с отчаянием спрашиваю я.

Хирург пожимает плечами:

— Начнется общее заражение крови — умрете.

— Ну и пусть! Пусть!.. Да ведь, может, еще и выживу?..

В палате лежу ничком, подавленный и растерянный. Как же так? Махонький осколочек, царапина — и вдруг отрезать всю ногу. Неужели придется соглашаться?

— А ну покажись!

Возле койки стоит пожилой военный фельдшер Иван Сергеевич. Откинув тоненькое серое одеяло, он внимательно осматривает мою правую, уже распухшую, как бревно, ногу.

Сейчас выругает, назовет дикарем за то, что не послушал врача.

— Молодец, что не дал ампутировать! — говорит Иван Сергеевич. — Разве это гангрена? Вылечим!

Не верю своим ушам. А Иван Сергеевич уже приказывает санитарке принести чистые бинты.

— Чтобы жар уменьшить, обложу твою ногу подорожником, вояка! — утешает фельдшер. — Хотя наука и не жалует это бабкино средство, оно верно действует. Не горюй!

И Иван Сергеевич лечит меня по-своему, часто меняя повязку с компрессом из подорожника. Впрочем, ничего другого, более радикального, в госпитале, похоже, и нет.

Молодой хирург на обходах недоверчиво хмыкает, но не ругает фельдшера, доверяя его большому опыту.

И чудо свершается. Температура начинает падать, жжение в голени постепенно слабеет.

— Первым танцором будешь у себя в деревне! — посмеивается довольный Иван Сергеевич.

Я рад еще больше, чем фельдшер, и не хочу поправлять его. Я не деревенский: родился, правда, в деревне, но вырос возле железной дороги. Мой отец — путевой обходчик на перегоне Завидово — Редькино между Москвой и Петроградом. Но пусть Иван Сергеевич думает что хочет! Главное — нога цела! Я еще повоюю, буду таким, как все! И в атаке не отстану!

По ночам в заснувшей палате, слушая далекие гудки паровозов, я вижу всю свою короткую жизнь. Гудки напоминают о будке, где жила наша большая, в восемь человек, семья, перебивающаяся из кулька в рогожку. Разве на шестнадцать отцовских рублей в месяц прокормишь такую ораву? Работают в доме все. Мы, ребяташки, помогаем матери по хозяйству, пасем корову, старшие сезонничают на торфоразработках. И даже походы на реку Шошу, петляющую в лугах позади будки, даже прогулки в лес преследуют вполне определенные цели: наловить рыбы, набрать грибов и ягод, надрать корья. Приходить с пустыми руками не положено, и совестно. Зато дороже любых подарков и развлечений — уважение старших, идущая из глубины сердца теплая родительская ласка...

Я очень люблю мать, но особое почтение питаю к отцу. Оно родилось еще в раннем детстве.

Часами сидел я у насыпи, глядя как замороженный на пронсящие мимо нашей будки поезда. Казалось, нет на свете силы, способной сдержать их бешеный бег. Однако мы, ребяташки, знали: отцу поезда подчиняются. Если он выйдет к полотну с красным флажком или фонарем, покорно заскрипит тормозами самый неукротимый курьерский...

Однажды вьюжной ночью я проснулся от грохота взрывов. Оказалось, отец обнаружил лопнувший рельс и, не надеясь, что машинист заметит красный сигнал, положил на рельсы Петарды. Они и задержали состав.

Этот случай так поразил мальчишеское воображение, что отец долго-долго представлялся мне человеком сказочной силы.

Впрочем, в отрочестве я понял еще другое: и отец, и я, и мои братья, и тысячи таких же простых людей отгеснены на задворки жизни, обречены на изнурительный труд, на безграмотность.

Мне повезло. Моя юность совпала с очистительной революционной бурей. В октябре 1917 года я вместе со своими фабричными дружками, Мишей Ягодкиным и Колей Медведевым, вступил в боевую группу, созданную городским Советом рабочих и солдатских депутатов. Этой группе поручалось задерживать контрреволюционные войска, направлявшиеся к Петрограду по железной дороге.

Командовал группой прибывший с фронта артиллерист, зять стрелочника Василия Григорьевича Лошкарева. «По знакомству» и я попал в эту группу вместе с сыном Лошкарева Иваном — очень сильным и скромным рабочим парнем.

Группа была малочисленной, оружия мы не имели, но все же смогли задержать несколько составов с солдатами, заваливая пути бревнами, выводя из строя семафоры.

Я считал себя счастливым человеком, когда попал в действующую Красную Армию и получил оружие.

Даже суровое боевое крещение не охладило мой пыл. Случилось так, что в одном из первых боев полк понес тяжелые потери. Наша рота была разбита. Из-за измены одного бывшего царского офицера в числе нескольких красноармейцев я попал в плен к деникинцам.

Вместе с командиром своего отделения, бывалым солдатом Андросовым, бежал из плена.

Попал в родной 20-й стрелковый полк. Опять бои, и опять окружение в занятой врагом Короче. Только через пять суток мы переправились через реку Корочку и без потерь вышли к своим. Уже тогда, во время скитаний по деникинским тылам, я твердо усвоил две истины. Первая — ив тылу врага останешься человеком, если не выпустил из рук оружия. И вторая — лучшим союзником за линией фронта является ночь...

Я лежал на койке и улыбался, а на меня косился забинтованный сосед, личность чрезвычайно флегматичная, крайне немногословная, но острая на язык — сапер Петр Пчелкин, прозванный ранеными за полноту и медлительность Шмелем.

У Шмеля перелом левой руки, гипс еще не снимали, но этот счастливец мог ходить!

— Теперь наша пехота всех генералов попрет, — задумчиво и серьезно сказал Пчелкин, разглядывая мою физиономию. — Враз!

— Почему? — попался я.

— Да как же? Тебя, поди, скоро в строй выпишут. Сила!

Раненые заготовали. Я обиделся.

— Зато тебе не обрадуются саперы. Мало им таскать всего приходится, еще ты на шею сядешь!

Но смутить Петю Пчелкина оказалось нелегко.

— О саперах ты помолчи, герой, — спокойно ответил он. — Ну чего ты в саперном деле смыслишь?

— А чего тут смыслить? Землю роете.

— Землю... Эх ты, темень! Инженерные войска мосты тебе строят, вражеские препятствия для тебя разрушают, а когда такие, как ты, драпают, мы отход прикрываем. Те же самые мосты взрываем, дороги портим, чтобы вы опомниться могли! Да еще своими взрывами беляков в рай отправляем... Молчи уж лучше!

Я видел, что Шмель гудит сердито, защищая не себя, а свой род войск, о котором я действительно знал очень мало.

— Слышь, Петр, — попросил я однажды ночью, заметив, что соседу тоже не спится, — ты не сердчай. Скажи лучше, это верно про вас, саперов, говорят, что вы кое-когда наступаете первыми, а отступаете последними? Только без вранья!

Пчелкин повернулся на койке:

— Иди к лешему!

Но как ни молчалив был Шмель, а лежать бок о бок с товарищем добрых три недели и не разговориться о своей армейской жизни невозможно. И Пчелкин рассказал мне о людях сильных, смелых и смекалистых, несущих на своих плечах большую тяжесть боев, о людях, которые создают в крошечном аду войны, а если нужно — разрушают созданное, чтобы, победив, созидать вновь.

Я услышал о бесстрашных и отчаянных подрывниках, пробирающихся в тыл белых, чтобы разрушать их железные дороги и мосты, о понтонерах, которые под огнем наводят переправы, об отрядах, которые во время позиционной войны проводили разведчиков через заграждения врага.

Может, и не очень складно рассказывал Шмель, но в корявых словах бывшего крестьянина было что-то взволновавшее меня. Теперь я понимаю — рядовой Петр Пчелкин был поэтом своего нелегкого дела. В его душе жила суровая романтика труженика войны.

А тут еще появился в палате мой земляк Архип Царьков, первый плясун на все Войново, весельчак и балагур. Он тоже оказался сапером и безоговорочно решил, что расставаться нам, коли уж встретились, не след. А поскольку лучшей профессии на войне, чем профессия сапера, все равно нет, то мне остается только одно: держаться за него, Архипа, и за Пчелкина.

— Тебе ж на роду написано сапером быть! — убеждал Архип. — И отец у тебя с дорогами всю жизнь мается, и сам ты близ дороги вырос... Одно слово — сапер и сапер!

Волнующие рассказы Шмеля, задорная убежденность Архипа и естественное нежелание разлучаться с хорошими товарищами — все это сыграло свою

роль.

Друзей выписывали. Попросился на выписку и я. В части 9-й стрелковой дивизии как раз набирали саперов. Хотя рана еще и не зажила, я отказался от отпуска. Царькова, Пчелкина и меня зачислили в 27-ю отдельную саперную роту.

Так началась моя служба в инженерных войсках Красной Армии. Служба, которая определила всю мою дальнейшую жизнь.

НЕОЖИДАННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

Прошло почти два года. Мы наступали. Таганрог, Азов, Темрюк... Поход на Врангеля. Бои с переменным успехом. Решительный штурм Крыма.

Свирепые ветры продували Арабатскую стрелку. Слева — Азовское, справа — Гнилое море. Ни построек, ни топлива. Сто двадцать километров мы прошли, разводя костры из выброшенных на берег водорослей и обломков деревьев. Рассчитывали каждый глоток воды. И наконец схватились с врагом...

Участь врангелевцев известна.

В Крыму нас бросили в Керчь очищать катакомбы от последних белых банд.

А из Керчи по льду пролива в стылом январе — на Кубань.

А с Кубани — в Махачкалу.

А оттуда — через Баку в Грузию...

Менялись участки фронтов, менялась погода, менялись люди вокруг, но одно не менялось — родная дивизия, родная рота.

Я ни разу не пожалел, что послушал друзей и пошел в инженерные части.

Приходилось трудно, круто, горько. Но ведь что бы там ни случилось, а мы шли вперед. Мы побеждали!..

Ранней весной 1921 года наша 9-я стрелковая дивизия последний раз вышла к Черному морю — в Батум. Красная Армия спасла Грузию от закабаления.

В июне 1921 года мы все еще стояли в Батуме. Армия сокращалась. Мне предоставлялся выбор — демобилизация или учеба в военном училище. Я не раздумывал. Жизни вне армии я уже не представлял. Что может быть почетнее и важнее, чем служба народу с оружием в руках, пока социалистическому Отечеству грозят бесчисленные враги?!

Попросил направить на учебу. Получил рекомендации, характеристики и вскоре выехал в Москву, в Главное управление военно-учебных заведений.

Для молодости и тысяча верст — ближний конец. Пользуясь тем, что Пне разрешили заехать к отцу в деревню, я махнул на Кубань, к старым друзьям по фронту.

Погостил. Время промчалось незаметно. Пора и дальше.

Но как? По тогдашним дорогам добраться в Москву было ой как трудно!

Рассудил, что лучше всего ехать через Краснодар.

Туда и прибыл одним прекрасным летним днем, сидя на буфере между двумя битком набитыми вагонами. Переполненный поезд стали «приводить в норму». Сотрудники железнодорожной ЧК немедленно сняли меня со «спального» места.

— Вы, товарищ, заехали далековато в сторону... В документах указан другой маршрут. Зайдите в комендатуру. Разберемся.

В комендатуре скопилось больше двух десятков военнослужащих. У многих, как и у меня, отобрали проездные документы.

Сижку жду. Раздумываю, что со мной сделают. И вдруг слышу — прибыл вагон командующего Северо-Кавказским военным округом Ворошилова.

Прежде чем успел толком что-либо обдумать, ноги уже понесли меня по путям.

Никогда раньше я не встречал Ворошилова, но слышал о нем много, особенно когда нашу 9-ю стрелковую дивизию придавали Первой Конной. Почему-то решил: Ворошилов все поймет и в обиду не даст.

Я даже не допускал мысли, что меня Могут не пропустить к нему. Твердо верил: пропустят. Вместе ведь воевали против Деникина.

И пропустили...

Командующий округом выслушал мой сбивчивый рассказ, просмотрел сохранившиеся у меня рекомендации, посмеялся, придвинул к себе блокнот и тут же написал в комендатуру ЧК, чтобы меня освободили.

В тот же день мне удалось выехать из Краснодара..

Навестив родных, я отправился наконец в столицу.

Много довелось впоследствии читать о Москве двадцать первого года. Какими только эпитетами не награждали ее наши недруги! И темная, и оголтелая, и одичавшая!..

Москва и впрямь была грязновата. Некоторые бульвары днем ходили на толкучку, а ночью — на пустырь. Вместо магазинов всюду были распределители, где неизвестно что и когда распределяли. В городе горели лишь немногие керосиновые фонари. Чекисты вылавливал# бандитов. По скверам бродили в отрепье беспризорники; На Сухаревке шла меновая торговля, то и дело слышался вопль: «Держи вора!»

Иным москвичам, выбитым из уютного быта многокомнатных квартир и особнячков, такие картины наверняка представлялись неким преддверием страшного суда. Но другое, совсем другое впечатление произвел город на меня и моих товарищей. В наших сердцах жили самые светлые надежды, и все вокруг вовсе не казалось тогда мрачным.

Рано утром мы видели спешивших на заводы и в учреждения людей, переполненные трамваи...

Мы не только верили, а знали: всякие напасти — явление временное. Поручою тому древние стены Кремля, за которыми работает Владимир Ильич Ленин.

И конечно, прежде чем пойти в ГУВУЗ[1], мы постояли на Красной площади, послушали бой курантов, недавно начавших играть «Интернационал»...

Разговор в ГУВУЗе оказался коротким. Взяли наши командировочные, рекомендации, аттестаты, выдали паек и спустя неделю отправили в Одессу держать экзамены в военно-инженерное училище.

В училище попали прямо к вступительным экзаменам. Желающих учиться было немало, но я не волновался. В высшена начальном училище, которое хотя и не пришлось закончить, меня считали одним из первых учеников. Не любил только зубрить закон божий. Но ведь здесь закона божьего, слава богу, нет. Экзамен по русскому языку сдал, успешно. Чего же бояться остальных предметов? Я не боялся и блистательно провалился по геометрии...

Невесело тянулся обратный путь в Москву. Что будет теперь?! Как погляжу

в глаза начальству из ГУВУЗа?!

Но глядеть пришлось.

— Так, товарищ, — сказали мне. — Срезались, значит? Что же нам с вами делать?

Как ответить на подобный вопрос? Невнятно пролепетал:

— Прошу оставить меня в инженерных войсках... Сроднился... Экзамены пересдам...

Принимавший меня командир, покачав головой, углубился в анкету, словно мог в ней вычитать, как поступить. И что-то вычитал! Его озабоченное лицо смягчилось.

— Послушайте! Почему бы вам не пойти в школу военно-железнодорожных техников? Ведь вы с детства, можно сказать, железнодорожник!

Профессия отца продолжала определять мою судьбу.

— Я сапер...

— Можем послать только в школу железнодорожных техников, — складывая бумаги, сказал командир. — Если хотите учиться, советую не отказываться. Нам очень нужны военные железнодорожники.

Железные дороги... Тяжелое это было зрелище в двадцатые годы! Не хватало угля, паровозов, вагонов. Пути были изувечены войной, и бандиты продолжали их портить. По дороге из Одессы в Москву я сам проторчал несколько часов в Фастове из-за крушения, устроенного какой-то бандой... Понятно, что армии нужны люди на транспорте. Да и не очень сильно будет отличаться моя новая профессия от профессии сапера. Нет, не очень!..

Школа железнодорожных техников помещалась в Воронеже.

Наученный горьким опытом, я засел за алгебру и геометрию Киселева, повторил весь курс и вступительные экзамены сдал на «отлично».

В сентябре зачислили в курсанты.

— Поздравляю, товарищи! — сказал начальник 4-й Воронежской военно-железнодорожной школы выстроенным на плацу курсантам. — С завтрашнего дня — за дело!..

Первым делом оказалась заготовка дров.

С топливом по всей стране было туго. Воронеж исключения не составлял. Наша школа помещалась в кирпичном здании. Стекол в окнах почти не было, и оконные проемы забивали досками, между которыми шелестели сухие листья и опилки. Не заготовь дров — замерзли бы зимой, как мухи.

Долги зимние ночи, но усталым курсантам они кажутся очень короткими.

Паек скудноват, а мы еще добровольно отчисляем часть продуктов в пользу голодающих Поволжья.

Плохо с освещением.

Но роты идут на занятия с песней.

Мы молоды, напористы; у нас замечательные преподаватели — главным образом, инженеры из Управления Юго-Восточной дороги. Что нам недосып, недоедание? Переживем! Молодое Советское государство нуждается в своих специалистах. Мы нужны! Как же не петь?!

В те годы существовало повальное увлечение коммунарами. Возникли коммуны и в воронежской школе военно-железнодорожных техников. Члены коммун вместе занимались, делились всем, что имели.

В нашу коммуну кроме меня входили Федор Панкратов и Александр Азбу-

кин, ребята толковые, энергичные.

Мы поставили себе цель: сдать экстерном в январе 1922 года за второй семестр первого курса и за первый семестр второго. Закончить двухгодичную школу за год.

Одни преподаватели сомневались в успехе такого предприятия, другие — поддерживали нас.

Дней отдыха не стало. С невероятным трудом мы догнали второй курс и тогда приняли еще одно решение: закончить учебу на «отлично». И мы получили по всем предметам высшие оценки. Всех троих наградили в день выпуска именными часами.

Незадолго до перехода на второй курс меня, как фронтовика и отличника, приняли кандидатом в члены Коммунистической партии. Надо ли говорить, какую я испытывал радость и гордость!

Осень 1922 года. Школа военно-железнодорожных техников окончена. Наша коммуна получила назначение в Киев, в 4-й Коростенский Краснознаменный железнодорожный полк.

Был я рядовым бойцом, был курсантом, теперь предстояло стать командиром. Как-то она сложится, моя командирская судьба?!

Сколько раз за тридцать с лишним лет армейской службы приходилось мне принимать новые пополнения! Сколько молодых офицеров встречал я на пороге их военной жизни! И если мне удавалось неплохо воспитать их, то в этом немалая заслуга тех замечательных командиров, что встретили меня самого в 4-м Коростенском Краснознаменном.

Как забыть командира батальона, активного участника борьбы против царизма, смелого подпольщика, старого большевика Жилинского?!

Как забыть командира роты Александра Евдокимовича Крюкова, участника первой мировой и гражданской войн?!

Александр Евдокимович принял меня и моих товарищей, будто родных сыновей. Он заботился о нашем жилье, обмундировании. И, что самое важное, ничем не подчеркивал своего старшинства.

Ротный был требователен, но держался доверительно, и это подкупало, усиливало наше к нему уважение.

Все мы трое, члены воронежской коммуны, командных навыков не имели. Случалось поэтому, что на занятиях с красноармейцами допускали ошибки. Александр Евдокимович подмечал каждую из них, но ни разу не поправил нас при бойцах. Лишь после занятий он в самой тактичной форме указывал на оплошности. И как же мы были благодарны за это!

Не жалел времени Крюков и на инструктаж молодых командиров. Вдобавок он как-то сразу разобрался в склонностях каждого. Заметив, в частности, что мне по душе подрывное дело, тут же постарался назначить меня начальником подрывной команды.

Спустя год Александр Евдокимович пережил большую семейную трагедию, потеряв жену. Но остался таким же ровным и приветливым. Какой выдержкой обладал этот человек, сколько было в нем сердечного тепла! Даже собственное огромное горе не заслоняло от него чужих переживаний, какими бы маленькими они ни были.

Вспоминаются и другие яркие фигуры командиров: Г. Лермонтова, М. Бит-

ного-Шляхто, А. Соснина, С. Ваняшина, П. Монахова.

Но, как говорится, в семье не без урода. Не хочу даже называть фамилию одного из командиров рот, человека грубого, высокомерного и двуличного...

Молодежь есть молодежь. Случалось иному взводному задержаться в городе, принять участие в дружеской пирушке. Каких только кар не требовал для виновников этот командир роты! И вдруг его самого нашли на улице в нетрезвом виде. Выяснились и некоторые другие постыдные подробности жизни этого командира. Когда его исключили из партии и затем отчислили из полка, все вздохнули свободно.

Весна, лето, осень, зима... Зима, весна, лето, осень... Наши роты не сидят на месте. Мы исправляем и ремонтируем пути, предупреждаем разрушение мостов и путевых труб паводками, прокладываем новые ветки. И все время учимся, учимся, учимся.

Вблизи городов и сел находят большое количество зарывшихся в землю, неразорвавшихся бомб и снарядов. Моей подрывной команде дел хватает: осторожно откапываем губительные находки, отвозим в безлюдные места и уничтожаем.

Я пользуюсь каждым случаем, чтобы исследовать устройство взрывателей. Делаю первые опыты по выплавлению взрывчатки из бомб и снарядов и убеждаюсь, что это вполне безопасное и выгодное мероприятие. А нужда в тринитротолуоле очень велика. Особенно весной, когда нужно подрывать ледяные заторы, угрожающие железнодорожным мостам.

Уже в ту пору я впервые задумался над созданием портативных мин для подрыва вражеских эшелонов. Всякое может случиться в будущем. Наши мины должны быть простыми, удобными, надежными, а взрыватели к ним — безотказными...

Еще в годы гражданской войны мне довелось познакомиться с устройством громоздких, сложных противопоездных мин замедленного действия, которые называли тогда «адскими машинами». В 9-м инженерном батальоне было несколько таких мин. Саперы поставили только одну из них на участке Батаяск — Ростов. Остальные впустую провозили всю гражданскую войну в обозе... Нет, не такие неуклюжие махины нужны Красной Армии!

Я начинаю регулярно читать военные журналы, изучаю минноподрывное дело, жадно пополняю знания и опыт, полученные на войне и в школе. С таким же упорством грызут гранит науки мои товарищи. Учится вся Рабоче-Крестьянская Красная Армия.

Быстро улучшается жизнь в стране. Успешно возрождается разрушенное двумя войнами хозяйство. Начался новый, 1924 год. Политика большевиков торжествует. И вдруг тяжелое горе обрушивается на партию, на народ. Морозным январским днем приходит весть, в которую страшно поверить: не стало Владимира Ильича Ленина.

Безутешно рыдают гудки всех паровозов и заводов. Люди застывают на улицах там, где застигло их горе. Страна в трауре.

Я неподвижно стою среди своих бойцов, держа в руке шлем. Нет слов. Мы не стыдимся слез. Что будет с партией, страной, народом? — этот вопрос в глазах у каждого.

И как бы в ответ на него — ленинский призыв в партию.

Ты хочешь, чтобы дело Ленина не умерло, чтобы оно жило, чтобы идеи ленинизма преобразили мир? Стань в ряды коммунистов! Всем, чем можешь, послужи партии, отдай ей свои силы. Пусть они невелики, но таких, как ты, — миллионы, и, значит, ваша воля и сила неодолимы!..

Я все еще был кандидатом в члены РКП(б). И так же, как тысячи других, подал в те дни заявление о приеме в члены партии.

Прошло более сорока лет. Но я не забыл волнения, пережитого в те минуты, когда стоял под строгими, оценивающими взглядами коммунистов полка.

Не забуду его и до последнего часа,

СЕКРЕТНАЯ КОМАНДИРОВКА

— Илья, к комиссару! Срочно!
— Не слыхал зачем?

Мой полковой приятель, командир соседней роты, Петр Павлович Монахов пожимает плечами, а я вздыхаю. Комиссар полка Николай Георгиевич Десяткин знает, что я неважный докладчик, и старается приучить меня к выступлениям перед аудиторией. Наверное, и на этот раз поручит делать доклад. Ну что ж? Сделаю, конечно... Только вот слушателей жаль.

— Разрешите, товарищ комиссар?..

Десяткин поднимается навстречу, пожимает руку, указывает на стул. Молчит, глядя мне в глаза.

Нет! Здесь не доклад. Здесь что-то другое.

— О нашем разговоре не должен знать никто, — предупреждает он. — Из штаба округа поступило приказание выделить опытного командира-подрывника для выполнения специального задания. Мы с командиром полка решили рекомендовать вас...

Через час после разговора с Десяткиным я уже запираю замки чемодана.

— Далеко, Илья?

— В округ. Опять какие-то курсы...

Хорошо, что один из замков капризничает, и можно не глядеть в лицо Петру Монахову. Хоть он мне и друг, но и с ним я не имею права откровенничать. Служба.

На вокзал ухожу один. Дощатый настил перрона блестит от дождя. Сентябрьское небо хмуро нависло над самой головой. Ветрено. Зябко. Скорей бы подавали состав... Кажется, я не очень удачно придумал с курсами. Только в позапрошлом, двадцать четвертом, году ездил на переподготовку в Ленинград. Впрочем, слово не воробей, вылетит — не поймаешь. Но что ждет меня в специальной, совершенно секретной командировке?..

В служебном вагоне все выясняется. Комиссия под председательством Е. К. Афонько, в которую я включен, будет работать под непосредственным руководством командующего войсками Украинского военного округа товарища Якира. Работа связана с укреплением приграничной полосы. Нам предстоит обследовать железнодорожные участки на границах с Польшей и Румынией, подготовить их к разрушению в случае внезапного вражеского вторжения. Я в комиссии единственный командир-подрывник. От меня ждут предложений по созданию заблаговременных минных устройств.

Все это весьма лестно, но очень смущает. В конце концов, кто я такой? Командир роты, всего лишь командир роты, да и то без году неделя! Вдруг не

справлюсь?

Беру себя в руки. Надо справиться! Обстановка этому способствует. Председатель комиссии на редкость организованный человек. Бритоголовый, могучего сложения, Е. К. Афонько даже в дороге не забывает о ежедневной зарядке. А ведь у него дел не счесть...

Комиссия объезжает границу. Мы осматриваем железнодорожные мосты, большие трубы, депо, водокачки, водонапорные башни, высокие насыпи и глубокие выемки.

С утра до поздней ночи в любую погоду вышагиваем по шпалам, по сырому балласту. Прикидываем, измеряем. А возвратясь в салон-вагон, начинаем скрупулезные подсчеты и выкладки.

Нам предстоит отчитываться перед самим Ионой Эммануиловичем Якиром.

Горьковатый запах паровозного дыма уже прочно въелся в одежду. Сырые шинели не высыхают за ночь. Прошел месяц, закончился второй, а наш вагон все кочует.

Как-то в октябре подползаем к станции Мозырь. С утра морозит. Ветер сечет лицо. Ух, невесело будет лазить по опорам и фермам горящего над Припятью моста! Но, кроме нас, лазить некому, так уж лучше не откладывать дела в долгий ящик.

Меня сопровождает начальник военизированной охраны моста, молодой, но склонный к полноте парень. Он щеголяет выправкой, поминутно поправляет кобуру нагана и вообще хочет показать, что они здесь не лыком шиты.

Осматриваю фермы. Доходит очередь до глубоких минных труб. Можно, конечно, затребовать чертежи моста и по ним установить размеры труб. Однако я давно взял за правило обследовать каждый объект самолично.

Начальник охраны остается на мосту, а я спускаю в трубу электрический фонарь. Всматриваюсь. И застываю на месте. В трубе лежит заряд динамита, покрытый густым маслянистым налетом...

— Придется закрыть движение по мосту! — говорю я начальнику охраны.

Тот белеет. Нижняя толстая губа его беспомощно отвисает. Но мне не до начальника охраны. Тороплюсь к членам комиссии, чтобы доложить о страшной находке.

Студенистый динамит, покрывшийся маслянистым налетом, крайне опасен. Он чрезвычайно чувствителен к механическим воздействиям. Достаточно небольшого удара, даже трения, чтобы динамит взорвался. Инструкции требуют уничтожать это вещество, избегая переноски...

Комиссия встревожена. И пока я обследую другие минные трубы, уже летят донесения в штаб округа и в Народный комиссариат путей сообщения. Движение по дороге прерывается. Надолго ли? Очевидно, надолго: я обнаруживаю заряды динамита с выпотевшим нитроглицерином и в других опорах. Чистая случайность, что мост до сих пор не взлетел на воздух.

На обмякшего начальника военизированной охраны тошно смотреть. Он забыл о выправке, суетится, пытается всем объяснить, что он здесь недавно. Улучив минуту, спрашивает меня:

— Ведь заряды давнишние? Правда давнишние?

Он ни в чем не виноват, бедняга. Заряды действительно старые. Но я отвечаю очень сухо. Неприятен не умеющий владеть собой человек. Впрочем, на-

чальнику охраны мой тон неважен. Ему важно услышать, что он тут ни при чем. И толстое лицо парня расплывается в неуверенной улыбке.

— Что надо предпринять? — спрашивает меня председатель комиссии. — Учтите, задерживать движение на большой срок нельзя.

— Сейчас, Евсей Карпович, во всяком случае, движение невозможно! Прошу вызвать команду подрывников. Желательно — команду моего полка.

Никто не спорит. Вызов команде посылают немедленно. А я стараюсь держаться в стороне, чтобы избежать вопросов: ведь сам не знаю, как поступить. Ни один из известных мне способов разминирования не кажется пригодным. Начни мы вынимать динамит, кто поручится, что не погубим бойцов и не подорвем мост? Я лично не поручусь. Мне на занятиях достаточно много твердили, что динамит с маслянистым налетом особенно чувствителен к механическим воздействиям. Его надо просто взрывать. А как? Вместе с мостом, что ли?

— Думай! Думай, черт тебя возьми! — говорю я сам себе. — Думай!

Не хочется ни есть ни пить. Однако нельзя целый день ничего не брать в рот. Усталый и мрачный, прихожу в служебный вагон. Никак не могу отмыть грязные руки. Прошу горячей воды. Горячая мыльная вода смывает жирные пятна мазута.

И вдруг меня словно током ударило: вот он выход! Найден! Надо налить в минные трубы мазута, насыпать опилки, а потом вымывать динамит теплой щелочной водой.

Я еле дождался прибытия своих бойцов. Объяснил им, в чем загвоздка, и мы приступили к работе. Какое счастье! Мазут, сухие опилки и горячая вода действовали безотказно. Теперь я мог доложить:

— Мост будет разминирован в ближайшее время!

Целыми днями находился я на мосту. Схватил жестокую простуду, а уйти нельзя. Так и держался, пока не миновала опасность. Да и тут отдыхать не пришлось. Пока возились с мостом, я запустил оформление документации. Пришлось наверстывать упущенное...

— Несмотря на непредвиденную задержку, специальная комиссия выполнила работу в срок и заслужила благодарность командующего округом.

В конце ноября я вернулся в полк.

— Ну как твои курсы? — прищурясь, спросил Петр Монахов.

— Нормально. Повторяли пройденное.

Он ничего не сказал, обнял меня и похлопал по спине.

Поездка специальной комиссии на обследование границы была только началом огромной работы, в которую включались все больше людей и целые подразделения.

Перед нами ставилась задача — сделать все, чтобы противник не мог воспользоваться при вторжении нашими дорогами.

Приходилось теперь часто бывать в Харькове и изучать в штабе округа различные документы.

За нами внимательно наблюдали начальник штаба округа П. П. Лебедев и сам командующий Иона Эммануилович Якир.

Впервые я увидел И. Э. Якира весной 1928 года. Командующий зашел в комнату, где мы работали, жестом разрешил садиться и сам присел возле одного из столов.

У Якира было удивительно моложавое лицо, быстрый, какой-то юношеский взгляд и уже совсем по-юношески пышная темная шевелюра.

Он спросил, как работается. Поинтересовался, нет ли каких помех. Напомнил:

— Вы делаете чрезвычайно важное дело. Наша обороноспособность зависит и от заблаговременной подготовки к устройству заграждений на дорогах. От заграждений, увязанных с боевыми действиями войск.

Впоследствии мне не раз приходилось встречаться с Ионой Эммануиловичем Якиром. Случалось видеть его и озабоченным, и омраченным, но я никогда не испытывал в его присутствии ни робости, ни неловкости. Якир всегда оставался очень внимательным к людям, терпеть не мог нагонять страх на подчиненных. И именно за это в армии его не просто любили, а обожали (я не боюсь старомодного слова!).

Все советы Якира были деловыми. Он отлично знал обстановку. Казалось, что командующий округом сам прошел рядом с тобой по всей границе.

Помню, при первой встрече Якир обратил наше внимание на необходимость тщательного планирования работ по заграждению, требовал учесть все силы и средства, имеющиеся на местах.

— Учите людей полагаться не на одни только приказы. Учите их действовать разумно и решительно в соответствии с обстановкой. Приказы, знаете ли, иногда даются издалека, могут запоздать, а на войне промедление способно привести к гибели...

22 июня 1941 года я вспомнил эти слова Ионы Эммануиловича Якира, и сердце мое сжалось...

Но не буду забегать вперед. Скажу только, что встреча с Якиром нас тогда окрылила. Меня же, подрывника, особенно взволновало внимание командующего к взрывным заграждениям. Я крепко запомнил его указание присмотреться к возможностям управления минными заграждениями, какие открывает радио, только начавшее тогда внедряться в армию.

В конце 1929 года подготовка к устройству заграждений на границе была завершена. В округе подготовили более 60 специальных подрывных команд общей численностью 1400 человек. Построили десятки складов для взрывчатых веществ и создали запасы взрывчатки. Отремонтировали свыше 120 минных труб, колодцев, ниш и камер на мостах. Припасли более 1640 вполне готовых сложных зарядов и десятки тысяч зажигательных трубок, которые можно, было ввести в действие буквально мгновенно.

Помимо взрывных заграждений создавались и иные. Вся их система увязывалась с системой укрепленных районов.

Теперь можно было относительно малыми силами и в сравнительно короткий срок сделать на длительное время невозможным для противника движение по нашим дорогам.

В те годы была уже поставлена и другая важная задача: захваченные врагом пути сообщения выводить из строя так, чтобы при обратном занятии их нашими войсками быстро восстанавливалось движение. Руководство инженерных войск и военных сообщений Красной Армии отчетливо представляло, что этого можно достигнуть, только умело сочетая эвакуацию и разрушение с применением управляемых мин и мин замедленного действия (МЗД). Последние должны были играть главную роль.

Несколько слов об МЗД.

В 1928–1929 годах армия уже имела ряд противопоездных мин замедленного и мгновенного действия. Некоторыми из них можно было подорвать любой указанный поезд, даже определенный вагон этого поезда. Но имелся у этих мин один очень существенный недостаток: они срабатывали только при установке под шпалы или вплотную под рельсы. Оставляла желать лучшего и герметичность.

Однако минноподрывное дело неуклонно прогрессировало. Совершенствовались, в частности, и способы расположения зарядов, увеличивалась надежность их одновременного взрыва на больших объектах и в любую погоду. Надеялись, что в недалеком будущем получим достаточное количество отличных по качеству мин самых различных конструкций, в том числе и противопоездных, допускающих установку вне связи с рельсами и шпалами.

Увы! Их мы так и не получили! В годы сталинского производства необходимые для армии мины не только не попали в серийное производство, но даже чертежи их погибли вместе с конструкторами.

Никто, конечно, не предполагал этого. Осенью двадцать девятого года, готовясь к маневрам, мы были полны уверенности в лучшем будущем...

Ночь. Ветер. На одном из участков дороги западнее Коростеня необычное оживление. И. Э. Якир приехал проверять готовность заграждений. Вместе с командующим — начальник военных сообщений, представители Управления Юго-Западной железной дороги, командиры железнодорожных частей.

Якир и его спутники уверенно шагали в темноте по железнодорожному полотну. Мы, командиры-подрывники, нервничая, шли сзади.

Раздалась команда:

— Приступить к минированию!

Вот теперь будет видно, хорошо мы работали или плохо.

Время тянется невыносимо медленно.

Начальник военных сообщений округа Ф. К. Дмитриев то и дело освещает фонариком циферблат хронометра.

А донесений о готовности к взрывам нет и нет...

Я напряженно вглядываюсь в темноту и, кажется, вижу, как неповоротливо движутся на объектах люди, как медлительно вставляются в заряды электродетонаторы. Ах, если бы можно было самому броситься в темень и помочь бойцам! Но надо стоять и ждать. Стоять и ждать.

Якир не произносит ни слова. Он тоже ждет.

Наконец приходит сообщение;

— Все готовы!

Минуту спустя острые вспышки учебных пакетов вырвали из темноты пролеты моста, стрелки, участки полотна. Эхо подхватило гул. Путь разрушен!

И все же результаты учения не удовлетворили нас. Во время последних тренировок подрывники действовали гораздо быстрее. Удрученные, поднялись мы в вагон командующего округом для разбора занятий.

Якир не спешил с выводами.

— Прежде всего подкрепиться и согреться! — распорядился он.

Присели к столу. Взяли стаканы с горячим чаем. Но было не до чаепития...

И вдруг услышали веселый голос командующего:

— Не падайте духом, минеры. Я же понимаю, в чем беда, и делаю скидку на присутствие высокого начальства... Раньше-то действовали быстрее?

— Быстрее, Иона Эммануилович, — отозвался кто-то.

— Могу вас утешить, — засмеялся Якир, — во время войны большое начальство не будет стоять над душой. Вас это устраивает?

На наших лицах появились ответные улыбки.

— Ну вот и отлично, — одобрил командующий. — А теперь займемся разборочкой учений и выясним, в чем причина недостаточной четкости ваших действий. Прошу внимания!..

Иона Эммануилович был замечательным оратором. Говорил он ясно, образно. Умел обнажить подмеченные ошибки и посоветовать, как от них избавиться.

И никакого разноса! Только забота о том, чтобы дело пошло на лад.

Якира не считали добрячком. Он знал цену требовательности. Но когда требовал, каждый чувствовал, что имеет дело не просто с «большим начальником», что перед ним старший, умудренный жизнью товарищ...

Примерно через год присланная из центра комиссия снова проверяла готовность к устройству заграждений и разрушений на приграничных участках. На этот раз результаты получились иными. Бойцы, охраняющие мосты (они же и подрывники), действовали слаженно и уверенно.

Шестидесятиметровый мост через реку Уборть под Олевском был, например, полностью подготовлен к разрушению при дублированной системе взрывания да две с половиной минуты.

Не знаю, как это конкретно делалось, но мне известно, что заблаговременная подготовка к устройству заграждений (разрушений) на железных дорогах в приграничной полосе проводилась и в других приграничных военных округах. Для этой цели были изданы специальное Наставление (красная книга) и Положение (зеленая книга). В Наставлении впервые подробно описывалось, как производить порчу железнодорожного пути, мостов и других объектов на железных дорогах. Оно сыграло большую роль в совершенствовании минноподрывных работ.

Зеленая книга — Положение — четко определяла варианты разрушения и порчи железнодорожных объектов в зависимости от того, на какой срок желательно вывести их из строя. Все расчеты сил и средств производились для полного и частичного разрушения. Необходимые запасы минноподрывных средств создавались для полного разрушения дорог в полосе до 60—100 километров от границы, и располагались они вблизи охраняемых объектов.

На занятиях с командным составом подрывных команд особо подчеркивалось, что при решении вопроса о характере и объеме заграждений (разрушений) необходимо тщательно взвешивать последствия, к которым они приведут. Стремиться нужно к тому, чтобы исключить всякую возможность использования разрушенного объекта противником и вместе с тем не создать непреодолимых трудностей для восстановления движения при возвращении наших войск.

МОЙ РЕЦЕНЗЕНТ Д. М. КАРБЫШЕВ

За окном вагона мелькают телеграфные столбы. Кружится по незримой орбите, бежит навстречу поезду осенняя степь. Вместе со степью далеко позади остаются промокшие балки, редкие рощи, беленые хатки.

Возле станционных садочков стоят с ведрами и кувшинами дородные жинки и девчата-гростиночки, предлагают пассажирам варенец, жареных кур, яички.

Страна живет мирной жизнью. Газеты пишут об индустриализации, о создании первых колхозов, о полной ликвидации безработицы. А вот из-за рубежа идут вести о забастовках, о правительственных кризисах, о фашистских выстрелах. Там, за границей, все еще проповедуют «крестовый поход» против большевиков. Обосновавшиеся в Париже белые генералы, окончив «рабочую» ночь в кабаках на Рю Пигаль, спешат на сборища, где вновь и вновь обсуждают состав будущего правительства «свободной России»...

Глубокая осень 1928 года. Я еду на учебу в Центральный институт труда. Но есть у меня в Москве и другое дело.

Прошедшей весной я написал для журнала «Война и техника» две статьи. Одну — о приспособлении для надежного применения пенькового фитиля при подрывных работах с зажигательными трубками в ненастную погоду, другую — о поточном способе подрывания рельсов.

Первую статью приняли, а вторую редакция возвратила мне с замечаниями Д. М. Карбышева.

Рецензия была блестяще аргументирована. Возражать против доводов Д. М. Карбышева я не мог. Он справедливо писал о необходимости дополнительной проверки массового поточного подрыва рельсов двухсотграммовыми толовыми шашками, о необходимости тщательно обеспечить безопасность не только подрывных команд, но и войск, находящихся вблизи разрушаемой железной дороги. Да и о многом другом.

Я не успел доработать статью. И теперь, приближаясь к Москве, думаю о встрече со своим рецензентом. Хочу посоветоваться с ним.

На площади перед Киевским вокзалом — шум и толчея. «Мигом домчим!» — зазывают седоков лихачи, живо поворачиваясь на облучках высоких красноколесных пролетов. Взмахивают торбами лошади. Ветер метет по булыжной площади сенную труху. Пробиваясь в людской сумятице, надрывно звенит трамвай. Пассажиры плотно облепили красные вагончики, виснут на подножках. Кондуктор дергает за веревку, дает звонок к отправлению. Поехали!

Жадно смотрю по сторонам.

Москва красит фасады, строит новые дома. Вдоль улиц густо дымят асфальтовые котлы — приводятся в порядок мостовые и тротуары. На самых высоких зданиях — рекламы ГУМа и Моссельпрома. Грохочут телеги, запряженные мохноногими битюгами, тяжело груженные лесом, железом, бычьими тушами. Рвякают клаксонами-грушами первые отечественные грузовики — тупорылые АМО. Попадают и легковые машины, но все иностранных марок: «мерседесы-бенцы», фордики, «бьюики». Сами мы легковых машин еще не производим. Ничего! Скоро построим множество заводов, преобразим страну, появятся и у нас хорошие советские машины! Ничего!..

Печатаю шаг, размахивая руками, идет по улице рота. На красноармейцах зеленые гимнастерки, фуражки, яловые сапоги.

Провожая молодежь взволнованным взглядом.

Помню, как в 1921 году на одесском параде, когда я готовился сдавать экзамены в инженерное училище, мы маршировали в... кальсонах и нательных рубашках. Ничего другого делать не оставалось. Приехав из разных частей, мы и одеты были по-разному — кто в гимнастерки, кто в бушлаты, кто просто в ситцевые рубахи. Лишь одно было на складе одинаковым — нательное белье. Постирали его, погладили, надели нижние рубашки навывпуск, перепоясав армейскими ремнями, и — сошло...

Скрылась рота. Прощай и ты, мое прошлое! Мне некогда думать о тебе.

Я люблюсь большим оживленным городом, позабыв о предстоящих делах.

Воробьи-разбойники, стайками налетая на свежие, еще дымящиеся кучки конского навоза, неумоимо прыгают по мостовой... Спешат прохожие, спешат извозчики, и даже трамваи. Я спохватываюсь и тоже тороплюсь...

— Кто такой Карбышев? — Сотрудник журнала «Война и техника», повторяя мой вопрос, удивленно округляет глаза. — Разве вы не знаете?

— Не знаю.

— Товарищ Карбышев — крупный военный специалист, — с подчеркнутым уважением поясняет сотрудник журнала. — Очень крупный. Начальник кафедры Военной академии имени Фрунзе. — И, помолчав, веско добавляет: — Участвовал в русско-японской войне, прошел империалистическую, дослужился до полковника в царской армии... Всю гражданскую войну, с первых дней, воевал против белогвардейцев... Очень, очень крупный специалист...

Вот, значит, кто рецензировал мою статью!

Признаться, я смущен. Может быть, моя статья показалась ему детским лепетом и ученый не разнес ее в пух и прах только из вежливости?

Возникает робкая мыслишка: «А не удрать ли, пока не поздно?»

Но уже поздно. Сотрудник редакции предупредительно встает, увидев входящего в комнату сухощавого человека лет сорока пяти. Тщательно причесанные редкие волосы его чуть тронуты сединой. С узкого лица строго смотрят серые, кажущиеся холодными глаза. В петлицах хорошо сшитой шинели два ромба.

— Карбышев, — крепко пожимая мою руку, говорит он. Садимся. Карбышев и сидя не теряет осанки. Чувствуется, что постоянная подтянутость привычна ему.

По просьбе Дмитрия Михайловича рассказываю об опытах массового подрыва рельсов поточным способом.

Этот способ вдвое сокращает расход взрывчатых веществ и почти в пять раз увеличивает производительность подрывных команд по сравнению со способом, описанным в Наставлении по подрывному делу.

Поточный способ подрыва — мое детище. Естественно, что я увлекаюсь и немного горячусь.

Карбышев слушает внимательно, не перебивая.

Умолкаю. Нетерпеливо жду его ответа.

Дмитрий Михайлович вскидывает брови.

— Все делали правильно, — говорит он. — Но ваш опыт подрыва, хотя и значителен, остается опытом мирного времени. А в мирное время допускается

много условностей, которых не будет на войне. Следовательно, поправки придется вносить на ходу? Так?

— Мы стремились приблизиться к условиям военного времени...

— Понимаю. Но работали вы в основном с модельными шашками. Стало быть, каков будет эффект от массовых взрывов зарядов, от разлета осколков рельсов, вы сказать не можете. А знать это надо. Могу посоветовать лишь одно: дополните свои опыты, проводите тренировки и ночью, надежно обеспечив безопасность, взрывая боевые заряды. Если проверка подтвердит вашу правоту — можно будет рекомендовать поточный способ войскам. Но проверка должна быть тщательной!

Все это сказано суховато. Обращается ко мне Карбышев строго по-уставному.

— Вы еще не доделали статью? — неожиданно спрашивает он.

— Не успел...

Мой собеседник побарабанил пальцами по столу. Пальцы у него длинные, загорелые.

— Где вы воевали, товарищ Старинов? На Западном фронте не пришлось побывать?

— Нет, я был на юге.

— Крым?

— Да, и в Крыму.

Оказалось, Карбышев знает некоторых командиров, с которыми мне довелось служить, знает и те места, где проходила наша дивизия.

Разговор оживился. Дмитрий Михайлович поинтересовался, где я учился, спросил, как обстоит дело у меня с учебой теперь, есть ли в наших железнодорожных частях пособия, необходимые для красноармейцев.

Рабочий день в редакции давно закончился, а мы все говорили.

Наконец Дмитрий Михайлович встал.

— Желаю вам больших успехов. Верю, что вы их добьетесь. А статью доделайте. Бросать начатое дело не годится...

Теперь, много лет спустя, я понимаю, что Карбышев завел речь о гражданской войне нарочно, чтобы только приободрить меня. Но в тот далекий вечер нашей первой встречи я был счастлив, что со мной доверительно беседовал такой человек, что он не отмахнулся от моей работы, благословил на поиски.

Забегая вперед, скажу, что в 1934 году, будучи в Москве на учебе в Военно-транспортной академии, я без предупреждения зашел на работу к Дмитрию Михайловичу Карбышеву. Он принял меня, как старого, доброго знакомого.

Выслушав мои соображения об инженерных минах различного назначения, в особенности о минах замедленного действия, Карбышев заинтересовался ими.

— Вам надо написать на эту тему диссертацию! — горячо убеждал он.

В годы моей учебы Карбышев присутствовал на наших полевых занятиях. Вставал он одним из первых и, хотя ему часто нездоровилось (ведь уже тогда было за пятьдесят), ни разу не ушел с занятий, оставался с нами до конца, даже в самую ненастную погоду. Делал заметки, хронометрировал, охотно помогал, если к нему обращались за советом.

Никогда не забуду такой случай. При отходе от минированного объекта, где

были воспламенены зажигательные трубки, один из красноармейцев споткнулся и упал. Прежде чем мы успели сообразить, Карбышев подбежал к бойцу. Отходили они уже вместе...

Я еще вернусь к светлому образу Дмитрия Михайловича Карбышева. А сейчас хочу досказать про двадцать девятый год.

Тогдашняя моя командировка в Москву надолго не затянулась. Я возвратился в полк бодрый, полный новых планов и, конечно, новых надежд.

На квартире меня ждало письмо. По адресу узнал руку сестры. Бесшабашно вскрыл конверт и окаменел. Сестра писала, что умер отец. Его уже похоронили, не чая дожидаться разъехавшихся по стране сыновей...

Мы находимся в вечном долгу перед теми, кто дал нам жизнь и помог встать на ноги. Почему же мы остро вспоминаем об этом лишь после их смерти?

Я долго не зажигал огня.

Одиннадцать лет назад, когда я был в Твери, мне сообщили о смерти матери. Она умерла совсем молодой. Непосильная работа на железной дороге и дома, забота о шестерых детях и муже, вечные хлопоты, систематическое недосыпание состарили ее и до времени свели в могилу. Обстоятельства сложились тогда так, что я не смог поехать на похороны.

А теперь вот умер отец. И меня снова не было рядом...

НА ПАРТИЗАНСКОЙ ТРОПЕ

То, о чем я расскажу в этой и нескольких следующих главах, может вызвать удивление и недоумение читателя. Речь пойдет о подготовке в начале 30-х годов партизанских кадров и о создании специальной партизанской военной техники.

Учитывая возможность Нападения на Советскую страну империалистического агрессора, Центральный Комитет партии поручил Народному комиссариату по военным и морским делам заблаговременно осуществить меры, повышающие обороноспособность социалистического Отечества.

Тогда-то наряду с работами по устройству заграждений на путях сообщения началась и подготовка партизанских кадров, создание партизанской техники. А несколько позднее развернулось строительство мощных укрепленных районов.

Много ума, сил, организаторского таланта вложили в подготовку партизанских отрядов и тайных партизанских баз наши замечательные военачальники М. В. Фрунзе, И. Э. Якир, И. П. Уборевич, В. К. Блюхер, Я. К. Берзин.

И не только потому, что это было положено им по должности. Крупнейшие военные деятели правильно оценивали обстановку, по-марксистски предвидели будущее, понимали огромное значение партизанских методов борьбы с возможным противником.

Время наступало тревожное. Политическая атмосфера в Европе накалялась день ото дня. Правые социалистические лидеры, напуганные решительными выступлениями рабочих и ростом влияния коммунистических партий, шли на сговор с буржуазией. Предательство совершалось за предательством. Кровь рабочих, расстреливаемых во время демонстраций, не просыхала на площадях и улицах «демократических» буржуазных республик.

В Италии бесчинствовали молодчики Муссолини. В Польше беспощадно

расправлялся с трудящимися Пилсудский. Германию душила инфляция. Реакционные правительства США, Англии и Франции помогали германским милитаристам и штурмовикам Гитлера, использовавшего жупел антикоммунизма, чтобы выманить средства у своих западных конкурентов для похода на Восток. На Дальнем Востоке начали терзать Китай японские империалисты.

Хваленые, кичащиеся своим «опытом» дипломаты Запада — «защитники высоких принципов свободы личности, гуманности и демократии» — с трагической нотой в голосе предупреждали мир об опасности коммунизма.

За дымовой завесой этих подлых слов, под вопли папских энциклик, призывавших к крестовому походу на Советский Союз, все наглее и увереннее действовал фашизм.

Рейхстаг еще не загорелся, но к нему уже подбиралось пламя. Нельзя было благодушно ждать, пока оно перехлестнет и наши границы.

В эти тревожные дни у нас повышалась боевая готовность войск, укреплялась приграничная полоса.

В январе 1930 года меня вызвали в Харьков, в штаб Украинского военного округа.

Над городом стояла морозная дымка. Голые ветви лип опушил иней. Но, несмотря на холод, у продовольственных магазинов с бутафорскими витринами выстроились длинные очереди.

В штабе меня принял начальник одного из отделов Август Иванович Баар. Это был высокий угловатый человек. Про таких обычно говорят: широкая кость. Я знал, что Баар — латыш, но он походил на лесоруба из дремучей тайги, прожившего долгие годы среди молчаливых распадков и кедровника. На красных петлицах Баара красовалось по два ромба.

Протянутая мне рука тоже была рукой лесоруба — большая, жесткая, словно загрубевшая от добротного топориста.

Говорил Баар густым голосом, явно сдерживая бас, и фразы у него получались отрывистые, клочковатые.

Я решил, что передо мной угрюмый и замкнутый человек. Насторожился. На вопросы отвечал так же односложно, как они задавались. Беседа наша явно не клеилась. Но вот Баар перешел к делу, сообщил, что мне предстоит обучать партизан.

— Это труднее и сложнее, чем учить молодых красноармейцев. Яснее вам расскажет обо всем товарищ Якир. Пройдемте к нему.

Командующий разбирал бумаги. Поднял лицо, заулыбался. Баар представил меня.

— Со старыми знакомыми разговаривать легче, — сказал Якир.

Он с увлечением рассказал о целях подготовки партизан и методах их обучения.

— Ясно?

— Все ясно, товарищ командующий.

— Очень хорошо. Только здесь существует одно «но»... Товарищ Баар, видимо, предупредил вас, что предстоит обучать людей опытных и заслуженных. Очень опытных! Стало быть, нужно преподавать так, чтобы они не разочаровались. Азы им твердить не надо. Давайте больше нового. Как можно больше нового! И учтите — в тактике самой партизанской борьбы они пока разбираются лучше вас. Так что не задевайте самолюбие людей и сами учитесь у них

всему, что может понадобиться. Ясно?

— Ясно, товарищ командующий.

— Вам поручается важное партийное дело, товарищ Старинов, — уже без улыбки предупредил Якир. — Вы обязаны с ним справиться.

Какое-то мгновение он пристально смотрел на меня, словно впервые увидев или заново оценивая, и вдруг без всякого перехода строго спросил:

— Кстати, как ваше здоровье? Не мучают последствия ревматизма?

Я несколько растерялся: не ждал подобного вопроса и не мог сообразить, откуда Якиру известно о моем недомогании. Глубокой осенью 1926 года, работая вместе с бойцами в ледяной воде, я действительно заболел ревматизмом, и это дало осложнение на сердце. Но кажется, никому не жаловался на свое здоровье...

— Сейчас чувствую себя неплохо, — поспешил заверить я командующего.

— Ну и очень рад!.. Итак, характер будущей работы вам понятен. Задания будете получать от товарища Баара или его заместителя... Я знаю вас как подрывника. Как подрывника мы и берем вас в отдел товарища Баара. Там, надеюсь, вас сделают еще разведчиком и партизаном.

Повернув голову в сторону Баара, он ждал ответа.

Баар густо пробасил:

— Постараемся, Иона Эммануилович. Товарищ Захаров умеет воспитывать себе помощников...

Якир пружинисто встал из-за стола:

— Желаю успеха! Но помните: никто не должен знать о вашей работе. — И снова улыбнулся, щурясь: — Кроме меня, конечно...

Новое дело увлекло и захватило меня. Вначале я обучал будущих партизан только минноподрывному делу, зато сам учился многому и помногу. Вникал в историю партизанских войн, в тактику партизанской борьбы с противником, в тонкости и премудрости разведки. Короче говоря, обучая, я сам получил подготовку, какой в то время не давала ни одна академия.

Невольно приходилось задумываться и над созданием таких инженерных мин, которые можно применять именно в тылу врага.

В одной из бесед с будущими партизанами Иона Эммануилович Якир привел слова Ленина о том, что большевики могут и должны воспользоваться усовершенствованиями техники, должны научить массы готовить бомбы, помочь боевым дружинам запастись взрывчатыми веществами, запалами, автоматическими ружьями.

— Эти слова вождя пролетарской революций, — подчеркивал Якир, — не потеряли значения и в наше время. Они имеют прямое отношение к тем, кому предстоит организовать и возглавить битву с врагом в его тылу, то есть к партизанам. Партизанские выступления не месть, а военные действия.

По личному указанию И. Э. Якира я организовал мастерскую-лабораторию, где разрабатывал с товарищами образцы мин, наиболее удобных для применения в партизанской войне. В этой лаборатории родились так называемые «угольные» мины, с успехом применявшиеся в годы Великой Отечественной войны нашими замечательными партизанами Константином Заслоновым, Анатолием Андреевым и многими другими героями борьбы с гитлеровцами.

Здесь же родилась и обрела плоть идея создания некоторых, теперь широ-

ко известных автоматических мин. Мы сконструировали так называемый «колесный замыкатель», окрещенный в Испании миной «рапида»[2]. Нашли и отработали способы подрыва автомашин и поездов минами, управляемыми по проводам и с помощью бечевки.

Будущие партизаны не только познакомились с устройством этих мин. В случае необходимости они могли теперь изготовить каждую из них. Большое внимание уделялось также самостоятельному изготовлению запалов, гранат, умению рассчитывать и закладывать заряды взрывчатки.

В партизанские отряды подбирались по указанию И. Э. Якира различные специалисты. Помимо совершенствования в основной специальности они глубоко изучали и смежные военные профессии. Каждый минер был и парашютистом, и радистом, и мастером маскировки.

Товарищ Якир заботился о сколачивании крепкого, боеспособного костяка будущих партизанских отрядов и бригад. Он требовал формировать эти соединения так, чтобы в их состав входили и опытные, привыкшие к походам по тылам противника партизаны и молодые кадровые командиры. Перед нами командующий ставил задачу совершенствовать уже известные методы партизанской войны, отыскивать новые возможности, добиваться высокой маневренности партизанских групп и уметь обеспечивать их материально.

Товарищ Якир советовал постоянно заботиться о быте партизан, об их семьях.

— Людям предстоит воевать в тылу врага. Они не смогут не только помогать родным, но даже порой и писать им. Тем больше внимания мы обязаны уделить семьям бойцов.

Этим советом Якира нам, увы, пришлось воспользоваться сразу. Дело в том, что уже в 1930 году некоторые будущие партизаны, возвратившиеся из нашей школы домой, сразу же стали жертвами произвола. Во многих случаях мы своевременно узнавали о такой беде и делали все необходимое, чтобы помочь невинно пострадавшим людям. Некоторых высылаемых партизан удалось вернуть уже из эшелонов.

Чтобы исключить в дальнейшем возможность репрессий по отношению к известным нам людям, мы начали устраивать их на сахарные заводы, в МТС и леспромхозы, где директорами были будущие командиры партизанских бригад и отрядов. В начале тридцатых годов это спасло подготовленных нами товарищей. Но в дальнейшем аресты так называемых врагов народа оказались роковыми и для многих будущих партизан. Их объявили «пособниками врагов народа» и почти повсеместно репрессировали.

Выжили лишь очень немногие. Уцелел, в частности, будущий комиссар легендарного ковпаковского соединения Семен Васильевич Руднев. И теперь все знают, какой неувядаемой славой покрыл он себя в горькую годину фашистского нашествия...

В молодости мнение о людях нередко составляешь с ходу, по первым впечатлениям, и не удивительно, что часто ошибаешься. Иногда испытываешь при этом горечь, иногда — стыд.

Я проводил с партизанами занятия по изучению пулемета «люис». Должен заметить, что изучению оружия иностранных образцов наше командование уделяло самое серьезное внимание: ведь будущим партизанам обязательно пришлось бы пользоваться трофейным оружием.

Итак, мы колдовали над пулеметом «люис». Кое-какая практика у меня уже была, и я не очень смущался, хотя в классе находился А. И. Баар.

Рассказав о тактико-технических данных пулемета, я довольно бойко разобрал его. Но всякое малоизученное оружие обладает весьма неприятным свойством: его легко разобрать, да трудно собрать. В тот раз мне пришлось убедиться в правоте этой невеселой истины. Проклятый «люис» не желал обрести первоначальный вид. Одну деталь я долго вертел в руках, не зная, куда поставить.

Ученики терпеливо ждали, чем закончатся потуги преподавателя. Из деликатности ничем не выдавали своего отношения к происходящему.

И тут раздался густой бас Баара:

— Разрешите мне, товарищ Старинов? Руки чешутся...

— Пожалуйста...

Август Иванович неторопливо взял в руки пулемет, кинул суровый взгляд в сторону засмеявшегося было товарища и, хмуря брови, неспешно, однако ловко и очень быстро собрал «люис».

— Вот так мы собирали когда-то трофейные пулеметы, — сказал Баар, поглаживая своей большой рукой вороненый ствол. — Больше тренируйтесь, тогда будете быстрее собирать. Эту работу, товарищи, надо уметь делать механически. А придется — и на ощупь...

Он помедлил какое-то мгновение, потом извинился передо мной за то, что помешал, и опять передал мне пулемет.

Как я был благодарен за выручку! Баар вовремя спас меня от позора, да еще повернул дело так, будто вся моя вина только в медлительности!

Поборов смущение, я довел занятие до конца. А как только учащиеся разошлись, Баар, прервав мои оправдания, добродушно посоветовал:

— Не жалейте времени на знакомство с подобными «машинками». Пригодится в жизни, поверьте слову! Знать иностранные образцы нам очень нужно. Партизан должен уметь сразу использовать трофейное оружие!

Приятно было почувствовать на плече тяжесть бааровской ладони.

А в правоте его слов мне пришлось убедиться и в Испании, и во время партизанской войны в тылу гитлеровцев. Да еще как убедиться!

Со дня конфуза с «люисом» я уже не считал Баара ни замкнутым, ни угрюмым: понял, сколько тепла таится за внешней грубоватостью и кажущейся нелюдимостью этого человека...

А. И. Баар да и Иона Эммануилович Якир часто бывали у нас на практических занятиях. Помню их приезд на занятия, посвященные действиям партизанской засады на автомобильной дороге. Это было летом 1931 года. Темной ночью Якир обошел колонну новеньких грузовиков отечественного производства.

— Какова техника у нас нынче! — радовался командующий. — Это вам не времена гражданской войны! Не по дням, а по часам набираем силу!

Запомнилось и то, как Якир вместе с Бааром стояли на летном поле аэродрома под Харьковом, наблюдая за приземлением партизан-парашютистов.

Якир восхищался новыми самолетами, радовался успешной выброске десанта:

— К будущей войне мы должны иметь тысячи опытных парашютистов, чтобы наносить удары и по глубоким тылам агрессоров...

В моей памяти сохранилось выступление Ионы Эммануиловича на выпуске группы командиров, комиссаров, начальников штабов и специалистов, намечавшихся на роль организаторов будущих партизанских соединений. Всего собралось человек сорок, из них больше половины — участники партизанской борьбы против интервентов на юге.

Якир говорил ярко и убедительно. Он призывал к защите завоеваний Великого Октября, к выполнению партийного и воинского долга.

— Советский Союз — миролюбивая страна, — говорил он, — и никому не угрожает. Наше миролюбие, настоящее, подлинное, знают все честные люди мира. Но если империалисты на нас нападут, мы дадим им сокрушительный отпор, используя всю свою мощь, в том числе и партизанскую войну в тылу врага. К этому вы, дорогие товарищи, и готовьтесь.

Дальше в своей речи командующий разъяснил, что вести партизанскую войну — наше законное право. Ссылаясь на высказывания Владимира Ильича Ленина и Михаила Васильевича Фрунзе, на опыт партизан 1812 года, Якир подчеркивал, что в связи с военно-техническим прогрессом роль и значение партизанских методов борьбы неизмеримо возрастают. И тут он сказал, что Коммунистическая партия, ее Центральный Комитет уделяют большое внимание заблаговременной подготовке к партизанской борьбе на случай вражеского нападения. По указанию ЦК для этой цели выделяются все необходимые материальные средства и подбираются проверенные кадры.

Вышли мы из помещения школы, находившейся на окраине Киева, за полночь. Мигали редкие фонари. Транспорт уже не работал.

— Ну теперь потопаем на своих двоих! — с досадой бросил кто-то.

— Ни в коем случае! — быстро обернулся на голос Якир. — На моей машине всех развезут по домам. Кстати, у меня есть тут еще дела...

В ЛЕСУ ПОД ОЛЕВСКОМ

Шел дождь. Обложной, унылый, беспросветный. Спускаясь из служебного вагона на осклизлую, черную от воды дорогу, Якир поднял голову, посмотрел на низкое небо. Нигде ни единого просвета... Командующий пожал плечами, вынул носовой платок, отер лоб. Я подумал, что нынче ничего не состоится, однако Якир, спрятав платок, дал знак следовать за ним. Его высокие яловые сапоги скользили, разбрызгивая грязь. Жидкий проселок уводил все дальше от станции. Якир не замедлял шага.

Вошли в лесок. Вечерело, и в залитом потоками дождя подлеске уже густела темень. Командующий внезапно остановился, прислушался. Прислушались и мы. Сквозь шум мокрой листвы донеслись чавканье конских копыт и скрип тележных осей.

Приблизилась головная подвода. Командующий вскочил на нее.

— Садитесь на следующие, — негромко приказал он. Мы двинулись в глубь ночного леса. Ехали долго и остановились неожиданно.

— Здесь разбить палатку, — раздался из темноты голос Якира.

Разбивка палатки — дело привычное и несложное. Полотняный шатер поднялся посреди небольшой поляны. Внутри засветился зажженный кем-то фонарь.

— Ну и конспираторы! — с досадой бросил командующий. — Свет-то за сотню метров видно. Немедленно замаскируйте!..

Все десять человек, принимавших участие в закладке скрытой партизанской базы западнее Коростеня, вблизи Олевска, сбились в палатку...

Идея создания таких баз, где хранились бы оружие, взрывчатые вещества и боеприпасы на случай вражеского нашествия и необходимости партизанской войны, принадлежала Михаилу Васильевичу Фрунзе. Михаил Васильевич считал подготовку к партизанской борьбе одной из важнейших задач Генерального штаба Красной Армии.

Много внимания ее осуществлению уделял Якир. Организация многочисленных партизанских баз вдоль нашей западной границы проводилась им в 1931–1933 годах, одновременно со строительством укрепрайонов.

...Когда мы выбрались из палатки, дождь сыпал по-прежнему. Ночь уже опустилась на лес, и темень стояла хоть глаз выколи.

Недавно в этом районе проходили общевойсковые учения. Местность была изрыта окопами и ходами сообщений. Один из окопов мы использовали для закладки оружия и боеприпасов. Чтобы тайник не удалось обнаружить любопытному глазу, сделали глубокую нишу, вывели в стенке окопа ее под самые корни могучей березы.

Работали посменно. Командующий тоже снял гимнастерку и вооружился саперной лопатой.

— Оденьтесь, Иона Эммануилович. Вам нельзя, — забеспокоился адъютант В. А. Захарченко.

Он надвигался на Якира с распыленной в руках гимнастеркой.

— Чего там нельзя, — попытался упорствовать Иона Эммануилович, но вдруг согнулся и зашелся в кашле. Лицо его побагровело.

— Простудитесь, товарищ командующий, — поддержали мы адъютанта, не догадываясь, однако, что у Якира туберкулез легких.

Иона Эммануилович переждал, пока пройдет приступ кашля, махнул рукой и потянулся за гимнастеркой. Но от места работы не ушел, оставался возле окопа, пока мы не загрузили и не утрамбовали нишу.

Уже светало, когда мы закончили все, тщательно уничтожив признаки своего пребывания здесь. Теперь никто из посторонних не мог бы догадаться, что под корнями могучей березы, под штабелем старых, полусгнивших дров находятся склад оружия для крупного отряда и такое количество взрывчатки, которого достаточно, чтобы устроить крушение десятков поездов и подорвать сотни вражеских автомашин.

К утру прояснилось. Показалось солнце. Потеплело. Хорошо нам тогда дышалось в олевском лесу! И возвращение было веселым.

А потом последовали другие городки и села, другие леса, другие березы, другие балочки...

Надежно спрятанные в земле оружие и взрывчатые вещества ждали своего часа. Но, раньше чем пришел этот час, скрытые партизанские базы были опустошены, безусловно, с ведома и, наверное, даже по прямому приказу Сталина.

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

Оглушающе режут моторы транспортного самолета. Дрожит и вибрирует фюзеляж. Машина набирает высоту.

Где-то внизу, под тонким днищем воздушного корабля, далекая, погруженная в ночную темень ленинградская земля.

Как всегда перед прыжком, я начинаю ощущать сердце. Оно ширится и норовит вырваться из груди.

Врачи категорически запретили мне прыжки с парашютом. Однако я не обращаю внимания на этот запрет: мне, начальнику школы, нельзя не прыгать. Как я буду обучать технике своих партизан, если не смогу видеть учеников в деле?

И я прыгаю.

Но сегодня прыжок необычный — ночной. Может быть, поэтому сердце ведет себя особенно плохо?

Исподтишка в душу закрадывается трезвая, разумная мысль: с моей болезнью лучше побережусь...

Нет ничего опаснее подобных трезвых мыслей. Но я уже приучил себя не поддаваться слабости. И когда пилот поднимает руку и оборачивается, давая знак, что пора выбрасываться, я встаю, словно только этого и ждал. Люк распахнут. Бойцы наверняка не отрывают глаз от моей фигуры, застывшей над черным бездонным провалом...

Вперед!

Холод, темнота, стремительное падение. Дергаю кольцо. Кажется, парашют никогда не раскроется. Но это обман чувств: при выбрасывании доли секунд превращаются в секунды, а секунды — в минуты.

Меня встряхивает. Наконец-то! Теперь все в порядке. Сердце бьется уже спокойно, и, как обычно, хочется почему-то петь.

Земли, правда, не видно. Но если рассуждать здраво, кроме как на землю, мне опускаться некуда. Разве что утожу в реку или спланирую на лес?

Пытаюсь угадать расстояние до земли. Подтягиваю ноги. Готовлюсь вовре-

мя погасить парашют.

И все же точно рассчитать приземление не удастся. Опускаюсь грузно. Хорошо, что под ногами луг.

Поднимаюсь, невольно отряхиваюсь, оглядываюсь. Смутно темнеет недалекий лес. Слева веет сыростью. Наверное, там водоем. А вверху, блуждая среди звезд, рокошет наш самолет. Там мои ученики ждут сигнала с земли, моего сигнала о том, что все хорошо, место для приземления найдено.

Развожу огонь.

Рокот самолета, ушедшего было в сторону, становится все слышнее. И вот машина над моей головой.

Значит, товарищи уже прыгнули.

Жду их, радуясь хорошему началу. Последние дни пришлось поволноваться. Ведь как-никак, а мы приехали в Ленинградский военный округ не в гости, а на маневры. Приехали продемонстрировать опыт по разрушению тыла «противника». Нам нельзя ударить в грязь лицом.

Нельзя, хотя это наш первый ночной прыжок!

Количество прыжков никого не интересует.

От нас ждут успешных дел, а не ссылок на непривычные условия. Впрочем, похоже, что ссылаться на условия не придется. Все идет как надо...

Кое-кому из бойцов не повезло: приземляясь, не сумели погасить парашют, получили растяжение связок, вывихи, ушибы. Однако из игры никто не вышел. Пострадавших перевязали, и они продолжали действовать.

На маневрах в ЛВО осенью 1932 года перед нами, партизанами, ставились в качестве главной задачи захват штабов и разрушение транспортных средств «врага». Я, конечно, не упустил случая: добился разрешения устроить «крушение» поездов с применением замыкателей и взрывателей.

Участок, отведенный для наших операций, тщательно охранялся. Охрана «противника» успешно срывала нападения на железнодорожные станции и крупные мосты, но обеспечить безопасность движения поездов она все же не смогла. На десятикилометровом отрезке железнодорожного пути партизаны-минеры установили десять мин. Девять из них сработали очень эффективно под учебными составами. А вот с десятой получился конфуз. Мы не успели снять ее до начала нормального пассажирского движения, и она грохнула под пригородным поездом. Услышав взрыв и заметив вспышку под колесами, машинист решил, что это петарда, предупреждающая о неисправности пути. Он резко затормозил. На полотно высыпали пассажиры. Никто ничего не мог понять.

Грешен, я не донес об этом происшествии. Но слухи о петарде все же дошли до одного из высоких московских начальников. Как на горе, он лишь недавно побывал в Киеве и похвалил мою минноподрывную технику. Конечно, этот начальник сразу понял, кто повинен в остановке пригородного поезда, очень разгневался и категорически приказал гнать меня с маневров.

Подозреваю, что гнев его был вызван не столько злополучной миной, сколько неудачными действиями моей группы по захвату «вражеских» штабов. Захвату штабов в то время придавалось исключительно большое значение, но неудачи в этом отношении следовали одна за другой...

И вот я шагаю по лесной дороге, невесело раздумывая о случившемся. За спиной слышатся скрип телеги и пофыркивание лошади. Сошел на обочину,

обернулся. Кажется, кто-то из наших. Да, в телеге один из партизан. Он сильно потер ноги и получил подводу, чтобы добраться до медпункта.

— Садитесь, подвезу, — предложил партизан.

Чего ради отказываться? Подпрыгнул и уселся на передке, свесив ноги.

Лес кончился. Дорога выползла на опушку, потянулась через широкое поле к деревне, удобно раскинувшейся на далеком холме.

— Стой! — приказал я вознице. — Стой!..

— Что с вами?

— Смотрите, провода, полевая связь!

— Верно... Так что же?

— Провода-то тянутся к деревне!

Партизан согласно кивнул головой, но он еще ничего не понимал.

— Меня из игры вывели, а вы-то живы! — смеясь, сказал я. — Вот и устройте переполох в деревне. Ведь там, по всему судя, расположился «вражеский» штаб!

Мой спутник посмотрел на деревню, потом на меня и махнул рукой:

— Э, была не была! Попробуемся! На то мы и партизаны! Только вы говорите, что делать...

Заметив впереди контрольно-пропускной пункт, мы свернули на боковую дорогу, неспешно отъехали далеко в сторону, скрылись в лесу, а с наступлением темноты пешком подобрались к деревне.

Установили, где имеется охрана, обошли ее и проникли на деревенскую улицу. Документов тут не проверяли, и по наличию охраны мы без труда установили, где расположены наиболее важные отделы штаба.

Пользуясь темнотой, расставили мины. В трех местах замаскировали зажигательные снаряды с капсулями, а в пяти — очень маленькие заряды без капсулей, но с особым составом, дающим яркую вспышку света.

Сделав дело, спрятались.

Зажигательные снаряды начали срабатывать после полуночи.

Первый же взрыв вызвал в деревне панику. Всполошенная охрана принялась задерживать не только местных жителей, но и военнослужащих, забывших, видимо, в спешке пароль.

Второй взрыв пришелся почти рядом с подъехавшим к штабу броневедомству. Водитель подал машину назад, сполз в размокшую от недавних дождей канаву и прочно засел в ней.

Почти весь личный состав штаба вышел на патрулирование деревенских улиц. Но какой из этого мог получиться толк?

Взорвался третий зажигательный снаряд. Патрули «противника» бросились к месту взрыва. И тут, один за другим, ослепительно вспыхнули остальные зажигательные снаряды.

Неуловимость партизан лишь усиливала панику.

Утром в деревню прибыло мое прямое начальство, получившее от посредников известие о нападении на штаб крупного диверсионного отряда. Начальство недоумевало: никакого отряда в данном районе не было...

Я вышел из укрытия и направился с докладом к своему командиру.

— А вы почему здесь? — недовольно спросил он.

Пришлось открыть секрет. Командир слушал меня поначалу с хмурым видом. Но вдруг лицо его разгладилось, он засмеялся, хлопнул ладонью по столу:

— Нет, вы видали, товарищи, какие у нас диверсанты?!

Меня тут же восстановили в правах и разрешили опять участвовать в маневрах.

Этот эпизод показал, насколько успешны могут быть действия маленьких партизанских групп. Командование решило широко применять их вплоть до завершения маневров. И наши люди доказали, что способны выполнять самые трудные задания.

1932 год памятен мне многими удачами.

Были хорошо отработаны три способа ночного десантирования: выброс на имеющуюся точку, выброс на маяк, спускаемый с самолета, и выброс на заметный ночью ориентир. Этим вполне обеспечивались точность приземления и быстрота сбора парашютистов.

Жизнь научила нас предварительно изучать по карте предполагаемый район выброса. Мы знакомились не только с ближайшей к точке приземления местностью, но и с районом, весьма отдаленным от нее. Назначали два пункта сбора: основной и запасный. Это была целая наука.

Тогда же удалось разработать надежный способ сбрасывания имущества партизан без парашютов в специальной довольно простой упаковке.

Было испробовано и новое средство для крушений поездов на мостах. Мы сконструировали мину, которая подхватывалась поездом с железнодорожного полотна. Поезд же приводил ее в действие. Взрывалась она в точно рассчитанное время, когда состав проходил по мосту.

Боевая выучка партизан шла полным ходом, их искусство совершенствовалось. А мужество и выдержка наших товарищей восхищали даже таких людей, как Якир и Баар.

Как-то летом одна из девушек, прыгая с самолета, не сумела вовремя погасить парашют. Приземляясь, она так сильно повредила ноги, что не могла встать. И все же приползла на сборный пункт вовремя.

— Юлька! — всполошились ее подруги. — Что с тобой?

А маленькая курносенькая Юлька, с полными слез голубыми глазами, пыталась еще улыбаться:

— Чепуха... Обойдется...

Ей было восемнадцать лет, этой тоненькой, изящной Юльке, готовившейся стать партизанской радисткой. Но в хрупком девичьем теле билось отважное сердце.

После трагической гибели одного из парашютистов, когда иные приуныли, Юля первой вызвалась прыгать со следующего самолета.

— Ах, девочки-мальчики! — с отлично разыгранной беззаботностью восклицала она. — Я легкая! Бросайте меня для пробы, не разобьюсь!..

На всех занятиях рядом со мной в те дни была партизанка Рита. Настойчивая, уверенная в себе, стремящаяся сделать все как можно лучше, она, казалось, не знала усталости. Вернувшись с задания, затевала игры, заводила песню. Мы любили слушать ее.

И вдруг однажды под Купянском, во время установки мин на сильно охраняемом участке железной дороги, в руках Риты взорвался капсюль в макете. Взрыв ослепил ее. Мельчайшие осколки поранили лицо и глаза.

Окровавленная, она молчала. Без единого стона дошла со мною до школы.

Там ее перебинтовали, и я с первым поездом повез девушку в Харьков.

На операционном столе Рита тоже не проронила ни звука.

— Характер... — почтительно сказал профессор-окулист, оперировавший Риту. — Сколько ей лет?

— Девятнадцать, профессор, — отрывисто ответил я, не сводя глаз с осунувшегося девичьего лица.

Все дни до выздоровления я навещал Риту, ухаживал за ней и наконец высказал ей то, что до тех пор не говорил ни одной девушке.

Зрение у Риты полностью восстановилось. Мы были счастливы. Нам казалось, ничто и никогда не разлучит нас. Ничто и никогда...

В АКАДЕМИИ

В апреле 1933 года Рита провожала меня в Москву: я получил перевод в центральный аппарат Наркомата обороны.

— Устроюсь, и ты приедешь ко мне, — говорил я, стоя на перроне. — Обещаешь?

Не отнимая руки, Рита молчала.

— Что с тобой? Почему молчишь?

Рита сжала мои ладони:

— Не беспокойся... Все будет хорошо...

У меня отлегло от сердца.

— Пиши чаще.

— Да...

— Я буду ждать писем!

— Да...

Перрон давно скрылся из глаз, а я все еще стоял п тамбуре. Безотчетная тревога владела мною. Слишком пристально смотрела на меня Рита, слишком односложно отвечала.

Наконец я подавил волнение.

«Ничего, — сказал я себе. — Все утрясется, все устроится».

И ошибся.

Началось с разочарования в новой работе. Разбирая бумаги, составляя ответы на запросы, тратя долгие часы на скучные канцелярские дела, я чувствовал себя не в своей тарелке. И ничто поэтому не приносило радости. А поводы для нее были. Вместо трех кубиков в петлицах появилось сразу две шпалы. Получил хорошую комнату в центре города. Повысился оклад...

Единственной отдушиной было преподавание в школе, где тоже готовили партизан.

Однако именно в столице я убедился, что подготовка к будущей партизанской борьбе не расширяется, а постепенно консервируется.

Попытки говорить на эту тему с начальником моего отдела М. Сахновской ни к чему не приводили. Сахновская осаживала меня, заявляя, что суть дела теперь не в подготовке партизанских кадров (их уже достаточно!), а в организационном закреплении проделанной работы.

Нерешенных организационных вопросов действительно накопилось множество. Но решали их не в нашем управлении.

Будущий легендарный герой республиканской Испании Кароль Сверчевский успокаивал: сверху, мол, виднее.

Я тоже верил в это. Но все труднее становилось примирять с этой верой растущий внутренний протест.

Состояние было подавленное.

Встретившиеся в Москве друзья по 4-му Коростенскому Краснознаменному полку горячо советовали поступать в академию.

Я внял их доводам. Сам начал чувствовать, что мне недостает очень многих знаний. Правда, я и сам дважды уже делал попытки поступить в Военно-транспортную академию. И меня дважды отставили из-за болезни сердца. Но теперь мне стало казаться, что тогда я просто не проявил должной настойчивости, напористости.

Ознакомившись с программой отделения инженеров узкой специальности, где учились старые товарищи, убедился, что смогу, пожалуй, сразу поступить на второй курс. И дерзнул...

Числился я по-прежнему в отделе Мирры Сахновской. Это была опытная, энергичная, мужественная женщина, награжденная в числе первых орденом Красного Знамени. Позже я узнал, что она острее меня переживала недостатки в нашей работе. Все ее дельные предложения отвергались где-то наверху... Я доложил ей о своем намерении. Сахновская одобрила его, написала аттестацию и благословила на учебу.

Остальное зависело от начальника нашего управления Я. К. Берзина. Он-то уж мог помочь мне преодолеть преграды на пути в Военно-транспортную академию.

Имя Яна Берзина мало о чем говорит современной молодежи: в годы культа личности Сталина он был оклеветан, уничтожен и предан забвению. А в пору моей молодости советские юноши и девушки много читали и слышали о самоотверженности, находчивости, бесстрашии этого выдающегося революционера.

Весной 1906 года группа рабочих-боевиков совершила налет на магазин, чтобы экспроприировать деньги для нужд партии. Такие операции в латышском крае проводились неоднократно, и о них положительно отзывался В. И. Ленин[3].

В тот раз операция провалилась. Полиция стала преследовать ее участников. Спасаясь от преследователей, юный Петр Кюзис (так в действительности звали Я. К. Берзина) с пистолетом в зубах переплыл реку Огре. Полицейские ранили смелого юношу и схватили его. Суд состоялся в Ревеле. В момент, когда был совершен налет, Кюзису не было еще 17 лет. Это спасло его от расстрела, но не спасло от тюрьмы.

Выйдя из заключения осенью 1909 года, Петр Кюзис уехал в Ригу и стал активно работать в подполье. Однако вскоре юношу опять задержали. Он был одним из авторов антиправительственных листовок и участвовал в их распространении. Арестованного выслали в Киренский уезд, Иркутской губернии.

Началась война. Кюзис достал документы на имя Яна Карловича Берзина и бежал из ссылки в родную Ригу.

Член партии большевиков с 1905 года, Я. К. Берзин участвовал после Октября в вооруженной защите Советского государства, а после окончания гражданской войны много лет возглавлял одно из управлений штаба РККА.

О Яне Берзине шла слава как о простом, душевном человеке. И, направля-

ясь к нему за помощью, я не испытывал ни робости, ни тревоги.

Ян Карлович поддержал меня. Полученные от него рекомендации пересилили заключение медицинской комиссии.

Резолюцию о зачислении меня в Военно-транспортную академию наложил тогдашний ее начальник С. А. Пугачев.

Семена Андреевича Пугачева тоже безгранично уважали в армии. На его груди красовались орден Красного Знамени, ордена Бухарской и Хорезмской республик. Еще во время гражданской войны я не раз слышал о С. А. Пугачеве. Высокообразованный офицер генерального штаба бывшей царской армии, он активно участвовал в вооруженной защите октябрьских завоеваний. В 1934 году по рекомендации Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кирова ЦК ВКП(б) принял его в партию...

Итак, сам Пугачев наложил резолюцию на мое заявление. Но... старший писарь отказался внести в списки мою фамилию: не спущен лимит.

Спорить с писарем, если за его спиной стоит грозный лимит, — дело бесполезное! Пришлось потратить около двух недель, чтобы попасть на прием к начальнику военных сообщений Красной Армии товарищу Э. Ф. Аппоге.

— Видите, как все просто, — расцвел старший писарь строевой части Военно-транспортной академии, получив оформленную по всем правилам бумажку.

Я предпочел промолчать...

Предстояло взять последний рубеж: поступить прямо на второй курс. Пугачев пытался отговорить меня от этой затеи.

— Вам будет слишком трудно.

На выручку пришел начальник железнодорожного факультета Дмитриев — «Кузьмич», как ласково называли его за глаза слушатели.

— Да ведь Стаинов и так много лет упустил. А время такое, что медлить обидно... Пусть попробует! — деликатно возразил он начальнику академии, поглаживая пышные усы.

И Пугачев согласился.

Все, казалось, шло хорошо. Жизнь постепенно входила в колею. Решил, что уже можно вызвать Риту. Написал в Киев. Все сроки истекли, а ответа нет и нет. Послал телеграмму, другую... Наконец получил открытку. Почерк Риты, но содержание непонятно: точно открытка предназначалась не мне, да и подпись показалась необычной.

Я не мог оставаться в неведении. Подал рапорт. Получил разрешение на отъезд.

В дорогу накупил газет и, чтобы отвлечься от невеселых мыслей, пытался читать. Но газеты того времени не подходили для успокоения нервов.

Тревожные вести шли из Германии. Там хоронили демократию и культуру... Расправы над известными писателями и учеными. Травля евреев. Пытки в гестаповских застенках. Кошмар концентрационных лагерей. Костры из книг на улицах Лейпцига. Рост вермахта. Бредовые вопли Гитлера о необходимости покончить с коммунизмом...

Да, газеты заставляли волноваться еще больше. Но тем сильнее, наперекор всему хотелось простого человеческого счастья, близости любимого человека.

Прямо с поезда я отправился по адресу, указанному на открытке. Ничем не

приметный дом на тихой улице. Грязноватая лестница со щербатыми ступенями. Обитая темной клеенкой дверь.

На стук открыла незнакомая женщина. Я назвал себя. Женщина помедлила, провела рукой по волосам.

Я услышал не слова, а, скорее, вздох:

— Здесь ее больше нет...

— Как нет? Где же она?

Женщина подняла лицо. Оно было сочувственно и растерянно:

— Не знаю... Поверьте... Просто она уехала...

Я попрощался и вышел.

Захлопнулась дверь с темной клеенкой. Остались позади лестница со щербатыми ступенями, неприметный дом, неприметная улица... до весны 1944 года.

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Прошло два года напряженной учебы. На пороге стоял май 1935-го. Весна была ранняя, дружная. Снег сошел еще в начале апреля, и деревья уже опушили молодой листвой. На перекрестки, как грибы после дождя, высыпали продавщицы газировки, в пестрых ларьках снова появились исчезавшие куда-то на зиму мороженщики.

Влюбленные парочки маячили у ворот и подъездов чуть ли не до рассвета.

Накануне майских торжеств столица похорошела: через улицы перекинулись транспаранты, дома выбросили флаги.

Страна подводила итоги предмайского соревнования. Газеты и радио сообщали о трудовых победах строителей Магнитки и Кузбасса, о сверхплановых тоннах угля, руды, стали, нефти, об успехах колхозного строительства. Москва радовалась.

Радовались и мы, выпускники военных академий. Радовались, может быть, больше других. Ведь мы получили высшее военное образование!

Ранним утром 1 Мая мы застыли в четких шеренгах на Красной площади, с нетерпением вслушиваясь в мелодичный перезвон курантов.

На трибуну Мавзолея вышли руководители партии и правительства. Командующий парадом А. И. Корк встретил на гнедом скакуне Наркома обороны К. Е. Ворошилова.

Прозвучало громкое многократное «ура!»... Печатая шаг, мы прошли перед Мавзолеем...

А 4 мая 1935 года нас пригласили в Кремль... После парада выпускников академий мы, затаив дыхание, слушали речь Сталина. Я впервые видел его так близко. Чем больше смотрел, тем меньше был похож этот невысокий человек с пушистыми усами и низким лбом на того Сталина, которого мы обычно видели на фотографиях и плакатах.

Сталин говорил о том, что волновало каждого: о людях, о кадрах. И как убедительно говорил! Здесь я впервые услышал: «Кадры решают все». В память на всю жизнь врезались слова о том, как важно заботиться о людях, беречь их...

Как сейчас, вижу возбужденные, счастливые лица начальника нашей академии Пугачева и моего соседа, бывшего машиниста, выпускника академии Вани Кирьянова...

Не прошло и трех лет, как они, да и не только они, а пожалуй, большинство тех, кто присутствовал на приеме и восторженно слушал Сталина, были арестованы и погибли в результате необоснованных обвинений...

Я окончил академию с отличием и был награжден именными часами. Вместе с другими отличниками меня рекомендовали на работу в аппарат Народного комиссариата путей сообщения.

Выпускники нашей академии шли в НКПС с большой охотой: им предлагали там высокие посты. Но я отказался.

Прослужив около 16 лет в Красной Армии, я не захотел расставаться с ней.

Вскоре меня вызвали в отдел военных сообщений РККА и объявили о назначении на должность заместителя военного коменданта железнодорожного участка (ЗКУ), управление которого помещалось в здании вокзала станции Ленинград-Московский.

Выражение моего лица говорило, видимо, ярче слов, как я воспринял эту новость. Товарищ, сообщивший о моем назначении, нахмурился и счел необходимым прочитать нотацию:

— Вам оказывают большую честь... не говоря о том, что вы должны будете обеспечивать работу вашего направления с военной точки зрения... — В голосе его неожиданно зазвучали торжественные ноты, послышался неподдельный пафос: — Вам выпадает честь встречать и сопровождать высших военачальников!

Он даже грудь выпятил и теперь мерил меня победоносным взглядом.

Я понял, что лучшего назначения здесь не получишь, и смирился.

Единственным утешением оставалось то, что впереди был целый месяц отпуска.

Но в Бердянске, куда дали путевку на отдых, меня ждала телеграмма о смерти самого близкого из братьев — тридцатилетнего Алеша.

Алеша отличался удивительными способностями. Окончив всего-навсего четырехлетнюю начальную школу, он уже в юности мастерил самые сложные ламповые приемники, увлекался автоматикой, электроникой. Опытные инженеры пророчили ему блестящее будущее.

И вот Алеша не стало. У него были слабые легкие, и жестокая простуда оборвала жизнь веселого пытливого человека...

Южное солнце померкло для меня.

Выбитый из колеи, я вскоре уехал из Бердянска. В то лето там жили слишком весело.

...В должность заместителя военного коменданта Железнодорожного участка я вступал с большой неохотой. Но постепенно первоначальное недовольство сгладилось и исчезло: любую работу можно делать с душой, и тогда она становится интересной.

Новый мой начальник, Борис Иванович Филиппов, дело знал и любил. Он не имел высшего образования, но обладал большим опытом и пользовался настоящим уважением.

Впрочем, практические советы Бориса Ивановича порой и смущали.

Однажды почти одновременно обратились с просьбой о выдаче брони на билет в мягкий вагон до Москвы комбриг и капитан — адъютант командующего войсками округа.

Недолго раздумывая, я дал комбригу место в мягком вагоне, а капитану

предложил в жестком.

Борис Иванович пришел в ужас.

— Что же вы наделали, голуба моя? — с отчаянием восклицал он, ероша волосы. — Чему вас учили в академии?! Разве можно сравнивать комбрига с адъютантом командующего?! Комбриг он и есть комбриг, а адъютант... Ведь он, окаянный, командующего каждый день и час видит!.. Такого может про нас напеть!..

— Вы шутите, Борис Иванович?

— Кой черт!

Комендант перестал бегать по кабинету, остановился, перевел дыхание и плюхнулся в кресло.

— Вот что, голуба моя... Лирику бросьте. Я серьезно говорю: адъютантов впредь не обижайте...

Неожиданно он опять разгорячился:

— Да что — адъютантов!.. Если к вам одновременно обратятся за билетом проводник из вагона командующего округом — слышите? проводник! — и какой-нибудь комбриг из линейных войск — слышите? комбриг! — то вы, голуба моя, все дела бросайте — и кровь из носу, — но чтобы у проводника билет был! Вот! А комбригом пусть Чернюгов займется, писарь!

— Борис Иванович...

— Я потому только и Борис Иванович, что это правило свято соблюдаю! Навны вы еще, вот что! Ну что может комбриг? Жалобу написать? Пусть пишет! А проводник, понимаете, затаит обиду да при случае командарму или маршалу, чай подавая, возьмет и подпустит шпильку, сукин сын! Вот, скажет, товарищ маршал, и с водой-то у нас нынче плохо, и прохладно, и углишка мало... А все ленинградский комендант — Филиппов. Уж я обращался к нему, а он никакого внимания. Только одни обещания...

Борис Иванович даже побледнел во время этого монолога, представив очевидно, как «сукин сын» проводник «подпускает» подобную шпильку и какие могут получиться последствия.

— Если вы думаете, что проводники вагонов высоких начальников, а тем более их адъютанты — обычные люди, то ошибаетесь. Много им доверяется, многое с них и спрашивается. А потому мы должны в меру возможностей облегчать их трудную работу! Надо поддерживать авторитет нашей комендатуры! А вы своим академическим подходом режете меня без ножа...

Волнение Бориса Ивановича усугублялось тем, что осенью 1935 года началось присвоение новых воинских званий. Появились лейтенанты, капитаны, майоры, полковники, комбриги, комдивы, комкоры, командармы и маршалы. Каждый волновался, не зная, какое звание получит при переаттестации. Еще бы! Некоторым приходилось снимать с петлиц ромбы и надевать три, а то и две шпалы, то есть, говоря по-нынешнему, лишаться генеральских званий и возвращаться в полковники или майоры. Борису Ивановичу повезло — он остался при своих двух шпалах и ликовал.

Ленинградская комендатура находилась на бойком месте. В Ленинград часто прибывали руководители партии и правительства, ведущие работники Наркомата обороны, Генерального штаба, командующие округами.

В наши обязанности входило встречать и сопровождать их от Ленинграда до Москвы, обеспечивая техническую безопасность поездок.

Это льстило самолюбию Бориса Ивановича Филиппова. Он сиял во время церемоний, как большой ребенок. Сердиться на него или иронизировать было невозможно: искренность его просто обезоруживала.

Впрочем, все работники комендатуры чувствовали необходимость работать особенно четко, добросовестно. Мы понимали, какая большая ответственность возложена на нас.

Мне приходилось неоднократно сопровождать в Москву Блюхера, Тухачевского, Ворошилова, тогдашнего командующего Ленинградским военным округом Шапошникова. Нас нередко приглашали на чай или ужин к Шапошникову, Тухачевскому.

Один из ужинов у М. Н. Тухачевского особенно запомнился мне.

В то время фашистская Италия расширяла агрессию в Абиссинии. Для доставки огромного количества грузов итальянское командование широко использовало контейнеры. О контейнерах и зашла речь во время ужина. Маршал показал нам иностранные журналы, где было много фотоснимков погрузки и выгрузки контейнеров. Но особенно потрясли меня фотографии убитых и захваченных в плен абиссинских партизан.

Когда все разошлись, я рискнул заговорить о необходимости готовиться к партизанской войне.

М. Н. Тухачевский, задумчиво стоявший у окна, обернулся, внимательно выслушал меня, потом взял один из журналов и нашел карту военных действий в Абиссинии. На ней штрихами были показаны районы действий партизан. Маршал не торопился с ответом, он перевел взгляд со схемы партизанских районов на текст обзора.

— Смотрите, что здесь пишут! Абиссинская армия в начале войны при численности около четырехсот пятидесяти тысяч имела всего сорок шесть орудий и семь самолетов. А агрессор при численности войск в триста сорок две тысячи имел около трехсот пятидесяти орудий, почти двести танков и двести семьдесят четыре самолета. В ходе войны численность войск и техники у итальянцев возрастала, а абиссинские войска уменьшались, запасы оружия и боеприпасов не пополнялись. Абиссинцы вынуждены были перейти к партизанской борьбе, неся огромные потери... У нас, товарищ военинженер, совсем другое положение. Мы имеем вполне современные танки, и в достаточном количестве, могучую артиллерию. Да и авиация наша даже на парадах внушает страх врагам. К тому же наша граница от Ладожского озера до Черного моря, да и на важнейших направлениях на Дальнем Востоке, прикрыта мощными укрепленными районами.

На столе перед Тухачевским лежала брошюра. Посмотрев на нее, он продолжал:

— Все это и дало основание товарищу Сталину сказать на семнадцатом съезде партии, что те, кто попытаются напасть на нашу страну, получат сокрушительный удар. А за два года мы стали еще сильнее...

Михаил Николаевич чему-то улыбнулся: возможно, вспомнил свое выступление на XVII съезде.

— Разрешите, товарищ Маршал Советского Союза? Если начнется война против Советского Союза, она будет происходить не только на фронтах, но и в тылу врага. Тут-то и понадобятся командиры и целые части, способные возглавить партизанскую борьбу. А для этого их надо готовить, обеспечивать сред-

ствами радиосвязи и другой специальной техникой.

Маршал ничего не ответил. Он явно не хотел говорить о партизанской борьбе и снова вернулся к контейнерам.

— Как вам, товарищ военинженер, нравятся итальянские металлические контейнеры?

— Совсем не нравятся.

— Почему?

— Может быть, для перевозок они и хороши, — смущенно сказал я, — но абиссинским партизанам легче уничтожить деревянные контейнеры.

Маршал опять умолк. Пауза затянулась. И я снова рискнул обратиться к Тухачевскому.

— Если бы, например, абиссинские партизаны применили против автомашин и танков интервентов большое количество мин, то они могли отвлечь много сил противника на охрану коммуникаций и ослабить ударную мощь итальянцев. А мины очень несложно сделать. В качестве замыкателей можно использовать хотя бы спичечные коробки...

— Интересно! Как это из спичечной коробки сделать замыкатель?

Я обрадовался случаю и тут же соорудил из обычной спичечной коробки замыкатель.

— Ловко! — одобрил Тухачевский. — Да только у абиссинцев нет ни электробатареек, ни электродетонаторов. И очень мало взрывчатых веществ. Это им не годится. Им надо что-нибудь из простейших средств.

— Разрешите показать простое устройство для вывода из строя покрышек автомашин?

Я быстро сделал из мякиша черного хлеба образец приспособления для прокола шин.

— Вот это другое дело. Это им может подойти...

— А разве, товарищ маршал, нашим войскам в случае действий в тылу врага не могут пригодиться такие игрушки?

Тухачевский опять уклонился от ответа. Потом вздохнул и с непонятной горечью сказал:

— Я занимаюсь другими вопросами... Да и время уже позднее. Спокойной ночи...

Поезд подходил к Малой Вишере. Я быстро проверил на стоянке ходовую часть вагонов и возвратился в свое купе. Мысли, возникшие во время беседы с заместителем Наркома обороны, взбудоражили меня.

Неужели мои представления о важности партизанской борьбы безнадежно устарели?

ДРУЗЬЯ ПОЗНАЮТСЯ В БЕДЕ

Осенью 1935 года на мою голову внезапно свалилась беда. Проводилась проверка партийных документов. Меня вызвали в политотдел спецвойск Ленинградского гарнизона.

Начальник политотдела, предложив сесть, долго изучал мой партийный билет.

Я знал начальника политотдела не один день. Но тогда его словно подменили.

— Значит, вы Старинов? — наконец прервал он молчание.

— Да, Старинов. Надеюсь, мой партийный билет в порядке?

— А вы погодите задавать вопросы... Лучше ответьте: за резолюцию оппозиции не голосовали?

— Нет!

Он на минуту задумался и спросил:

— Вы были в плену у белых?

— Да, был. Об этом написано во всех моих анкетах, в автобиографии. В первую же ночь я бежал из плена и вернулся в свой двадцатый стрелковый полк!

— Так вы сами говорите и пишете! А кто знает, как вы попали в плен и как оттуда освободились? Где доказательства того, что вы бежали?

— Есть документы в архивах... Есть живые однополчане!

— Документы, однополчане...

Начальник политотдела снова задумайся и на короткое время показался таким внимательным, душевным, каким я его знал. Потом опять посмотрел в мой партбилет, который не выпускал из рук, и вдруг спросил:

— А может, вы не Старинов, а Стариков?

— У нас в деревне четверть дворов — Стариновы и ни одного Старикова, — с трудом сдерживаясь, ответил я.

Мой собеседник первый отвел глаза. Поджав губы, он помолчал, видимо принимая какое-то решение, и наконец заявил:

— Все ваши слова надо проверить и доказать. Собирайте справки. А партбилет пока останется у нас.

Я, наверное, выглядел вконец растерянным, потому что начальник политотдела скороговоркой посоветовал:

— Не теряйте голову. Собирайте нужные документы. Мы запросим архивы...

Во взгляде его не было враждебности. Мне даже показалось, что он сам чем-то смущен.

Не помню, как добрался до комендатуры.

У добрейшего Бориса Ивановича Филиппова, узнавшего о том, что случилось, вытянулось лицо.

— Как же так, голуба моя?..

Я не мог рассказать подробности. С тоской подумалось, что Борис Иванович при всей своей доброте ничем не поможет. Разве я не знаю, какой он осторожный? А тут — политотдел... Меня подозревают в умышленном изменении фамилии, в обмане партии, чуть ли не в измене...

— Вот что, голуба моя... Пойдем-ка ко мне домой. Да. На рыбу. Вчера с ры-

балки привез, — услышал я взволнованный голос Бориса Ивановича. — Выхлопочем вам отпуск, отправитесь куда надо и привезете нужные бумажки... Не расстраивайтесь. Идем на рыбу!

Дорого было товарищеское сочувствие, но я отказался от приглашения. Пошел домой, бросился на кровать.

Что будет? Как жить, если тебя подозревают в таких преступлениях?

Зазвонил телефон. Борис Иванович, оказывается, уже успел побывать и в Управлении дороги и в штабе военного округа.

— Все в порядке, голуба моя! Отпуск вам разрешили. Поезжайте за документами. И не тревожьтесь! Все образуется!

Мне стало стыдно. Как мог я усомниться в Борисе Ивановиче? Настоящим человеком в трудную минуту оказался именно он, а не я...

— Ну, ну, голуба моя... — прервал меня в комендатуре Филиппов, когда я принялся сбивчиво толковать о том, что стыжусь самого себя. — Нашли о чем... Получайте билет и с богом. Желаю удачи!

В тот же вечер я выехал собирать справки о том, что я Старинов, а не Стариков и что действительно бежал из плена и честно воевал за Советскую власть.

Тревога и боль не проходили, но становилось легче при мысли, что Борис Иванович Филиппов — не один хороший человек на свете, что живут на земле тысячи прекрасных людей и что товарищи меня не оставят...

Первым делом направился в свою академию.

— Черт знает что! — воскликнул, выслушав мою историю, начальник факультета Дмитриев. — А ну подождите минутку...

Он достал бумагу и тут же от руки написал нужную справку.

— Все уладится, Илья Григорьевич! — уверенно говорил Дмитриев. — Вы же сами слышали товарища Сталина, помните, как он призывал беречь и ценить кадры... Просто какое-то недоразумение, а может быть, и клевета.

Теперь предстояло ехать в родную деревню.

В Орле я сошел с большим рюкзаком: зная, что в сельмагах многого не купишь, запасся сахаром, селедкой и даже белым хлебом.

В 1935 году из Орла в деревни автобусы не ходили. Пришлось шагать по обочине.

Волховская дорога длинна и грязна после дождей. Дует осенний знобкий ветерок. Невесело...

Вот и обоз. Посадят или нет?

На передней подводе сидел мужичок. Что-то удивительно знакомое было в худощавом небритом лице с неповторимо хитрой улыбкой. Если бы снять с мужичка залатанный зипунишко и лапти да обрядить в красноармейскую гимнастерку, в ботинки с обмотками...

— Алеша! — не помня себя от радости, закричал я. — Алеша? Ты?!

Постаревший, поседевший Алеша Бакаев, мой сослуживец по 20-му стрелковому полку, не соскочил, а прямо-таки скатился с телеги.

Мы крепко обнялись, оторвались друг от друга, обнялись еще раз.

— Сколько ж это годков, Григорьевич? — бормотал Алеша. — Никак, десять? Каким тебя ветром к нам?

Набежали другие подводчики. Кто-то хлопнул меня по плечу. Оглянулся и — глазам не поверил. Передо мной стоял, протягивая заскорузлые руки, Ар-

хип Денисович Царьков. Тот самый Архип Царьков, с чьей легкой руки я стал когда-то сапером!

— Архип!

— Илюшка!

— Тебя и не узнать, Архип...

— Да и ты изменился. Ишь в больших чинах ходишь...

— Какие там чины! Как я рад, ребята, родные...

— Негоже на дороге толчись, — трезво рассудил один из возчиков. — Поехали, что ли? Дома наговоритесь!

Обоз тронулся. Сидя на телеге рядом с Архипом Царьковым и Алексеем Бакаевым, я рассказал, что привело меня в деревню. Однополчане и удивились и опечалились:

— И тебе не верят, выходит? Н-да... Ты же до конца воевал! Тебя, как заслуженного бойца, в военную школу посылали! Что же деемся?

А потом Архип Царьков рассерчал:

— И какой дурак тебе не верит, что ты Стаинов? Видать, он никогда в наших деревнях не был. У нас же тут всего пять фамилий: Бакаевы, Трунковы, Климовы, Стаиновы да мы, Царьковы!.. Не знает орловских твой начальник, едят его мухи! Ну не сомневайся! Мы все, что надоть, подтвердим. Да и в соседних деревнях однополчане живы.

Остановился я у Архипа Царькова: семья у него поменьше бакаевской, а изба — попросторнее.

Сели за стол. Хозяйка подала картошку в чугуне. Я вытащил хлеб и сельди.

— Хлеб ты хороший привез, — прожевывая ломоть, сказал Архип. — А завтра и мы испечем настоящего ржаного. Со встречей!.. По праздникам мы, брат, уже чистый печем, без мякинки... Ты скажи, как армия наша? Сильна?

— Сильна, Архип.

— Ну, и мне легче, когда знаю — не зря терпим.

Спать легли, едва смерклось: керосину у Архипа было мало. А на следующий день мы с Царьковым отправились по соседним деревням искать однополчан, которые меня хорошо помнили.

Таких нашлось немало, и я собрал целую грудку справок. Заверять справки поехали в город Волхов. Там все обошлось без волокиты. Радость моя была бы полной, не замечай я забитых хат, поросших бурьяном полей и огородов, темных окон.

— Чуешь? Ни гармони не играют, ни девки не поют, — сказал как-то Архип. — Молодежь-то в город норовит податься, а кого выслали попусту... Эх! Если бы коллективизацию проводили, как нам объясняли на политзанятиях! И колхозы бы иначе выглядели, и скот бы мы сохранили... Я полагаю, самое трудное уже позади. В этом году, к примеру, и посеяли больше, и работа пошла веселей... Наладит партия дело в колхозах! Оживем!..

Как и во время службы в саперной роте, был Архип выбрит, подтянут и не боялся ни бога ни черта.

Он проводил меня до Орла.

— Оживете, значит, Архип?

— Оживем! — твердо повторил он с перрона. — Счастливо тебе!

Борис Иванович Филиппов встретил меня радостно. Просмотрел гору при-

везенных справок и одобрил потраченные усилия:

— Бумажка, она, голуба, теперь в силе!..

Я отвез справки в политотдел. Мне сказали, что все проверят, а пока советовали подождать.

Ждал долго. Меня временно отстранили от работы с секретными документами, не посылали сопровождать начальство.

Борис Иванович переживал происходящее не меньше меня, но твердо верил в благополучный исход:

— Главное, голуба, бумажки у тебя в порядке!

И по-прежнему приглашал то на чаек, то на рыбку. Наконец вызов в политотдел спецвойск гарнизона.

— Ну вот, все и проверили, — встретил меня начальник политотдела. — Теперь вас никто беспокоить не будет. Понимаю, нелегко вам все досталось, но...

Когда были закончены формальности, начальник политотдела вручил мне новый партбилет и, крепко пожимая руку, посмотрел на меня смущенно, по-дружески.

Тяжело мне стало от его смущения.

Но вот позади кабинет, коридор, лестница... На улице я потрогал левый нагрудный карман. Партийный билет был со мной! Помчался в комендатуру.

— Борис Иванович!..

Он понял все без слов. Заставил сесть. Потер ладони:

— Вот так, голуба! Бог правду видит!

И, довольно улыбаясь, вдруг свел брови:

— Готовьтесь, товарищ Старинов, сопровождать командарма первого ранга Шапошникова. Сегодня же!

Насладясь произведенным эффектом, Филиппов подмигнул и засмеялся:

— Хороша все-таки жизнь, голуба моя! То-то!

ВОЛОНТЕРЫ

ПУТЬ ЗА ПИРЕНЕИ

Лето 1936 года начиналось жаркими безоблачными днями, светлыми ночами и тревожными сообщениями телеграфных агентств: в Испании, где на февральских выборах победил Народный фронт^[4], открыто выступили против законного правительства фашистские генералы.

— Сукины дети! — коротко высказался мой начальник Борис Иванович. — Морду им набить...

Никто и не сомневался, что Франко и его приспешникам «набьют морду». Мятежники, обманувшие часть армии, никогда бы не выстояли против народа. Но на помощь им пришли фашистские Германия и Италия. Гитлер и Муссолини послали мятежникам авиацию, танки, регулярные части.

По всей нашей стране забурлили митинги, прошли демонстрации солидарности с республиканской Испанией.

Советские люди решили оказать борющимся испанским братьям не только моральную поддержку, но и материальную помощь. Начался сбор средств. Трудовые копейки быстро складывались в миллионы.

Первые двенадцать миллионов рублей ВЦСПС перевел в июле на имя премьер-министра Испании Хирала.

Испания превращалась в передний край международной битвы за демократию. Немецкие и итальянские антифашисты, англичане и американцы, чехи, поляки и венгры ехали в Испанию, чтобы с оружием в руках бороться против фашистов.

Ленинградские мальчишки и те начали приветствовать друг друга жестом Народного фронта — поднятым вверх кулаком.

Я не находил себе места в спокойном кабинете военного коменданта.

— Ну, чего вы, голуба моя? — досадовал Борис Иванович. — Тоже в Испанию рветесь? Так вы не маленький, сами знаете: если понадобится — позовут. А коли не зовут...

Конечно, Испания могла обойтись без меня. Но я все равно мечтал о ней. Мне казалось, что партизанская подготовка и несколько военных специальностей, которыми я владел, могут пригодиться республиканской армии. Тем более я знал: в Испанию едут добровольцы и из нашей страны!

После долгих раздумий написал рапорт Народному комиссару обороны с просьбой направить в Испанию и подробно изложил выношенные мною планы обучения республиканских войск действиям в тылу врага.

Рапорт дошел до адресата быстро. Меня стали вызывать в различные инстанции. Но дальше расспросов о том, откуда мне известно, что в Испанию едут добровольцы из СССР, дело не шло.

Неожиданно я встретил на вокзале бывшего начальника учебной части железнодорожного факультета Военно-транспортной академии РККА М. В. Обыдена.

Чуть ли не с первой минуты заговорили конечно же об Испании. Михаил Васильевич — участник первой мировой и гражданской войн, старый член партии. Он хорошо знал меня по академии. Естественно, я рассказал ему о

своим заветном желании попасть за Пиренеи.

— Надо подумать, — не сразу отозвался Обыден.

— Подумать?

— Видишь ли... Только это должно остаться между нами!.. Я имею некоторое отношение к отправке добровольцев.

Я не поверил своим ушам. Не сразу опомнился.

— Михаил Васильевич!

— погоди, погоди! Я же еще ничего не обещал... Доложу о твоём желании начальству, а там уж как решат.

— Михаил Васильевич!

— Ладно, постараюсь...

Обыден уехал в Москву. А через три дня в нашу комендатуру поступило телеграфное распоряжение: «Немедленно командуйте зам. ЗКУ Старинова в Москву».

— Все-таки добился своего. А я-то гадал, что даст эта встреча случайная? — развел руками Борис Иванович. — Ну что ж, молодец! Завидую!.. Желая тебе успеха, Илья Григорьевич.

— Спасибо! Не поминайте лихом. Надеюсь, долго не задержусь, — пожал я руку Филиппову. — Ждите!

— Мы-тождемся. Мы дома. А ты приезжай с победой...

Моя военная подготовка удовлетворила московских товарищей, занимавшихся отправкой добровольцев в Испанию. Но как быть с языком?

— Может быть, подучусь... — робко сказал я молодому высокому человеку с ромбом на петлицах, Гаю Лазаревичу Туманяну, который решал мою судьбу.

— Не успеете. Попробуем найти вам переводчика.

— Хорошо бы! Только надо, чтобы он понимал специфику подрывного дела.

— Поищем...

И поискали. И нашли. Только не переводчика, а переводчицу.

Я просто оторопел, увидев в кабинете Г. Л. Туманяна молодую, высокую, красивую девушку.

— Знакомьтесь, товарищ Старинов. Ваша переводчица. Тоже из добровольцев, — сказал он торжественно.

Девушка тряхнула коротко остриженными русыми волосами и протянула мне прохладную ладошку.

— Анна Обручева, — сказала она глубоким контральто, сделав, как все северяне, особое ударение на «о».

Я в замешательстве поглядел на Туманяна и неуверенно улыбнулся Обручевой, избегая взгляда ее больших голубых глаз.

Вечером того же дня мы с Анной Обручевой стояли на перроне Белорусского вокзала возле готового к отправке поезда Москва — Столбцы.

Провожавшие нас товарищи держались как чуткие, заботливые родственники. Одно было неприятно: нас слишком энергично уговаривали не беспокоиться об остающихся семьях, намекали, что в случае чего наших близких не забудут... Меня эти заверения ничуть не трогали — я был холостяком. Но Анна Обручева оставляла в Москве восьмилетнюю дочурку!.. И все же держалась моя попутчица молодцом.

Мягкие диваны, зеркала, полированное красное дерево, надраенные до солнечного блеска ручки дверей, мягкий свет настольной лампы — все в купе международного вагона свидетельствовало о комфорте и призывало к покою.

Но покоя я не испытывал.

Нам с Обручевой предстояло через день пересечь Польшу, а это сулило мне мало приятного.

В польской разведке могли знать о некоем Старинове, занимавшемся в приграничной полосе подготовкой к ведению партизанской борьбы. Может быть, у пилсудчиков имелись в секретных досье и некоторые фотографии?

Правда, небольшие усики несколько изменяли мой облик, и я старательно сутулился, скрывая военную выправку. Но кто знает, выручит ли эта маскировка?

Мое настроение совсем испортилось, когда поезд пересек границу и в вагоне появились польские жандармы, а польские таможенники тщательнейшим образом стали проверять багаж.

Я пережил довольно неприятные минуты, пока жандарм рассматривал мой паспорт, но продолжал сидеть со скучающим видом.

— Прошу! — сказал наконец жандарм, прищелкнув каблуками.

У Анны Обручевой никаких волнений на этот счет не было: она ехала под своим настоящим именем.

Единственной недозволенной вещью в нашем багаже оказались советские газеты и журналы. Таможенники их конфисковали. Что ж? Со своей точки зрения они поступали мудро. Но я не сомневался, что хоть один из них, да заглянет в наши советские издания, потом перескажет прочитанное жене или приятелю, и какая-то частица правды просочится через кордон. Чиновничье любопытство наверняка пересилит даже священный трепет перед начальством!

В Столбцах мы сделали пересадку на Варшаву, откуда должны были ехать в Вену.

До отхода венского экспресса у нас оказалось несколько свободных часов. Можно было прогуляться по польской столице.

Варшава оставалась сама собой — оживленной, чистой, приветливой. Под знаменитыми варшавскими мостами медленно несла свои темные воды Висла. На центральных улицах сияли витрины фешенебельных магазинов, ресторанов, кофеен, кино. И хотя город казался привлекательным, в его красоте, заляпанной затейливыми вывесками, было что-то от красоты увядающей женщины, которая судорожно пытается удержать поклонников.

В венском экспрессе я просмотрел вечерние газеты. Кричащие крупные заголовки сообщали об успехах Франко. Фотографии изображали кварталы Мадрида, занятые фалангистами. Судя по фотографиям, в столице Испании уже развевались знамена каудильо, а население радостно встречало солдат и офицеров из фашистских банд...

Мне и раньше приходилось по долгу службы читать польские газеты. Цену их «объективной» информации я хорошо знал. Продажным писакам ничего не стоило сообщить нынче крупнейшими буквами то, что будет ими же петитом опровергнуто завтра. Но те небылицы об Испании, которыми они попотчевали меня в тот раз, оказались просто несносными.

— Подождем до Чехословакии, — сказал я моей спутнице. — Может быть, в

пражских газетах есть хоть что-нибудь толковое...

Мои надежды в какой-то мере оправдались. Чехи писали об испанских событиях довольно сдержанно. Здесь даже прожженные буржуазные журналисты не пытались предрешать падение республики. Более того, из пражских газет я узнал, что войска Франко уже остановлены под Мадридом...

Незаметно добрались до австрийской столицы. Вена была тогда, вероятно, самым чистеньким городом в Европе: улицы здесь мыли чуть ли не с мылом. Но наступающая зима делала свое дело. С деревьев знаменитых и действительно очень красивых венских парков почти облетели листья. Дунай уже не казался голубым; он был хмур и мутен...

Покинув Австрию и миновав Швейцарию, мы оказались во Франции. С нетерпением ждали встречи с Парижем, где творили Бальзак и Золя, где в землю навеки впиталась кровь коммунаров!

Увы! Я горько разочаровался!

Передо мной был суетливый город, подавлявший свежего человека непрерывным мельканием автомобилей и оглушительной рекламой, обилием иностранцев и монахинь. Белоснежные чепцы и темные сутаны божьих невест исчезали с парижских улиц только к вечеру, уступая место проституткам...

В Париже мне предстояло приобрести много вещей, которые могли понадобиться на войне. В поездках по городу меня обычно сопровождал один из наших добровольцев, танкист Павел. Знакомство с ним завязалось еще в Варшаве.

Однажды, выйдя со свертками из магазина, мы взяли такси. За рулем машины сидел полный, немного обрюзгший человек в помятом кепи. Я назвал нужную улицу и заговорил с Павлом. Шофер сейчас же сбавил скорость. Обернулся. Расплылся в заискивающей улыбке:

— Вы из России?

Чистая русская речь и возраст шофера не оставляли сомнений: перед нами был белоэмигрант.

Я незаметно подтолкнул Павла.

— Да, мы русские.

— Как радостно встретить соотечественников!.. Бежали от большевиков? Давно?

В наши намерения не входило представляться первому встречному «русскому парижанину».

Я снова подтолкнул Павла:

— Нет... Мы прибыли недавно.

— Как же вы там выжили?!

— Это — длинная история... А вы здесь, кажется, давно? Успели уже освоиться в столице? Стали даже лихим шофером.

Глаза таксиста наполнились обидой:

— Извините, но даже горько... Я — курский помещик, офицер марковского полка! Да-с! Надеюсь, название полка вам кое о чем говорит?

Еще бы! Мне это название говорило о многом! В 1919 году я дрался именно с марковцами, попал к ним в плен, бежал, потом участвовал в их разгроме.

— Как же! — скромно ответил я. — О марковцах нам известно...

Белогвардейский недобиток приосанился. Но тут же погас.

— Конечно, времена не те, — уныло признался он. — Вы вот сказали, что я

стал лихим шофером... Станешь лихим, и не только шофером, батенька, когда жрать нечего! Мне еще повезло. Другие бога благодарят, когда их вышибалами в публичные дома берут...

Шофер явно погрузался в океан мировой скорби. Затем его повело на лирику:

— А как мужички? Не случалось бывать вам в Курской губернии? Что там? Как поместья? Все погибло, конечно? Все рушится?

Поскольку Русь этого типа давно рухнула, я не стал скрывать правду.

— Все рухнуло, — сказал я серьезно. — Все!

Павел подозрительно посапывал, и я сдавил ему руку, чтобы предупредить взрыв предательского смеха.

— Так я и знал, — горестно вздохнул водитель. — Этого надо было ждать!

Белогвардеец принялся яростно ругать близорукий Запад и французское правительство. Он буквально брызгал слюной и, поздно заметив смену светового сигнала, резко затормозил машину.

На время наш громовержец съежился. Но вскоре его опять прорвало:

— Вы читаете прессу, господа? Как вам нравится возня с Испанией? Красные агенты открыто направляют через Францию помощь испанским коммунистам, а французское правительство не принимает никаких мер.

— Насколько нам известно, господин Блюм не коммунист...

— Жид! — отрезал белогвардейский недобиток. — А что жид, что коммунист — все равно! Уж я-то знаю!

Мы решили проучить черносотенца.

— На кладбище Пер-Лашез! — бросил я.

Бывший марковец послушно отвез нас к входу на знаменитое кладбище.

— Ждите! Мы недолго!

— Слушаюсь!

Водитель даже вытянул руки по швам и прищелкнул каблуками, видимо вспомнив дни своей юнкерской молодости.

Мы с Павлом прошли к стене, возле которой озверевшие версальцы расстреливали героев Коммуны.

На стене еще сохранились следы пуль.

Мы сняли шляпы, положили к подножию стены букеты алых роз.

Бывший курский помещик покорно ждал нас на указанном ему месте. Он не посмел выразить неудовольствия тем, что «господа» задержались. У него не хватило смелости ни о чем спрашивать. Привычно щелкнув каблуками, шофер распахнул перед нами дверцу машины.

Мы не отказали себе в удовольствии полюбоваться его холуйским видом. Картина была символичной: осколок Российской империи покорно ожидал со своим такси двух советских командиров, пожелавших поклониться могиле коммунаров.

Такси снова покатило к центру Парижа.

— Если господа не обедали, я могу рекомендовать отличный ресторан...

— Что за ресторан?

— О, прекрасная кухня, замечательное обслуживание! А главное — его посещают немецкие офицеры, едущие в Испанию. Они живут в гостинице поблизости... Вот на кого стоит посмотреть, господа! Вот кто не миндальничает с «товарищами»!

Мы с Павлом переглянулись. Что ж? Любопытно понаблюдать за фашистским сбродом, с которым мы скоро, возможно, столкнемся в бою...

— Везите!

У подъезда ресторана — вереница автомобилей. Пристроив машину, шофер пожелал сопровождать нас. Столик он выбрал вблизи большой компании молодых людей в штатском.

Эта публика сразу обращала на себя внимание: широкие плечи, холеные физиономии, громкие, самоуверенные голоса, надменные взгляды.

Усевшись, мы заметили, что на лацканах пиджаков наших соседей вызывающе чернеют значки со свастикой.

— Немецкие летчики! — почтительно пояснил шофер.

Они и не думали скрывать цель своего приезда во Францию; во всеуслышание делились соображениями о том, когда смогут совершить первые боевые вылеты, как будут жить и гулять в Мадриде.

Посторонних для них не существовало.

Заурядные хамы, не больше.

Однако наш марковец придерживался иного мнения. Он смотрел на теплую компанию влюбленными глазами. Потом подобострастно заговорил с одним из немецких летчиков, рискнул отпустить какой-то комплимент и, видимо, тоже пришелся по вкусу фашистам. Вскоре они уже пожимали ему руку. Начались взаимные похлопывания по плечу, чоканье...

Бывший курский помещик вернулся к нашему столику с сияющей мордой.

— Вот кому я завидую! — восклицал он. — Если бы не возраст, я тоже не остался б в стороне!

И вдруг его осенило.

— Послушайте! — завопил он. — А почему бы и вам не поехать в Испанию? Ведь вы-то молоды!

— А мы уже и так об этом думаем, — серьезно ответил Павел. — Может быть, и поедем. Кто знает?

— Это же замечательно! — обрадовался шофер.

— Бесспорно...

Перед отъездом из Парижа я, Анна и Павел обедали в другом ресторане, неподалеку от нашего посольства. И надо же было так случиться — возле нас заняли столик трое немцев из давешней компании. Они сразу узнали нас. Один из молодчиков обратился ко мне с вопросом. Говорил он быстро, на незнакомом диалекте, и я не понял смысла произнесенных слов. Тогда в разговор вступил второй гитлеровец. На ломаном русском языке он нагло осведомился, не советские ли мы летчики.

— Ваших здесь много бывает, — насмешливо добавил он.

— Вам это, наверное, не безразлично, — сдержанно ответил я. — Волнуетесь?

— Хо-хо! Конечно! Нам надо торопиться, чтобы потренироваться. Вот вашим волноваться нечего. Они все равно не успеют приехать до освобождения Мадрида к своим испанским коммунистам... А если и вы летчики, послушайте совета — возвращайтесь обратно.

Анна неприметно нажала кончиком туфли на мой ботинок.

— Вы ошибаетесь, — спокойно ответил Павел. — Мы не летчики, а строители. Приехали на Всемирную выставку.

Немец захохотал, перевел слова Павла своим друзьям, и те подхватили его ржание.

— А не желаете ли посмотреть другой выставка? — ухмылялся гитлеровец. — Мы откроем выставка в Мадрид. Там будет оружие Москвы. Русские самолеты. Гут?

— Говорят, что республиканцы вас опередили, — опять спокойно откликнулся Павел. — В Мадриде всем показывают обломки «юнкерсов» и «капро-ни». Ходят слухи, что экспонатов вполне достаточно...

Мы принялись за обед.

Наше спокойствие бесило хорохорившихся нацистов. Но они не рискнули затеять скандал. Тем более что симпатии посетителей, занимавших соседние столики, были явно не на стороне наглецов со свастикой.

...Нет, не понравился мне в те дни Париж. Не нашел я в нем очарования, какое находили, скажем, герои романов Эренбурга.

Тяжелое впечатление оставляли окраины, где в лачугах ютились полуголые и вечно голодные алжирские и марокканские рабочие.

Удручали даже прилично одетые нищие в центре.

В вестибюле одного из роскошных магазинов я увидел манекен, поразительно напоминающий живого человека. Притронулся к восковой фигуре, не веря, что это воск, и отскочил. Восковая фигура зашипела на меня человеческим голосом!

Черт возьми, каково приходилось бедняге! Часами изображать куклу!

Угнетающе действовала на меня такая реклама. Мучила бензинная вонь. Было не до видов Парижа. Тянуло в Испанию...

Поезд на юго-запад отходил вечером. А ночь застала нас уже вдали от французской столицы.

НА ИСПАНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Испанский городок Порт-Бу только-только просыпался. Солнце, поднявшееся из сини Средиземного моря, еще не высветило подножий гор, но рощи на склонах холмов уже золотились. Окна рассыпанных там домиков то вспыхивали, то гасли, и казалось, что домики спресонок жмурятся, не торопясь расстаться с ночным покоем.

Дул ветер. Влажный, теплый ветер морских просторов. В садах вдоль железнодорожного полотна пламенели цветы, на деревьях желтели мандарины.

— И это в такую пору! — с восторгом сказал я своей переводчице. — Каково же здесь летом?

Обручева не откликнулась. Ее состояние можно было понять. За окном вагона простиралась Испания, страна, знакомая раньше только по книгам. В вагоне говорили на понятном ей испанском языке... Я умолк и принялся собирать чемоданы...

Не знаю, кто и когда успел оповестить жителей. Дордь Бу, что с поездом прибывают десятки новых добровольцев. Но маленький перрон был забит людьми. Едва мы показали в тамбуре — к нам протянулись яркие букеты. Не все встречающие могли дотянуться до приехавших, и на нас обрушился настоящий цветочный дождь. Женщины поднимали над головами малышей. Мужчины салютовали крепко сжатыми кулаками.

— Вива Русиа!

Мы попали в пылкие объятия незнакомых, но отныне навеки родных и близких людей. Крепкие рукопожатия, радостные улыбки. Невозможно было оставаться спокойным.

— Мы не опоздали! — только и смог я сказать Обручевой.

В Барселоне и Валенсии людей, знамен и речей было больше. Но бурную, искреннюю встречу в приграничном Порт-Бу я запомнил лучше. Кажется, что могу описать каждое увиденное тогда лицо, а в ушах и по сей день звучат радостные возгласы испанцев...

Мы не опоздали! И Порт-Бу от имени всей Испании встречал новых добровольцев.

В тот же день мы направились в Барселону. Железнодорожные станции пестрели множеством флагов. Государственные флаги Испании, федеральные стяги Каталонии, алые полотнища коммунистов и социалистов, черно-красные знамена анархистов создавали причудливое переплетение цветов и красок.

Барселону называют жемчужиной Средиземного моря. Она действительно прекрасна. Величественны и красивы ее здания, набережные, бульвары, стоящие на рейде корабли. Красивы и люди, живущие в Барселоне.

Чудесную Барселону первого года войны с толпами возбужденных людей, музыкой, уличными певцами и гордыми плакатами, реявшими над площадями и улицами, нельзя забыть.

Знакомясь с городом, я невольно задавал себе вопрос: не слишком ли беспечно живет Барселона?

Меня смущали молодые люди и дамы за столиками "уличных кафе, спокойно попивавшие вино и кофе. Смущала искренняя и наивная восторженность военных, гулявших по городу с винтовками. Людей с винтовкой можно было

видеть даже в ресторанах и театре.

«Винтовки больше нужны в эти дни под Мадридом... Но лучше повременить с выводами, — успокаивал я себя. — В конце концов, я только прибыл, мало что знаю, возможно, плохо разбираюсь в обстановке...»

Долго не мог заснуть в первую ночь. Погасил свет, распахнул окно. По приказу город должен был затемняться. Однако по всей Барселоне разбросаны яркие огоньки. С улицы доносились оживленные голоса, смех, музыка. Изредка тишину южной ночи разрывали резкие недалекие выстрелы.

На вопрос, кто стреляет, дежурная по отелю невозмутимо ответила:

— Возможно, фашисты! Ночью они выползают из своих нор и нападают на народную милицию... Спите, спите, синьор...

Правительство республиканской Испании размещалось в Валенсии. Там же находились и представители военных властей, к которым я должен был явиться. С первым утренним поездом мы с Анной и Павлом опять отправились в путь. Скорее добраться до цели, закончить затянувшийся «туристский» маршрут, приняться за работу! Однако поезда в то время не имели такой скорости, как теперь. Чтобы преодолеть 350 километров, отделяющих Барселону от Валенсии, понадобился целый день. Состав остановился у перрона вечером. Добровольцев встречали, и искать нужных людей не пришлось. Нас немедленно отправили в гостиницу.

В Валенсии сильнее чувствовалось дыхание войны. О войне напоминали прежде всего повозки и тележки беженцев, забитые нехитрым скарбом. Потом завывла сирена, предупреждая о приближении самолетов противника. Понеслись причитания женщин, поднялась суматоха. Но многие даже не сдвинулись с места, а только мрачно смотрели на небо. Лишенные земли и крова, потерявшие, может быть, близких, эти люди не могли противопоставить наглому врагу ничего, кроме мрачного презрения, из которого рождаются отвага и стойкость.

В тот вечер фашистские бомбардировщики бомбили Валенсию. А наутро продавцы газет кричали о победе республиканских войск, на площади продавались цветы, было много народу. Республиканская Испания радостно переживала последнюю новость: очередная фронтальная атака мятежников на Мадрид отбита с большими потерями для врага. Фашизм опять не прошел!

Оказывается, дела в Испании обстояли вовсе не так плохо, как об этом писали буржуазные газеты.

Но тревога, конечно, не проходила. Правительство Ларго Кабальеро не делало всего необходимого, чтобы обеспечить победу. Бесчинствовали анархисты. Тяжелой оставалась международная обстановка...

И все же главным в тот день было поражение мятежников под Мадридом. Успех защитников испанской столицы вселял бодрость, позволял надеяться на перелом в ходе событий.

В Валенсии я без труда разыскал советских добровольцев, прибывших раньше нас. Одним из первых, кого я увидел, был мой прежний начальник Ян Карлович Берзин.

По договору с Испанской республикой правительство СССР, выполняя свой интернациональный долг, направило сюда группу военных советников. Берзин являлся одним из старших советников.

Встреча за рубежом с советским человеком — всегда радость. Встреча с тем, кого безгранично уважал и любил, — . радость вдвойне.

Старик, как ласково мы звали Берзина, хотя ему было всего 40 лет, сразу меня узнал и, несмотря на огромную занятость, уделил несколько минут.

— Хотите в Мадрид? Не выйдет! Обстановка изменилась. Вас я оставлю здесь... Придется начинать с малого... К тому же под Мадридом фашисты понесли большие потери, морально надломлены. Оборона Мадрида с каждым днем совершенствуется, устойчивость ее быстро растет. Город становится неприступным для фашистов.

Прогноз Берзина оказался правильным. Фашисты не овладели Мадридом до конца войны. Однако на других участках фронта положение оставалось далеко не блестящим.

— Для вас важно и то, что сплошной линии фронта здесь не существует, — устало улыбнулся Ян Карлович.

Берзин не развивал свою мысль, но я его прекрасно понял: ходить в тыл фашистов будет относительно несложно.

Как и других наших советников, Берзина очень беспокоило состояние испанской армии. Она не имела ни четкой структуры, ни единого командования. В армию входили отдельные отряды, подчинявшиеся различным партиям и комитетам. В беседе со мной Ян Карлович не скрывал своей тревоги.

— Что вы поручите мне?

— Нужен инструктор-подрывник. Будете обучать людей применению минноподрывной техники. Кое-когда придется работать и по другой специальности, приобретенной вами в академии.

В дверь постучали. Вошли высокий белокурый человек и яркая смуглая женщина.

— Очень удачно! — улыбаясь вошедшим, сказал Берзин. — Знакомьтесь. Старинов. А это тоже советские добровольцы — Артур Карлович Спрогис и переводчица Регина Цитрон.

Ян Карлович тут же попросил меня показать Спрогису устройство различных взрывателей и замыкателей, которые можно соорудить из подручных средств.

Нашу беседу прервал телефонный звонок. Слушая невидимого собеседника, Берзин заметно мрачнел.

Я не видел Яна Карловича около трех лет. При встрече он сразу показался мне постаревшим. Сейчас явно нервничал. Это как-то не вязалось с его образом и даже огорчало. В былые годы выдержка никогда не изменяла моему начальнику. Видно, очень уж плохие вести принес телефон, если и Берзин не в силах сдержать свои чувства.

Положив трубку, Ян Карлович извинился, что не может продолжать разговор.

— Еще не раз увидимся! — попытался по-прежнему спокойно улыбнуться он. — А сейчас, товарищ Старинов, вас проводят к генералу Ивону. С ним все договорено.

Мы условились со Спрогисом о встрече в гостинице, и я направился к неведомому генералу Ивону.

— Энтре! Энтре![5] — раздалось из кабинета в ответ на мой стук.

Мы с Обручевой вошли. Из-за стола поднялся плотный темно-русый чело-

век.

Я стал представляться через переводчицу...

— Вы из большой деревни?[6] — по-русски спросил он. — Тогда обойдемся без переводчиков!..

Генерал оказался очень оперативным. Сразу сделал все необходимое, чтобы я приступил к работе.

В тот же день мне поручили заниматься с группой товарищей.

В группе, с которой я занимался, собрались пожилые, семейные люди. Они горячо стремились в тыл врага, но рассчитывали, что их тайно забросят туда для сугубо конспиративной, подпольной работы. Никто из них не предполагал, что в тыл фашистов придется ходить систематически и, выполнив боевое задание, возвращаться па базу.

Подобная перспектива моих учеников не радовала, да и я видел, что со старичками далеко не уедешь. Где уж им делать вылазки в тыл врага?! Они и ходить-то быстро не могут, задыхаются...

В штабе отношение к нашей группе было прохладным. Средств мне не отпустили, покупать необходимые нам приборы и детали приходилось на собственную зарплату. У нас не было даже машины для транспортировки оборудования и людей к месту занятий...

Генерал Ивон выслушал меня очень внимательно. Я напористо доказывал, что надо посоветовать руководству республиканской армии повнимательнее отнестись к комплектации и к материальному обеспечению групп подрывников.

— Мины не оборонительное, а сугубо наступательное оружие! — убеждал я генерала. — Попадет ли в цель артиллерийский снаряд? Это еще неизвестно. А заложенная в нужном месте надежная мина бьет без промаха, и эффект от ее взрыва гораздо больше. Одним снарядом батальон противника не уничтожишь, а мина, пустившая под откос железнодорожный состав, уничтожит и батальон и его технику. Разве можно пренебрегать таким оружием?

Генерал Ивон согласился со мной.

— Давайте организуем курсы по подготовке проверенных бойцов к действиям в тылу фашистов, — предложил я генералу. — Дело это для меня лично не новое: Можно создать и лабораторию, которая обеспечивала бы нас спецтехникой, и сформировать хотя бы один специальный батальон для действий на путях сообщения врага.

— Предложения полезные, — ответил генерал. — Но республиканская армия, увы, пока только рождается. И рождается в тяжелых муках... Вам придется для начала поработать, как говорится, кустарным способом. Надо доказать на деле возможности ваших подрывников...

Однако вскоре после этого разговора нас пригласили в Валенсийский провинциальный комитет Коммунистической партии Испании к товарищу Урибесу, который объявил нам о предстоящей встрече с Хосе Диасом и Долорес Ибаррури.

Генеральный секретарь Коммунистической партии Испании встретился с нами на следующий день.

Здание ЦК охранялось: в городе действовали остатки пятой колонны, бес-

чинствовали анархисты. Но нас пропустили без особых формальностей.

Хосе Диас — молодой человек с тонким умным лицом, крепкими руками и быстрыми движениями — попросил меня изложить суть моих замыслов. Слушал он внимательно. В знак одобрения кивал головой:

— Си, камарадас[7].

Отворилась дверь. Вошла женщина в черном платье. Я сразу узнал легендарную Пасионарию и встал, прервав на полуслове изложение своих планов.

Долорес Ибаррури, улыбаясь, пожала мне руку, обняла за плечи Обручеву, называвшуюся теперь Луизой.

Потом присела рядом с Хосе Диасом, и они горячо заговорили между собой. Как я завидовал Анне, понимавшей испанский!

Наконец Хосе Диас объявил через переводчицу:

— В ближайшие дни вы получите все возможное, но впереди много трудностей. Их нелегко преодолеть в наших условиях...

Однако все уладилось очень быстро. Для школы подрывников отвели прекрасное помещение — вместительный особняк на окраине Валенсии. Отпустили нам и необходимые средства. А главное — прибыла первая группа молодых бойцов. Их было двенадцать. Возглавлял ее тридцативосьмилетний капитан Доминго.

Он не просто пришел. Он приехал к зданию школы. На двенадцать человек у группы Доминго было пять легковых машин и грузовик.

— Думаю, на первое время хватит? — спросил он.

Так было положено начало будущей бригаде специального назначения.

ВЫЛАЗКИ В ТЫЛ ВРАГА

— Салуд, камарада текнико! Салуд, камарада Луиза!
Высокий огненноволосый шофер Рубио облачен в новенькую униформу, которая удивительно гармонирует с блестящей на солнце «испано-сюизой». Дождавшись, пока мы усядемся, Рубио отпускает тормоза и на третьей скорости разворачивается возле подъезда гостиницы.

Но больше ему ничем не удастся блеснуть: Валенсия забита повозками беженцев, автомобилями воинских формирований и эвакуированных правительственных учреждений.

Испанский шофер, вынужденный ехать медленно, — это мученик.

На лице Рубио страдание. Но страдает он, как положено мужчине, молча.

Наконец «испано-сюиза» подкатывает к дому в Бениамете[8], где размещена школа.

Первым навстречу вылетает Антонио — восьмилетний сынишка капитана Доминго.

— Сейчас же вернись, негодник! — кричит жена капитана, полная, добродушная женщина.

Раньше у нее была одна забота: следить, чтобы сын не свалился с лошади или не попал под копыта (Доминго по профессии кавалерист). Но с тех пор как муж стал командовать подрывниками, в карманах у сына находят патроны динамита и запалы. По сравнению с ними упражнения мальчика на андалузском скакуне кажутся матери безобидным занятием.

— Оставь в покое парня! У него макеты и использованные запалы!

Это отдает приказ жене сам Доминго. Он вышел из парадной двери особня-

ка и приветствует нас традиционным жестом республиканцев.

Доминго черноволос, худощав и чем-то смахивает на узбека. Для своих тридцати восьми лет он очень подвижен и кажется неуравновешенным. Однако то, что принимают за неуравновешенность, просто присущая ему экспансивность. У Доминго ее несколько больше нормы, только и всего.

По рассказам товарищей, Доминго очень храбр. Я верю этим рассказам: бывалые фронтовики относятся к капитану с подчеркнутым уважением.

...Сходятся на занятия бойцы.

Порознь появляются два брата — Антонио и Педро. Старшему, Антонио, двадцать один год; младшему, Педро, только восемнадцать. Антонио недавно женился. Жена у него красавица, и едва выпадает свободная минута — он уже у нее в комнате, откуда доносятся смех и поцелуи.

Младший брат иронически пожимает плечами. Педро считает старшего легкомысленным...

Как всегда, точен тридцатилетний красавец Хуан — в недавнем прошлом владелец небольшого гаража. Хуан принес в дар республике три машины. Единственное, что он не может принести в жертву, — свои вечера. Они отданы женщинам, у которых Хуан пользуется большим успехом.

Рядом с Хуаном маленький боец Пепе выглядит совсем крошкой. Пепе не осуждает Хуана, но поглядывает на него снизу вверх с покровительственной усмешкой. У Пепе нет слабостей. Разве только выводящая кое-кого из равновесия педантичность. Но в нашем деле педантичность отнюдь не порок.

Наконец все бойцы в сборе.

Я начинаю занятия. Стараюсь меньше говорить я больше показывать. Учю делать и устанавливать мины. Как внимательно слушают мои ученики переводчицу!

Чудесные ребята! Каждый понимает, затишье на фронтах — дело временное. Они рвутся в бой. А пока используют каждую минуту, чтобы научиться делать и применять новую для них — мирных людей — технику.

Если бы так же сознательны были некоторые республиканские руководители! Тогда бы они не почивали на лаврах временного успеха под Мадридом, как делает, например, Ларго Кабальеро[9], кстати не имеющий к этим успехам никакого отношения. Мадрид отстояли испанские солдаты и бойцы интернациональных бригад, руководимые коммунистами. Но именно с коммунистами кое-кто пытается сейчас свести счеты в Валенсии, обвиняя их во всех возможных и невозможных грехах.

Политические интриги вызывают гнев против тех, кто их затевает. Но гнев гневом, а мы прежде всего солдаты. Мы верим в победу и готовимся к ней.

С давних пор сложилось мнение, что диверсант — мрачный и свирепый человек без совести и чести. Нет спору, подонки, выходящие из разведывательных школ буржуазных государств, и являются такими зверями. Но в армиях, сражающихся за народное дело, подрывниками становятся лучшие, беззаветные и человечные бойцы.

Чтобы убедиться в этом, достаточно поглядеть на ребят капитана Доминго.

Как я уже говорил, почти все обучавшиеся испанцы вначале полагали, что их используют на подпольной работе в захваченных фашистами районах. И они подходили для такой работы.

Но как наладить доставку подпольщикам оружия, боеприпасов, взрывчат-

ки без транспортной авиации? Очень затруднялось и оперативное руководство ими при полном отсутствии радиосвязи. Нелегко было также законспирироваться и «акклиматизироваться» на оккупированной мятежниками территории: это требовало длительного времени.

Потому-то я и считал, что в сложившейся обстановке нужно создавать небольшие, хорошо экипированные группы подрывников, которые бы периодически пересекали линию фронта и, выполнив задание, возвращались обратно.

Однако это мое предложение не находило поддержки наверху, да и у самих обучаемых. Все почему-то считали, что организовать диверсии в тылу противника проще и легче, если надолго обосновываться там с подложными документами. Поэтому и людей в школу поначалу подбирали из тех, кто негоден к строевой службе.

Только теперь по указанию руководства КПП я перевел своих «старичков» на положение инструкторов, а группу капитана Доминго стал готовить к действиям в тылу врага методом вылазок.

На первых порах и Доминго относился к планам перехода линии фронта весьма скептически, но я надеялся, что он изменит свое мнение, побывав в деле.

Вскоре нам предложили участвовать в Теруэльской операции. Командование республиканской армии совершенно справедливо считало, что захват мятежниками Теруэля и образование так называемого теруэльского выступа таит в себе большую опасность.

От Теруэля до Валенсии, где располагалось республиканское правительство, немногим более ста километров по прямой. Если мятежникам и интервентам удастся развить успешное наступление, они прорвутся к морю, отрежут Каталонию от остальной Испании и выйдут в тыл защитникам Мадрида.

Ликвидация же теруэльского выступа позволяла республиканским войскам обезопасить Валенсию, сократить линию фронта и лишить противника выгодного плацдарма.

Мятежники занимали населенные пункты, расположенные по сторонам железной и автомобильной дорог Теруэль — Каламоча. К северу от Теруэля республиканские части прочно удерживали автомобильную дорогу на Монтальбан, Пералес и далее на юг — почти до Теруэля.

Сплошной линии фронта не существовало.

Данные разведки казались утешительными: по последним сведениям, противник не располагал на теруэльском выступе большими силами и не ждал решительных действий республиканцев.

Из войск, готовившихся к Теруэльской операции, наиболее боеспособным соединением являлась 13-я интернациональная бригада. Рассчитывать в случае тяжелого боя на особую стойкость анархистских колонн не приходилось. Еще меньше можно было надеяться на отряды поумовцев[10]. Они фактически никогда не воевали, а только пользовались каждой возможностью, чтобы вооружиться за счет республики и в последующем напасть на саму республику.

Во второй половине декабря 1936 года вместе с группой капитана Доминго, состоявшей из восемнадцати человек, я выехал в село Альфамбру. Мы погрузили с собой в машину динамит, тол, простые ампульные мины и колесные

замыкатели. Наш динамит обладал крайне неприятным свойством: он безотказно взрывался при попадании первой же пули. В этом нам пришлось убедиться на своем импровизированном полигоне под Валенсией.

Я пробовал делать опасный динамит безопасным, но безуспешно. Безопасный динамит не взрывался от капсюля-детонатора и даже от иницилирующего заряда (патрона студенистого динамита). Поневоле приходилось пользоваться тем, что давали.

Место за рулем в нагруженном динамитом форде занял Пепе. Я сел рядом с ним. Педантизм Пепе внушал мне больше доверия, чем лихость Рубио.

Нам предстояло проехать более двухсот километров, причем сто пятьдесят из них по горным дорогам. Альфамбра, как и Теруэль, расположена на высоте девятисот метров над уровнем моря.

День выдался солнечный, и домики села, сложенные из камня, казались только что выбеленными. По улочкам сновали бойцы. Местные жители, особенно дети, с любопытством рассматривали прибывающие сюда республиканские войска.

На следующее утро тревожно завывла сирена: воздушная опасность! Скопившиеся в селе машины стали разъезжаться. Не растерялся и Пепе: он быстро завел свой форд и вывел его в поле. Бомбежка велась с большой высоты и не нанесла войскам существенного урона.

Из-за тесноты в Альфамбре Доминго пустился на поиски удобного для нас помещения в соседние деревни. В конце концов мы устроились в Ориосе и уже оттуда поехали к командующему участком.

Командующий теруэльским участком — увешанный оружием анархист — принял нас очень недоброжелательно. Он был весьма самонадеян. Громовым голосом объявил, что подготовляемое им наступление станет историческим!

Когда командующий умолк, Доминго попросил разрешения изложить наш план действий. Капитан предлагал услуги группы подрывников для разрушения железной и шоссейной дорог на участке Теруэль — Каламоча и организации крушения поездов с войсками противника.

Командующий безнадежно махнул рукой. Нет, он не верит в возможность успешного крушения вражеских эшелонов... Группы подрывников должны быть готовы к разрушению связи противника, к захвату «языков», а останется время — что ж, пусть попробуют взорвать железную дорогу...

— Это приказ?

— Да, приказ. Прежде всего разрушайте связь!

— Когда начинать действовать?

— Через два дня.

— Как получить надежных проводников?

— Найдите их сами среди местных жителей.

— А ваши разведчики?..

Сам того не ведая, Доминго задел больное место командующего. Как выяснилось, разведки здесь почти не вели.

Командующий сердито повторил, что мы должны найти себе проводников сами.

Подобрав двух проводников, мы возвратились в Ориос и застали у себя в подразделении весьма живописную картину: кто грелся у камина, кто курил, сидя на ящике со взрывчатыми веществами, а Рубио тут же мастерил взрыва-

тель. Люди явно пренебрегали правилами обращения с минноподрывным имуществом. Кто же, как не я, виноват в этом?..

Операция началась позднее, чем намечалось. Командующий вторично вызвал к себе Доминго и приказал разрушить все линии связи в пятнадцати — двадцати километрах севернее Теруэля, а также взорвать автомобильную и железную дороги, соединяющие Теруэль с Калатаюдом.

— Ты тоже пойдешь с подрывниками? — спросила меня Обручева.

— Да. Надо.

— Разве люди плохо подготовлены?

— Дело не в этом. Какое впечатление может создаться у бойцов, если я останусь?..

— А я должна ждать здесь, в Ориосе?

— Ну не обязательно в Ориосе...

— Прости, но я не согласна. Я твоя переводчица и буду находиться рядом.

Заявление было сделано таким категорическим тоном, что пришлось согласиться.

Услышав, что Луиза идет с нами, капитан Доминго в отчаянии поднял руки:

— Женщины в тыл не ходят!

— Ходят, Доминго. Готовь людей. Возьмем двенадцать человек. Шестеро останутся в резерве...

Нагрузившись взрывчаткой, мы направились к позициям роты, из расположения которой предстояло проникнуть в тыл мятежников. Подрывники сменили кожаную обувь на веревочные сандалии — альпаргатас. В ботинках по горам далеко не уйдешь. Вооружены все пистолетами и ножами. Кроме того, Рубио тащит на всякий случай ручной пулемет.

Выступили засветло. Впереди проводники, за ними — капитан Доминго, я и Луиза, дальше — остальные. На спинах у каждого — белые лоскуты с привязанными к ним гнилушками, чтобы не потерять друг друга в темноте. У меня и Доминго — бинокли. Мы тщательно осматриваем местность. На ночное время установлены сигналы «Внимание» и «Остановка».

Ночь в горах наступает стремительно. Рядом с проводниками теперь шагают Антонио и Рубио. Посты противника где-то рядом. Надо двигаться совершенно бесшумно. Но наши люди недостаточно подготовлены к ночным переходам.

Через два часа — отдых. По моим подсчетам, пройдено около десяти километров. Осталось еще столько же...

Удивительное чувство возникает — при переходе линии фронта ночью. Кажется, что идешь по узкому мостику над пропастью. Оступись и — конец...

Но вот линия фронта уже позади. Мы шагаем бодрее и к трем часам утра выходим на автомобильную дорогу Теруэль — Каламоча.

Залегли метрах в ста от ее полотна. Отдышались, перекусили. Разделились на две группы. Бойцы, возглавляемые Антонио, будут минировать железную дорогу. Группа Доминго должна поставить заряды для подрыва двадцати телеграфных столбов на шоссе и взорвать мост.

Автомобильная дорога оказалась широкой и была заасфальтирована. Железобетонный мостик на редкость прочен. Нашей взрывчатки явно не хватит,

чтобы сильно разрушить его.

Для усиления эффективности взрыва я посоветовал Доминго установить заряды вплотную под балками, выложив подпорки из камня, и двинулся вместе с бойцами Антонио.

До железной дороги около пятисот метров. Вокруг ни души. Но у нас очень мало времени: скоро начнутся взрывы. К счастью, здешний мост оказался более легким для взрыва. Работали, стоя на дне высохшего ручейка. Заряды отлично устанавливались сбоку от металлических балок.

Заминировав мост, торопливо принялись за телеграфные столбы. Как всегда, в спешке что-то не выходит сразу. А времени уже нет.

Подожгли фитили зарядов на мосту и начали отходить.

Первые взрывы прогремели, когда мы достигли шоссе. Ночную тьму прорезали яркие вспышки света.

Прибавили шаг. И хорошо, что не замешкались! На автомобильной дороге тоже начались взрывы. Там, где находился железобетонный мост, пламя вымахнуло в полнеба. От глуховатого взрыва вздрогнула земля...

На пункте сбора царило ликование, но радоваться было еще рано. Я опасался, что противник подбросит к месту взрыва солдат и начнет преследование. Мы видели огни, машин, спешивших к поврежденному участку! Следовало немедленно уходить.

В обратный путь отправились налегке. Довольные удачей, люди не чувствовали усталости.

Уже с солнышком мы вышли в расположение республиканских войск.

Доминго отправил подрывников на отдых, а сам вместе со мной поспешил на доклад к командующему.

Только после полудня мы были приняты. Командующий, размахивая руками, стал упрекать нас за то, что сделали мало, «только нашумели».

— Противник получает подкрепление! Связь у него работает! — надрывался командующий.

Доминго резко ответил, что задание выполнено точно и в срок.

Присутствовавший при этом разговоре наш артиллерийский советник Н. Н. Воронов, уловив момент, сказал:

— Поймите состояние командующего. Наступление развивается не по плану, войска несут большие потери.

— Но при чем тут мы?! Разве малочисленная группа подрывников могла обеспечить успех наступления?

— Конечно нет.

Однако командующий все наседал на Доминго:

— Вы, видимо, ничего не взорвали и вовсе не уничтожили связь!..

На наше счастье, один из проводников оказался анархистом. Он принялся орать на командующего, доказывая, что мосты были взорваны. Отчаянно жестикулируя, проводник показывал, как летели обломки.

Не знаю, убедил ли он командующего, или тому просто надоели пререкания, но нас наконец отпустили, приказав готовиться к новой вылазке.

Я был сильно удручен.

Конечно, судьба наступления не зависела от действий нашей группы, но мы могли сделать больше. Могли, если бы проявили на свой страх и риск больше самостоятельности.

В самом деле, зачем было подрывать столбы проводной связи, когда всем известно, что у мятежников есть полевые раций? Да и восстановить эти повреждения на линии фашистам было совсем нетрудно.

С мостами мы тоже дали промашку. Что толку разрушать маленькие мостики через обмелевшие ручейки? Гораздо выгоднее было установить и на железной дороге и на шоссе автоматические мины. И взрывчатки ушло бы меньше, и эффект получился бы больший: первые же подорвавшиеся машины и эшелоны заставили бы противника приостановить движение до тщательной проверки всего полотна на значительном расстоянии.

Когда я вернулся к своим ученикам, первоначальное возбуждение у них уже прошло. Бойцы выглядели усталыми. Почти у всех были потерты ноги.

— Тодос еста биен[11], — храбро солгал Доминго, глядя на вопрошающие лица боевых товарищей. — Однако от нас ждут большего. А сейчас — спать!

Капитан не хотел обескуражить подрывников. Но вряд ли от них укрылась его хмурость.

— А в чем все-таки дело? — спросил за всех Рубио.

— В чем?! — взорвался Доминго. — Теруэль не заняли, вот в чем!

Бойцы переглянулись. Причина была достаточно веской, чтобы объяснить плохое настроение командира.

Несмотря на первоначальные неудачи, командование продолжало попытку захватить Теруэль.

Интербригада прорвалась к самому городу, за ней продвинулись другие республиканские части. Противник пока не контратаковал. Это позволяло надеяться на успех.

На второй день наступления подрывники получили приказ вновь идти в тыл мятежников.

Капитан Доминго задумался. У людей потерты ноги, а им шагать более сорока километров!

Пепе невозмутимо предложил использовать для вылазки машины.

Первым отозвался на это Рубио:

— Ты, наверное, не в своем уме...

Но Пепе не удостоил его ответом. Он спокойно убеждал переводчицу и Доминго, что поездка на машинах совсем неопасна... А в случае чего — на машинах легко и удрать!

Перспектива такой вылазки понравилась и другому шоферу — Хуану. Он горячо поддержал Пепе.

Доминго тоже загорелся новой идеей, и мы решили рискнуть.

В операцию отправились Доминго, Обручева, я, Пепе, Хуан, Рубио, братья Антонио и Педро, а также восемь бойцов из армейской части, занимавшей оборону возле деревни Пералес.

В полдень три машины въехали в лесок на ничейной территории и направились к автомобильной дороге Теруэль — Каламоча. Сначала тряслись по суходолу, поросшему на склонах кустарником, а в четырех километрах от своих позиций выскочили на полевую дорогу и прибавили скорость.

Безмолвны холмы вокруг. Желтеет под солнцем чахлая трава. Темнеют вдали одинокие валуны. Ни зверька, ни овечьей отары. Только высоко в небе парят редкие облака.

Приземистая пастушья хижина (кортихо), сложенная из камней, видна на ровном месте за целый километр. Останавливаемся в укрытии, посылаем разведку. Сигнал: можно ехать!

У хижины — ни души. Оседланная лошадь пощипывает невдалеке траву. Настороженно подняв голову, она с испуганным храпом шарахнется от бойцов. На седле видна запекшаяся кровь. Заглядываем в хижину — пусто. Какая-то трагедия разыгралась тут. Какая? И чем это угрожает нам?

Загнав машины в тень растущих возле кортихо деревьев, мы внимательно рассматриваем в бинокли местность. Кругом все спокойно. Надо двигаться дальше.

Но не проехали и двух километров, как заметили на склоне ближней горы группу вооруженных людей. Попытка проскочить и скрыться за поворотом дороги не удалась. Захлопали выстрелы, засвистели пули.

Бойцы четко выполняют команду. Высыпав из машин, они залегли и открыли ответный огонь. Хуан бьет короткими очередями из ручного пулемета. Кажется, что пулемет в его руках дрожит от ненависти.

Наш огонь очень плотен и, видимо, не безрезультатен. Противник умолкает. Люди на склоне горы начинают делать перебежки и отступают. Но отступают они почему-то... на восток, в сторону республиканских позиций.

Доминго кричит, чтобы наши прекратили стрельбу.

Что за черт?!

Может быть, мы столкнулись со своими разведчиками? Почему никто не предупредил нас о возможности такой встречи? В штабе утверждали, что за линией фронта нет ни одного республиканского подразделения...

Поднимаем красный шарф. Группа на склоне горы отвечает нам тем же.

Хуан просит, чтобы его послали для переговоров. Мы соглашаемся и с замиранием сердца ждем, вышлют ли неизвестные своего представителя навстречу Хуану. Не прогремит ли роковой одиночный выстрел.

Хуан все идет...

Из кустов появляется человек и начинает осторожно спускаться навстречу нашему представителю. Вот они сходятся. Через минуту Хуан оборачивается и весело машет рукой. Мы поднимаемся с земли, выбирается из кустов и «противник». Все прояснилось очень быстро: мы столкнулись с разведывательной группой одной из анархистских колонн.

Браниться? Ссориться? В нелепой стычке не виноваты ни они, ни мы.

Выяснив у разведчиков, что впереди до самой автомобильной дороги нет фашистских отрядов, мы снова пускаемся в путь. И уже через полчаса, замаскировав машины в кустарнике, наблюдаем за движением вражеского транспорта по шоссе Теруэль — Каламоча.

Видна нам и безжизненная железная дорога. Похоже, поезда ходят крайне редко.

На автомагистрали охраны нет. Идут по ней главным образом одиночные машины. Редко появляются колонны из десяти — пятнадцати грузовиков, порой с солдатами, порой с поклажей.

Выехать бы на дорогу, пристроиться к какой-нибудь из таких колонн и устроить мятежникам фейерверк! Но мы не решаемся на это. Зато в открытую приближаемся к шоссе и примерно в пятистах метрах разворачиваемся так, чтобы сподручнее было вести огонь.

Шоферам фашистов и в голову не приходит, что у дороги легковушки республиканцев.

Выждав, пока приблизится очередная колонна машин, груженных какими-то ящиками, открываем дружный огонь.

Некоторые грузовики с ходу сползли на обочину. Шоферы попрыгали в канавы. Одна машина загорелась. Остальные дали газ и поспешили скрыться.

Чтобы задержать возможную погоню, мы, отъехав от шоссе, поставили в колею замыкатель из спичечной коробки (точно такой, какой я показывал Тухачевскому год назад), а в придорожных кустах заложили солидный заряд тола.

Такая предосторожность оказалась нелишней. Вскоре до нас долетел звук глухого взрыва. Видимо, фашисты наскочили на фугас и воздержались от преследования...

Нашу вылазку считали успешной, но я вернулся в невеселом настроении. Ведь собственными глазами убедился, что мятежники быстро исправили повреждения от наших мин и фугасов не только на шоссе, но и на железной дороге.

Выходит, прав был командующий участком? Подрывники действительно не приносят пока войскам, ведущим тяжелые бои под Теруэлем, той пользы, на которую мы рассчитывали...

На следующий день капитан Доминго и Антонио снова повели в тыл врага две группы минеров.

Доминго пересек линию фронта на старом месте, Антонио — южнее, там, где железная дорога Теруэль — Калатаюд проходит не более чем в двадцати километрах от Альфамбры.

На участке, где действовала группа Антонио, плотность фашистских постов оказалась увеличенной, и нашим пришлось идти только ночью.

Пересекая автомобильную дорогу, минеры убедились, что ее энергично патрулируют.

Охранялась и железная дорога.

Тем не менее, изучив систему охраны, наши бойцы установили на колее две мины с ампульными взрывателями. Заслышав шум приближающегося поезда, Антонио сам подскочил к железнодорожному полотну и установил мину с колесным замыкателем.

Поезд спокойно прошел над колесным замыкателем. Вся надежда была теперь на ампульные мины. И они сработали. Рванула первая... Поезд идет. Рванула вторая... Поезд идет. Из вагонов открыли беспорядочную стрельбу, на путях замигали фонарики патрулей, в воздух взвились осветительные ракеты.

Пришлось поспешно отходить. Уже в километре от железной дороги подрывники услышали новый взрыв. Как выяснилось позже, это сработал колесный замыкатель. Но сработал он не под поездом, а в руках снимавшего мину фашиста.

Я был обескуражен случившимся. Мины, безотказно работавшие на испытаниях, не оправдывали себя в бою. Столько труда, такой риск, а подрывали только путь!

Мрачно выглядел и возвратившийся с задания Доминго. Что-то непривычное было в знакомом облике капитана. Приглядевшись, я заметил, что на нем опалено обмундирование.

Поток страшных проклятий, которыми разразился мой друг в адрес мятежников, командования, погоды и всех испанских святых, ничего не разъяснил. Только немного успокоившись, Доминго рассказал, что его постигла неудача. Ампульные мины, которые ему удалось установить, обнаружили патрули, а колесный замыкатель не сработал. Единственное, что сделала группа Доминго, — захватила на обратном пути фашистский бензовоз и сожгла его.

При этом больше всех отличился Рубио. Он вышел на асфальт с красным сигналом. Бензовоз немедленно остановился. Одетые в форму фалангистов шофер и сопровождающий, почуяв неладное, схватились за оружие. Но Рубио опередил их. Потом он открыл цистерну, поджег свой носовой платок и вместе со спичечной коробкой швырнул его в бензин. Подрывники не успели отбежать на достаточное расстояние. На многих подпалило одежду, некоторые поплатились за неосторожность своими шевелюрами.

— Вот карбюратор с бензовоза, — мрачно сказал Доминго. — Нам не везет, Рудольф[12]. Дьявольски не везет!..

Наступил новый, 1937 год. В новогоднюю ночь мы перебирались из Альфамбры в Ориос.

На середине пути нас задержала колонна анархистов и потребовала отдать машины.

Доминго вылетел из кабины, как разъяренный лев. Щелкнув затвором, он закричал, чтобы анархисты освободили дорогу.

Хуан и Рубио встали по бокам от командира, держа оружие наизготовку. Пепе выхватил гранату.

Анархисты отступили. Вслед нам неслись брань и угрозы.

В Альфамбре, как всегда, прием был не из теплых. Теруэль продолжал оставаться в руках фашистов. Анархисты изворачивались, искали виновных.

Посыпались упреки и на наши головы.

— Мятежники подвозят по железной дороге резервы, а вы ничего не предпринимаете! — рычал командующий.

Он был не прав. Но оправдываться не имело смысла...

Доминго знал, что наши люди не в состоянии ходить: после пятидесятикилометрового перехода ноги у большинства были сбиты до крови. Не рискуя еще раз углубляться в тыл мятежников на автомобилях, он все же попытался пробиться к железной дороге с двадцатью бойцами на лошадях.

Но, так и не достигнув цели, его группа в ту же ночь вернулась обратно.

А тут приказ: сняться с фронта и убыть в Валенсию.

Выслушав наш доклад, секретарь провинциального комитета КПИ товарищ Урибес произнес очень длинную фразу явно успокоительного характера.

— Товарищ Урибес советует не падать духом, — перевела Обручева. — Он говорит, что операция провалилась из-за недостатка сил, отсутствия взаимодействия и недисциплинированности анархистов, храбрых только в республиканском тылу.

— Пусть так, но ведь и у нас было много неудач. Скажите товарищу Урибесу, что меня беспокоит завтрашний день.

Прервав переводчицу, Урибес озабоченно спросил, как расцениваем свои действия мы сами.

— Люди действовали отлично. Даже те, кто впервые ходили в тыл врага. Например, Хуан. Стоило посмотреть, как он минировать, как ведет огонь! Из него получится прекрасный подрывник. Да и остальные проявили хорошую сноровку. Бойцы убедились, что мы способны проникать к важным объектам мятежников, бить противника на дорогах. Это, конечно, ценно. А вот техника меня тревожит...

— Что же произошло?

— Еще не разобрались.

— Надо разобраться! Не теряйте времени и, повторяю, не падайте духом. Мы вам верим. Мы надеемся, что подрывники еще покажут себя!

От товарища Урибеса мы вышли окрыленными. Признаться, я уже побаивался, что на минеров окончательно махнут рукой... А что касается этих несчастных мин, то они у меня будут работать как часы, черт их возьми!

...Доминго встретил нас на пороге новой своей квартиры, конфискованной у сбежавшего фалангиста.

Жена капитана пригласила всех к столу.

— Дождемся Хуана, — попросил я. — Он закроет машину и сейчас поднимется.

— Что сказал Урибес? — поинтересовался Доминго. Ответить я не успел. За окнами ударили выстрелы.

У подъезда, возле лакированного форда, мы увидели нашего Хуана. По асфальту вокруг него расплзлось темное густое пятно. Правая рука как бы защищала пробитое сердце...

Убийц уже преследовали. Мы тоже бросились вслед за бегущей толпой. Задержанные отбивались, кричали. Доминго выбил пистолет у одного из них, второго обезоружили подоспевшие бойцы.

В штабе ближайшей части выяснилось: оба налетчика принадлежат к анархистской колонне.

— Нам нужна была машина, а ваш шофер сопротивлялся...

Эти подонки даже не считали себя виноватыми!

Хуана похоронили на другой день. Близкие вложили его гроб в нишу каменной стены, и кладбищенский рабочий зацементировал отверстие.

— С тобой хотят поговорить, — шепнула Обручева.

— Я брат погибшего, Висенте, — крепко сжимая мою руку, представился юноша. — Возьмите меня к себе! Попытаюсь заменить Хуана...

МЕСТО НАЗНАЧЕНИЯ — ХАЕН

Со вчерашнего вечера в квартире капитана Доминго все поставлено вверх дном. Клубами поднимается пар над баками и корытом. Восемилетнему Антонио перепадают лишние шлепки. Шипят утюги.

— Святая мадонна! Зачем я родилась на свет?! — то и дело, слышатся страдальческие возгласы жены капитана.

В одиннадцатом часу дня все стихает. Синьора появляется из спальни в платье с черной кружевной мантильей. В ее высоко подобранных волосах переливается перламутром черепаховый гребень, в наманикюренных пальчиках покачивается пышный веер.

Рядом шествует непривычно чистенький Антонио.

Сам капитан Доминго облачен в выходной костюм. Его рубашка с ярким галстуком ослепляет своей белизной. Складки брюк острее лезвия навахи.

Сегодня бой быков — коррида.

Головорезы Франко стоят под самым Мадридом, захватив часть Университетского городка.

Под Теруэлем потеряны сотни солдат.

Но... сегодня — коррида!

В Потерне, на окраине города, на пустыре за особняком, где помещается наша школа, по ночам слышны выстрелы. Это расправляются со своими жертвами анархисты. Они заявляют, что расстреливают контрреволюционеров. На самом же деле анархисты убивают и ограбленных ими людей.

Но... сегодня — коррида!

Авиация противника все чаще бомбит Валенсию.

На улицах — голодные, измученные беженцы.

Кое-где туго с продовольствием.

Противник готовит наступление на южном фронте.

Но... сегодня — коррида!

Сегодня коррида, и капитан Доминго с семьей, Антонио с юной женой и братом, огненноволосый Рубио, малютка Пепе, даже неутешный брат Хуана — Висенте, сделавшийся постоянным шофером в нашей группе, — все спешат в центр, куда уже давно течет пестрая толпа валенсийцев: они не в силах отказаться от удовольствия посмотреть на любимых тореадоров.

Я, несмотря на все уговоры, остаюсь дома. Хватит С меня одной корриды. Больше не хочу быть свидетелем красиво обставленного убийства ни в чем не повинных животных.

Тореадору не повезло в тот раз. Он промедлил какую-то долю секунды, и разъяренный бык пропорол неудачнику бок.

Животное оказалось гуманнее своих мучителей. Роняя кровавую пену, бык остановился над изувеченным человеком и не стал добивать его...

Я не спеша иду по опустевшей улице к маленькому гаражу Висенте. Мы оборудовали гараж под минную лабораторию, где днем и ночью испытываем свою технику. В причинах своих неудач под Теруэлем уже разобрались. Запалы колесных замыкателей были сделаны, оказывается, двадцать лет назад. На учениях мы клали их под медленно движущиеся поезда. Контакт с нажимающим на них колесом был довольно длительный, и запалы срабатывали безотказно. Но при быстром движении поезда они не воспламенялись.

С большим трудом я достал новые запалы.

Неладно было и с ампульными минами, имевшими слишком большое замедление. Чтобы устранить этот недостаток, мы потратили много часов, подрезая капсулы-детонаторы.

И вот наконец третьего дня провели испытания новых колесных замыкателей и ампульных мин на железной дороге под Валенсией. Эффект превзошел ожидания.

Сделали мы за это время и электромины натяжного и нажимного действия с предохранителями, обеспечивающими безопасность установки. Предохранители выключались через десять — пятнадцать минут после установки мины. Это позволяло подрывникам уйти достаточно далеко.

Однако я не учел особенностей характера испанцев. Установка предохранителя оскорбляла их достоинство, и бойцы пренебрегали осторожностью.

Не стал тратить время на чтение проповедей, а придумал дополнительную систему, исключавшую возможность установки электродетонатора без включения предохранителя. Пусть подрывники думают и говорят что хотят, зато при минировании не произойдет несчастных случаев, а этого я и добиваюсь.

Бойцы обучены пользованию подрывной машинкой, а также умеют применять вместо нее обычную батарейку для карманного фонарика.

Знают они и приемы управления минами с упрощенным взрывателем.

Недавние неудачи под Теруэлем натолкнули нас на мысль создать межрельсовую мину. Она надежно взрывается в пяти-шести метрах впереди паровоза, и полтора-два килограмма взрывчатки обеспечивают надежное крушение поезда.

На практических занятиях удалось полностью «реабилитировать» мину с колесным замыкателем. Наши бойцы прозвали ее миной «рапида». И действительно, мину «рапида» можно установить меньше чем за минуту перед появлением поезда.

Да, Теруэль научил многому. Нет, как говорится, худа без добра.

По-прежнему беспокоит одно — исключительная беспечность некоторых подрывников в обращении со взрывчаткой. Динамит, взрывающийся от трения или сильного удара, им хоть в руки не давай.

Выкроив время, я успел за эти дни съездить в Картахену на военно-морскую базу. Передав Н. Г. Кузнецову записку от Берзина, заполучил у моряков пять глубинных бомб с тринитротолуолом.

Моряки — молодцы! Мятежникам никак не удастся заблокировать побережье республиканской Испании. Военные корабли республики самоотверженно несут патрульную службу. Несмотря на пиратские действия итальянского флота, они проводят в Картахену и другие порты многочисленные грузовые суда.

Картахена, основанная еще до нашей эры (в те времена она называлась Карфагеном), гордо хранит свою боевую славу.

Н. Г. Кузнецов посетовал, что мы разоружаем его: глубинные бомбы нужны для борьбы с подводными лодками. Но, узнав, что тол будет использован для действий в тылу врага, сам уладил с командованием необходимые формальности. Он просил только об одном: не забывать при вылазках в тыл мятежников об их аэродромах.

Бомбы я привез в Валенсию, и мы выплавили из них более двух тонн тола.

Занятие кропотливое, опасное, но необходимое. Теперь мы обеспечены взрывчаткой куда более надежной, чем динамит.

А позавчера я получил жалованье и купил несколько пар дешевых карманных часов. Теперь мастерю часовые замыкатели. Пока подрывники развлекаются на корриде, я, пожалуй, покончу и с этой работой.

Сильно все же подмочил нашу репутацию Теруэль... Группа Доминго все еще на положении пасынка. Командиру приходится беспокоиться и о продовольствии и о заготовке материальной части.

Ну что-ж, перебьемся! Я уверен, подрывники еще не сказали последнего слова. Обидно лишь, что мелочи и неурядицы тормозят подготовку людей.

После Нового года мне попались свежие советские газеты. Командиру звена истребителей Павлу Рычагову и некоторым другим добровольцам, отличившимся при выполнении особо важных заданий, присвоено звание Героя Советского Союза.

Я сообщил новость Доминго, Рубио и другим подрывникам. Они сердечно поздравляли нас, русских. Очень радовался и я за своих соотечественников. Но к чувству радости и гордости за друзей по оружию примешивалось чувство горечи из-за собственных неудач. Оно не оставляет меня до сих пор. Хорошо одно: в работе над самодельными ручными гранатами и инженерными минами быстро летит время...

Я вожусь в гараже Висенте до тех пор, пока он не появляется в дверях с категорическим приказом поспешить к ужину.

Я мою руки, а Висенте рассказывает о корриде.

Руки не отмываются. Металлическая пыль прочно въелась в кожу, ее ножом не соскоблишь. Синьора Доминго опять будет коситься на меня. Она наверняка считает, что я подаю плохой пример ее сыну.

Данные о приготовлениях противника на южном фронте подтвердились. Мятежники начали наступление. Группе Доминго приказано срочно отбыть на южный фронт.

Занятия с новичками будут вести шестеро «старичков». Все остальные собираются в дорогу. Берем с собой около тонны тола, полтонны динамита, все наши новые мины, колючки для прокола автомобильных шин. До отказа забиваем этим имуществом свой старый грузовичок и добытые правдами и неправдами пять легковых автомашин.

Машину с динамитом, как всегда, ведет малютка Пепе.

Моя переводчица глазами показывает мне на новую повариху группы — Розалину. Девушка у нас недавно. По профессии она портниха, но отлично освоила минную технику. Заметив, что бойцы питаются как попало, порой всухомятку, она принесла в жертву товарищам свою романтическую мечту и согласилась стряпать.

— С одним условием, Доминго! — заявила она. — Вы все-таки будете пускать меня на задания.

Сейчас Розалина усаживается в машину Рубио. Рядом с ней устраивается коренастый с плутовскими глазами андалузец Мигель.

Похоже, скоро у нас появится еще одна чета молодоженов.

Синьора Доминго машет нам вслед, высоко подняв строгое, сразу потемневшее лицо.

Наша колонна машин вырывается из Валенсии. Дорога лежит на юго-запад. Место назначения — Хаен.

Не знаю, сколько времени добирались бы мы до Альбасете — первого большого города на нашем маршруте, если бы не отличная асфальтовая дорога.

В Испании много хороших шоссе. Густота их раза в четыре превосходит густоту железнодорожных путей. Сейчас автомагистраль просто спасает нас: начались затяжные январские дожди; небо словно прогнулось под тяжестью туч; трава, прибитая ливнем, влипает в размокшие обочины. Темные безлюдные поля разбухли от влаги.

Как не похожа эта поездка на путешествие в Картахену! Тогда светило солнце, в Аликанте я даже купался, а здесь невольно запахи куртки и поглубже натягиваю берет. Там на ветвях и под деревьями пламенели цитрусы. Тут плоды лишь тускло светятся через темную от дождя листву, и, может быть, поэтому кажется, что их меньше. Да и безлюдные поля настраивают на печальный лад.

А может быть, все кругом кажется таким мрачным потому, что я нервничаю?

Хаен должен стать Тулоном подрывников! Если и здесь мы не оправдаем надежд командования, значит, и я, и все наши бойцы даром едим хлеб республики...

Вот и Альбасете. Здесь короткая остановка. Бойцы разминаются, осматривают машины. На улице я столкнулся лицом к лицу со старым знакомым — Я. Н. Смушкевичем. Мы не виделись больше года и, конечно, не предполагали, что встретимся не в Москве, не в Ленинграде, не в Белоруссии, не на одном из черноморских курортов, в конце концов, а за тысячи километров от родины, в небольшом, но теперь уже знаменитом городе Испании.

— Никуда я вас нынче не отпускаю! — решительно сказал Смушкевич.

— А как быть с подрывниками? Обычно нас ставят на довольствие те части, на чьем участке мы действуем...

— Устроим, — успокоил меня Смушкевич. — Думаю, испанское командование не откажет в маленькой просьбе своему авиационному советнику. Поехали ко мне!

Смушкевичу не отказали в его просьбе.

Мы разместили людей, пообедали, отправили отдыхать Луизу и Розалину и присели со Смушкевичем у высокого дотлевающего камина.

Вот так и воюем, — вздохнул он. — Мало, чертовски мало самолетов. Соколы наши дерутся сам знаешь как. Да мало их... А как у вас?

Я рассказал о теруэльских переживаниях, о своих планах, а потом признался, что трудно в нашем деле работать с переводчицей.

— Слушай. У нас тут пополняется интербригада. Среди ребят много поляков и чехов. Наверняка кто-нибудь знает испанский, а? Сегодня же выясним это дело и найдем добровольцев для команды подрывников.

Узнав, что для работы в тылу противника нужны люди, знающие русский, первыми явились к нам два югослава — Ивац Хариш и Иван Карбованц.

Иван Хариш был приземист и плотен, Иван Карбованц — худощав и высок.

Товарищи по интербригаде в шутку называли друзей Патом и Паташоном.

Впоследствии в отряде капитана Доминго Харишу и Карбованцу дали прозвища Хуан Пекеньо (маленький) и Хуан Гранде (большой).

Оба приятеля — в прошлом моряки. Оба знали английский, французский, испанский и русский, а Иван Гранде вдобавок владел еще и итальянским.

Следом за югославами к нам пришел красивый насмешливый чех Ян Тихий. Затем появились американский еврей Алекс, болгары Павел и Василин. А потом мы просто растерялись: от интербригадовцев, желавших бить врага в его тылу, буквально не стало отбоя. Немцы, австрийцы, французы, финны, итальянцы, венгры — все шли к нам.

— Надо брать! — лихорадочно нашептывал мне капитан Доминго, поблескивая возбужденно горящими глазами. — Посмотри, какой народ! Где еще найдешь таких ребят? Да и когда нам дадут пополнение?!

Мне тоже не хотелось отказываться от этого подарка судьбы. Переговорив в штабе с товарищами, занимавшимися комплектованием интербригад, я получил в Альбасете не двух переводчиков, а более двадцати отличных бойцов.

ПОД ГРАНАДОЙ

Хаен прилепился к подножию горы и, казалось, утопал в зелени. Но первое впечатление оказалось обманчивым. Сады и рощи лишь окружали город. Уже на окраинах нас встретил суровый камень. В узких ущельях средневековых улочек ни кустика, ни травинки. Только кое-где в центре робко зеленела трава на скверах, и там же стройными рядами высились вечнозеленые деревья, за которыми заботливо ухаживали люди.

Странен был этот окаменевший город, имевший почти шестидесятитысячное население. С исступлением монаха-фанатика он отталкивал протянутые к нему нежные ветви апельсиновых и мандариновых садов, упорно не желал слушать волнующий шелест оливков.

Но жители Хаена отнюдь не напоминали монахов. Линия фронта проходила всего в двадцати пяти — тридцати километрах, а они шумно наслаждались всеми доступными благами жизни. Думаю, что чудесная испанская музыка проникала ио вечерам даже за высокие стены огромного женского монастыря...

В Хаене мы с Доминго сразу направились в провинциальный комитет Испанской коммунистической партии, секретарем которого был член ЦК КПИ товарищ Немесио Пасуэло. Он тепло встретил нас, познакомил с находившимся тут же другим секретарем — товарищем Кривоставом Валенсуэла.

Быстро были решены все вопросы, связанные с прибытием группы минеров: размещение, связь с командирами частей, материальное обеспечение.

Через несколько дней товарищ Пасуэло устроил ужин, на котором присутствовали почти все местные партийные работники, наш советник на южном фронте Кольман со своими переводчиками, Доминго, Висенте, я и Обручева. Здесь я впервые увиделся с членами провинциального комитета Хосе Арока и Мартинесом. Последний стал непосредственно заниматься всеми нуждами нашего специального подразделения.

Много узнали мы о большой работе, проделанной коммунистами провинции. В первые дни мятежа комитет КПИ во главе с Пасуэло ушел сражаться против мятежников. В Хаене остался лишь один член комитета — инвалид Мартинес. На него обрушилась груда дел, и отчасти вследствие этого он не смог противодействовать некоторым перегибам в сельском хозяйстве. Только когда вернулись с фронта остальные члены провинциального комитета КПИ,

здесь по-настоящему, хотя и явочным порядком, была проведена земельная реформа в интересах сельской бедноты.

Узнали мы и о героической борьбе шахтеров и металлургов Хаенской провинции. Позже эти металлурги из Линареса и Убеды по заданию провинциального комитета партии отливали корпуса для ручных мин, которые мы снаряжали самодельными взрывчатыми веществами в самодельными взрывателями.

Товарищи из провинциального комитета КПИ приготовили для нас помещение как раз возле женской обители. Глядя на монастырь, широко раскинувшийся почти в самом центре города, Висенте рассудительно заметил:

— Такое соседство нам не помешает. Фашистская авиация не будет сбрасывать сюда бомбы!

Но он ошибся. При первом же налете бомба угодила в соседний с нами дом...

В тот же, кажется, день мы получили очень важную для нас информацию о существовании в тылу франкистов на территории провинций Кордова и Гранада нескольких партизанских отрядов.

Большой партизанский отряд обосновался, как нам сказали, в районе шахт Минас де Рио-Тинто. Его бойцы изо дня в день совершали дерзкие налеты на противника. Однако постоянной связи ни с этим отрядом, ни с другими не имелось. Организованного подполья в тылу мятежников создать здесь не успели. Население некоторых городов и деревень полностью ушло на территорию республики.

И все же мы верили, что наши подразделения смогут действовать успешно.

В самом деле, сплошного фронта нет. В горах — масса естественных укрытий, где маленькие группы минеров легко могут скрываться днем. Больше того, многие важные для противника пути сообщения находятся так близко от передовых его позиций, что вылазки можно спокойно совершать в течение ночи.

Об этом я и сказал военному советнику Кольману, у которого побывал в первый же день приезда в Хаен. Прекрасный товарищ, спокойный и рассудительный, как почти все латыши, Кольман полностью согласился со мной.

— Группе Доминго предстоит действовать в районах Гранады, Кордовы и Пеньярроя, — склонившись над картой и обводя карандашом называемые пункты, говорил он. — Командование фронта требует, чтобы вы лишили противника возможности планомерно подвозить резервы. Нужно также отвлечь как можно больше фашистских частей на охрану путей сообщения. Одновременно подрывникам поручается ведение разведки и захват «языков». Сможете?

— Нашим легче подорвать несколько автомашин или пустить под откос воинский эшелон, чем захватить «языка».

— А организовать взрывы на складах и аэродромах?

— Это сможем! — горячо воскликнул Доминго.

— Тогда уточним, чем вы располагаете и что надо предпринять в первую очередь...

Военный советник отбросил карандаш, сел и стильно потер высокий с залысынами лоб:

— Признаться, устаю, — виновато улыбнулся он. — Очень много забот и

хлопот.

Однажды, придя на занятия, я обнаружил, что среди слушателей нет Хуана Гранде.

Хуан уже несколько дней ворчал, что ошибся, прогадал, поехав с подрывниками. «Я думал — зовут воевать, а тут детскими игрушками занимаются. Да еще в переводчики сватают... Я солдат, а не переводчик!»

Хуан грозил, что пешком уйдет обратно в Альбасете, в интербригаду. Неужели он исполнил угрозу?

— Пешком не пешком, а ушел, — подтвердил мою догадку кто-то из бойцов. — Сложил мешок и отправился на станцию...

Тут уже было не до занятий.

В этот момент ко мне явился расстроенный Ян Тихий. Не собирается ли и он уходить?

— В чем дело? Вам тоже надоело в Хаене?

Не обижайтесь, Рудольф, я хочу серьезно поговорить с вами...

— Говорите. Слушаю.

— Вы должны понять... Вы увлекаетесь техникой, тактикой, наспиговываете нас знаниями, и это хорошо. А вот о душе человеческой забываете. Поймите, мы приехали в Испанию бить фашистов, а в тыл мятежников посылают только ваших старых бойцов. Нас все учат и учат! Нам обидно...

— У старых уже есть опыт.

— Опыт лучше всего приобретать в бою, честное слово!.. Вот Хуан и не выдержал. Он горячий парень.

— Я хочу подготовить вас... Как вы думаете, Хуан уже удрал?

— Вряд ли. Поездов с утра не было.

— Едемте на станцию.

— Хуана теперь не уговоришь!

И все же попробуем!

Висенте быстро довез нас до вокзальчика. В станционном помещении сидел хмурый Хуан Гранде.

— Еду в Альбасете! — задиристо бросил он вместо приветствия.

— Слышали. Ваши друзья завтра пойдут на боевое задание, а вы уедете?.. Я так на вас надеялся. Думал, пойдем вместе.

Высоченный Хуан Гранде обвел нас растерянным взглядом:

— Это правда?

— Да. Тебе не кажется, что товарищи подумают, будто ты струсил?

Хуан не знал, куда девать свои большие руки. Потом подозрительно уставился на меня.

— Надевай свой мешок, Пат, — сказал Ян Тихий. — Надевай мешок и пошли к машине. Хватит. Напредставлялся. Тут не кино.

— Иди ты к черту! — рывкнул Хуан Гранде. — Ладно уж... Я готов. Если завтра пойдем воевать, то, конечно, я остаюсь...

Время, проведенное в Хаене, не пропало даром. Теперь мы располагали внушительной, по сравнению с Теруэльской операцией, силой и могли действовать в составе многих групп. Доминго доложил командованию фронта, что бойцы готовы к боевой работе.

Перед подрывниками сразу поставили несколько задач.

Подрывники направлялись и под Кордову, и под Гранаду, и в район севернее Кордовы. Предстояло взрывать железнодорожные и шоссейные мосты, организовывать крушения воинских эшелонов, подрывать вражеские автомашины, выводить из строя самолеты на аэродромах и промышленные предприятия, работающие на фалангистов.

Отдельным группам поручалось нащупать в тылу противника людей, сочувственно относящихся к республике и готовых помочь в уничтожении важных военных объектов.

Хуана Гранде я, как обещал, взял с собой под Гранаду. Капитан Доминго ехал на север, к знаменитому Гвадалквивиру, на берегу которого стоит Кордова.

Позиции республиканских войск с севера подходили к Гранаде на семь-девять километров... Они охватывали город полукольцом. В распоряжении мятежников в то время была одна железная дорога, связывающая гарнизон Гранады с Севильей, Кадиксом и другими крупными центрами, занятыми фашистами на юге Испании. В их руках находилась также автомагистраль, идущая на запад.

По указанию командования специальные подразделения должны были в одну из ближайших ночей взорвать мост на железной дороге примерно в десяти километрах северо-западнее Гранады и лишить военную промышленность города электроэнергии.

Мы прибыли к месту назначения в середине дня. Машины пришлось оставить в нескольких километрах. И вовсе не потому, что опасались налета или артобстрела. Из-за долгих дождей стали совершенно непроезжими немощные дороги.

Взрывчатку мы пока не выгружали из автомобилей. Возле них дежурила надежная охрана, а остальных бойцов я повел на КП батальона, оборонявшего указанный нам участок. Увязая в грязи, мы наконец отыскали этот КП в четырех километрах от шоссе.

Командир батальона — тучный сорокапятилетний человек, в прошлом моряк, — знал о приезде подрывников и ждал нас. Его не смутили осторожные намеки на то, что у нас туго с продовольствием.

— И накормлю, и обогрею! Вот виллы для отдыха не подготовил... Заночуете без каминов и без матрацев! — пошутил он и, в упор посмотрев на Хуана Гранде, спросил: — Моряк?

Комбат бурно радовался, что угадал профессию Хуана. Они хлопали друг друга по плечу, без околичностей перешли на «ты», пустились вспоминать знакомые корабли, порты, каких-то неведомых владельцев таверн и кабаков от Лондона до Лимы. И я понял: тут мы не пропадем. Моряк моряка не подведет, расшибется в лепешку, а сделает, что нужно!

Так впоследствии и получилось. Командир батальона обеспечил нас продовольствием, подобрал отличных проводников и даже выделил бойцов для участия в вылазках группы.

Правда, поначалу он нас и огорчил: оказалось, что батальон не ведет поисков.

— Почему, командир?

Моряк пожал плечами:

— Но ай орден!

Это проклятое «нет приказа» мы слышали в Испании не в первый раз.

Разведку противника придется вести, как и под Торуэлем, самостоятельно, и мы смирились с этим.

Вечером командир батальона провел меня и еще нескольких подрывников в переднюю линию окопов. Окопы отрыты неважно, крутости, где грунт был неустойчив, не укреплены и во многих местах оползали, обваливались. Под сапогами хлюпала вода. Мы вылезли из хода сообщения и пошли верхом. Небо было непроницаемо черным, зато внизу, в котловине, сияли бриллиантовой россыпью сотни ярких созвездий.

Командир батальона остановился, кивнул в сторону светящихся точек и, подтягивая поясной ремень, сказал:

— Гранада... Держатся, сволочи!..

С наступлением следующей ночи наша группа, нагрузившись взрывчаткой, тихо миновала боевое охранение батальона.

Антонио ушел еще засветло.

Командир батальона проводил подрывников до передовых постов, взволнованно пожелал удачи.

Темнота. Тишина. На обувь с каждым шагом налипает все больше грязи. Под ногами канавы, какие-то борозды, камни. А впереди, внизу под нами, все та же сияющая огнями Гранада.

Гранада! Ни один город Испании не воспет русскими поэтами с такой любовью, как ты! Бессмертный Пушкин грезил твоими красавицами. В наши дни замечательные стихи посвятил тебе Михаил Светлов. Для русского человека Гранада стала символом страстной любви и великого мужества...

Люди устали. Надо передохнуть. Прошу Яна Тихого еще раз напомнить бойцам, что делать в случае нападения противника во время работы на мосту. Вероятная опасность нам угрожает со стороны автомобильной дороги. В десяти километрах от моста сильный гарнизон мятежников, оттуда может быстро подоспеть подкрепление. Действовать надо быстро и абсолютно бесшумно...

Никем не замеченные, мы достигли моста через реку Хениль.

Разведчики донесли: мост не охраняется.

Вечерний пассажирский поезд из Гранады уже прошел. Следующий ожидался утром. Это нас устраивало: исключалась возможность его крушения на минах. Кольман предупреждал: подрывать пассажирские поезда нельзя...

В десять тридцать подрывники проникли на мост. Несколько человек с Хуаном Гранде устремились к нижним поясам фермы, другие стали привязывать заряды тола на верхний пояс. Санчес с группой бойцов ушел устанавливать мины под рельсы.

Работаем молча: разговоры запрещены. Один заряд, второй, третий... Ну вот, еще один, и все!

И тут тишину прорезал выстрел со стороны шоссе. Мгновение — и еще один винтовочный выстрел. К небу взвилась ракета. Белесый свет залил железнодорожную насыпь, мост, и я увидел, как бегут, бросая заряды взрывчатки, бойцы Хуана Гранде.

Ракета погасла. Тьма сразу сгустилась. Надо взрывать мост! Но поздно. Нас

осветила вторая ракета. Невидимые стрелки открыли сильный ружейный огонь. Подрывники бросились за насыпь — там их не достанут пули.

Мост опустел, а минирование не окончено. Хорошо, что в зарядах тол, а не динамит: случайная пуля могла бы отправить всех нас на тот свет.

Висенте воспламеняет зажигательные трубки. Вдвоем вставляем их в заряды и лишь после этого тоже отползаем за насыпь. Там уже все подразделение. Фельдшер перевязывает троих раненых.

Противник продолжает освещать местность ракетами и изредка стреляет по мосту. Надо уходить подальше! Мы должны пересечь шоссе раньше, чем мятежники получат подкрепление. Быстро отбегаем вдоль насыпи, рывком перескакиваем через железнодорожное полотно, а спустя еще три минуты пересекаем и автомобильную дорогу.

Надо заставить врага отказаться от преследования, отвлечь его от нашей группы!

Оставляем по пути гранаты замедленного действия.

На мосту взметывается яркое пламя, воздух потрясает сильный взрыв. Мост, к сожалению, получил незначительные повреждения. Он даже не провис. Но взрыв приободрил бойцов — не даром ходили!

Фашисты, преследовавшие нас на машинах, как видно, достигли моста. Шум моторов оборвался, и через две-три минуты с насыпи бешено заработали станковые пулеметы.

Бойцы, как один, скатились в канаву. Я махнул рукой в северном направлении:

— Ползите туда!

Переводя дыхание, успел оглянуться. По полю и по дороге, стреляя в нашу сторону, бежали солдаты мятежников. Из-за насыпи показалась новая цепь фашистов. Откуда только они брались?..

Метрах в двухстах от канавы мы опять поставили гранаты замедленного действия и стали отходить к одиночному домику с садом.

В это время взорвались гранаты, брошенные еще в кустах у самой дороги. Огонь противника в нашу сторону ослабел.

Мы обрадовались, но преждевременно. До сих пор нас скрывали от света ракет оливковые деревья, а теперь предстояло пересечь голое поле...

В саду у пустого домика установили две мины и еще пять гранат замедленного действия. Выбрались в поле. То ли оно было покрыто стерней, то ли земля здесь была каменистой, но идти стало легче.

А в садике уже загрохотали взрывы гранат, началась пальба. Фашисты, видимо, окружали дом.

— Не отвечать на огонь!..

Вскоре противник потерял нас.

Я решил проверить, все ли отошли. Выяснилось, что нет Яна Тихого и жёна Розалины — Мигеля. На поиски отставших отправился Рубио.

Ожидать его пришлось недолго. В темноте замелькали, как светлячки, привязанные к одежде гнилушки. Рубио и Тихий принесли Мигеля на руках. К раненому бросился фельдшер, но Мигель уже не нуждался в услугах медицины.

Огни Гранады, служившие нам ориентиром, внезапно пропали. Город словно провалился сквозь землю. До нас докатился глухой звук взрыва. Это сработала группа Антонио!..

Подоспели бойцы из батальона, недавно провожавшие нас. Они бережно приняли отяжелевшее тело Мигеля. Комбат сунул мне в руки флягу с вином.

— Мы думали, вам не выбратся!

Антонио вернулся через час. Его группа не понесла потерь.

Прикладываясь к неиссякаемой фляге командира батальона, сияющий Антонио возбужденно рассказывал, как удалось потушить свет в Гранаде.

Сквозь позиции противника подрывники просочились незаметно. К электростанции вышли точно в назначенное время. Оба здания станции — верхнее, у плотины, и нижнее, у окончания водонапорных труб, — были ярко освещены.

Неподалеку темнели силуэты вооруженных людей. Но возле водонапорных труб охраны не было.

Взяв с собою Педро и распорядившись, чтобы остальные бойцы в случае необходимости прикрыли их огнем, Антонио пополз к водонапорным трубам.

Заминировав обе трубы и подложив к каждой пятикилограммовые заряды тола, Антонио и Педро поползли к своим: зажигательные трубки должны были взорвать заряды через пять-шесть минут.

Два взрыва грохнули почти одновременно. Свет в Гранаде погас. Преследования не было.

— Вот за вас мы волновались здорово, — закончил Антонио. — Слышали — возле моста разыгралось целое сражение... Что там произошло?

— Нас обнаружили. Мигель убит. Трое ранены.

— Мигель?..

Антонио не донес до рта поднятую было флягу.

В нашем домике в Хаене все дышало тишиной и покоем. Обрадованная Анна Обручева громко позвала:

— Роза! Роза!.. Они вернулись!

— Подожди! — попытался я остановить переводчицу. Но сияющая Роза уже стояла в дверях.

— Салуд, Рудольф! Как вы быстро! Я даже не успела дошить Мигелито его рубашку!

Посмотрев на меня, Роза все поняла без слов. Скомкав недошитую рубашку, она спрятала в ней залитое слезами лицо.

ПРИЗНАНЫ!

Вновь читаю газеты тех далеких тревожных дней. Газеты героической и трагичной весны 1937 года.

Перед глазами знакомые имена, знакомые названия городов и рек.

«Восьмого февраля правительственные войска обстреляли мост Алколеа на Гвадалквивире, в пятнадцати километрах от Кордовы. Города Монторо и Лопера осаждены бойцами республиканских частей...»

«Восьмого февраля превосходящим силам фашистских мятежников удалось занять Малагу...»

«Двадцатого февраля в Валенсии в кино «Олимпия» выступила пламенная Долорес Ибаррури с призывом об укреплении тыла и чистке его от бездельников и пособников врагов...»

«Двадцать первого февраля правительство республики Испании объявило мобилизацию мужчин в возрасте от 23 до 27 лет. В ряды армии вольется около 150 000 человек...»

«Двадцать пятого февраля авиация фашистских интервентов подвергла зверской бомбежке город Андухар. Среди мирного населения имеется много убитых и раненых...» «Как сообщает корреспондент агентства «Гавас», итальянские войска в Абиссинии применили газы...»

А вот и сообщения особенно памятного мне марта:

«Одиннадцатого марта республиканские бойцы на южном фронте взорвали железнодорожные мосты в Альколеа и Лас Педрочес, парализовав движение воинских эшелонов противника...» «Двадцатого марта республиканские войска успешно отразили атаки противника под Пособланко...» «Разгром мятежников и интервентов под Гвадалахарой. Замечательная победа республиканских войск! Большое количество пленных и трофеев...» «Двадцать пятого марта республиканскими бойцами взорван поезд с боеприпасами под Монторо. Уничтожены мосты под Бельмес и Эспизель...»

Я сижу над пожелтевшими газетными листами, но вижу не заголовки статей и не строки информационных сообщений.

Из дальней дали возникает передо мной залитая весенним солнцем дорога из Хаена через Андухар к монастырю ла Вирхен де ла Кабеса[13] на командный пункт батальона. Висенте разгоняет машину, мы проносимся мимо «святого места» на четвертой скорости. С монастырских стен гремят запоздалые выстрелы.

Я вижу точно слившиеся в единое целое старинные здания маленького городка Андухар. Вижу комнату с камином, где нас принимает командующий южным фронтом полковник Перес Салас. Он высок, подтянут, по-старомодному, галантен. В прошлом это кадровый офицер испанской армии. Один из тех немногих офицеров, которые сохранили верность республике. И теперь Перес Салас облечен большими полномочиями.

Вежливо склонив сидящую голову, полковник слушает Обручеву, переводящую мою речь. Он очень приветлив с переводчицей (она — дама, а он — испанец!) и весьма сух со мной.

Ну что ж? Если бы дело, о котором шла речь, было личным, я не стал бы доказывать этому самоуверенному человеку, что небольшая группа подрывников может спокойно пустить под откос эшелон с батальоном пехоты или тан-

ками противника.

Полковник курит, явно нервничает.

Уже в самом начале беседы Перес Салас позаботился, чтобы у меня не осталось никаких сомнений в его отрицательном отношении к военным советникам и добровольцам, из каких бы стран они ни прибыли. Он, командующий южным фронтом, считает, что республике нужны не добровольцы и не советники. Нужно только оружие. Будь оружие и техника, республиканская армия одержала бы победу над Франко без помощи добровольцев.

Все это было высказано весьма категорично и без обиняков. Но я преднамеренно оставил суждения полковника без внимания и вот доказываю ему то, что, кажется, совсем не нуждается в доказательствах.

Дождавшись, пока я умолкну, полковник любезно спрашивает у Обручевой:

— Простите, вы тоже русская?

Я уже достаточно долго нахожусь в Испании, чтобы понять этот вопрос без перевода.

— Да, русская, — с достоинством отвечает Анна.

— Святая Мария! — Полковник в напускном отчаянии разводит руками. — Я непроходимый невежда! Думал, что в России нет ничего, кроме белых медведей, бородатых большевиков и добровольцев! А там, оказывается, живут очаровательные девушки!

— Я тоже доброволец, — зардевшись, говорит Обручева.

Перес Салас смотрит на нее с грустью:

— Молодость везде ищет романтику! Необдуманные порывы, горячие сердца! А Испания в романах так колоритна...

— Ошибаетесь, полковник. Мне приятен ваш комплимент, но, увы, я не так уж молода, как кажется. У меня есть дочурка. Ей восемь лет.

— И вы поехали на войну, оставив дочь?! У вас жены сопровождают мужей и в походах?

— Вы снова ошиблись, полковник. Я только переводчица.

Салас молчит. То, что он услышал, не вяжется с его представлениями о мире и людях.

Нам подают кофе. Полковник начинает расспрашивать о Советском Союзе. Пользуясь случаем, я опять завожу речь о своем.

Ссылаюсь на опыт под Теруэлем. Стараюсь объяснить, что разрушение линий связи, налеты на мосты менее целесообразны, чем крушения воинских эшелонов:

— Мне известно, что командование рассчитывает использовать подрывников в основном для налетов на мосты, станции, вражеские склады боеприпасов и аэродромы. Конечно, если прикажут, мы будем выполнять все это. Но потери в людях окажутся значительными, а эффективность таких действий сомнительна. Во всяком случае, это совсем не то, что уничтожать технику и солдат противника во время транспортировки. Устраивая крушения воинских поездов с помощью мин, действуешь наверняка...

Перес Салас решительно отстраняет чашечку с кофе:

— Производить крушения на участках, где есть пассажирское движение, я категорически запрещаю. Возможны ошибки, и тогда общественное мнение обернется против нас. Фашистская пропаганда не упустит случая изобразить

партизанские действия как бандитизм.

— О каком общественном мнении вы говорите, полковник? Неужели найдется в мире хоть один порядочный человек, который посмеет в чем-нибудь упрекнуть республику? Надеюсь, вы не забыли, что фашистская сволочь уничтожила тысячи мирных жителей Мадрида и других городов?!

— Мы не фашисты! Мы не имеем права подвергать риску мирное население!

— Простите, но мне не ясно, о ком вы печетесь? Все мирные жители ушли из прифронтовой полосы на территорию республики. Кто сейчас ездит в пассажирских поездах? Я убежден, что мятежники используют железнодорожный транспорт в прифронтовой полосе отнюдь не для того, чтобы вывозить мирных людей на пикники.

— Тем не менее...

— Когда авиация бомбит склады, станции, даже эшелоны противника, это тоже сопряжено с опасностью для населения. В конце концов, идет война!

— Одно дело — авиация, другое — подрывники... Короче говоря, я категорически запрещаю организовывать крушения на участках, где есть пассажирское движение. Ваши мины не отличают поезда с мирными жителями от воинских эшелонов. Пусть подрывники лучше взрывают мосты, станции и обстреливают воинские эшелоны...

Доминго только усмехнулся, узнав о результатах беседы с командующим.

— Посмотрим! — загадочно говорит он. — Действовать предстоит в тылу врага. А там другие законы...

После сцены встречи с полковником Пересом Саласом я вижу другую картину.

Вновь залитая солнцем дорога. Мы еще пробиваемся на своем «мерседесе» через встречный поток беженцев. Противник наступает на Пособланко, и жители бегут от фашистских извергов. Скрипя, ползут высококолесные, похожие на арбы повозки. В них — плачущие, растрепанные дети и измученные женщины. Мулы тревожно прядают ушами, глаза этих кротких животных налиты испугом. Похоже, даже животные в Испании стали понимать, какие опасности таит в себе хорошая погода.

Потемневший от гнева Висенте привез нас в Андухар. Городок, затянутый тонкой пеленой кирпичной пыли, неузнаваем. Дома, где мы разговаривали с полковником Пересом Саласом, больше не существует... Только что закончился налет. Отчаянно кричат женщины, разыскивая детей. Одна из них стоит на коленях посреди улицы и шлет проклятия небу.

Мы сгружаем динамит и отдаем машины для перевозки раненых.

Около полуразрушенного дома небольшая группа людей орудует ломami, самодельными вагами и лопатами. Ею командует секретарь Андухарского комитета партии Хименес. Из-под развалин доносится плач ребенка, слышны стоны.

— Хватит! — кричит Хименес и лезет в образовавшееся отверстие. Проходит несколько томительных минут. Хименес подает в щель между камнями рыдающего мальчика трех-четырёх лет.

Ребенка спасли, а мать была уже мертва...

Пепе находит нас только час спустя. Он перевез в госпиталь восемь тяжело раненных детей и женщин. Двое детей скончались в дороге.

— Я еще посчитаюсь с Франко! — кричит Пепе, и мне понятно: он кричит потому, что боится заплакать. — Я еще сведу счеты с его грязными свиньями! Я заставлю убийц жрать собственный навоз!..

И все же во время следующей встречи полковник Перес Салас подтверждает свое запрещение.

Вражеские батальоны, танки, орудия будут спокойно следовать к линии фронта, чтобы потом уничтожить республиканских бойцов и мирных жителей...

Картины прошлого сменяют одна другую.

...Вечер. Багровый закат. Четкие ветви олив на закате. Рубио, насвистывая, запрессовывает динамит в консервную банку. Рядом еще целая куча пустых банок. Все они превратятся в гранаты.

— Слушай, Доминго. Пепе не говорил тебе о нашей идее? — спрашивает Рубио командира.

— Что за идея?

— Хотим прогуляться по тылам врага. Перейдем линию фронта, захватим парочку фашистских машин и махнем! Там можно кое-что сделать...

Рубио прав. Там действительно можно кое-что сделать: наставить мин на автомобильных и железных дорогах, разрушить мосты.

— Подумаем, Рубио!..

...Раннее утро. Нежно пахнет землей и зеленью. В дверь энергично стучат. Это наверняка капитан Доминго. Так и есть! Небритый и веселый, он стоит на пороге, сверкая улыбкой.

— Салуд! Наша группа вывела из строя линию высоковольтной передачи под Кордовой! Кстати, мы облюбовали там отличное местечко для скрытой партизанской базы. Съездим посмотрим?

— Ты хоть присядь!.. Далеко это место?

— Не очень. Всего несколько километров к западу от Адамуса. В общем, совсем близко... за линией фронта. В бинокли оттуда видно фашистскую электростанций. Давай организуем еще одну базу с мастерской в Вильянуэва де Кордова!

— Слушай, Доминго, зачем ты привез жену и сына?

— Она сама приехала, черт побери! А вот сын солдата должен с детства привыкать к нашей жизни... Итак, мы едем в Вильянуэва?

— Обязательно...

Картины прошлого! Сколько их! Вот передо мной испанские и итальянские фашистские газеты за февраль 1937 года. Не одна полоса обведена в них траурной каймой.

И все это о том самом?

Да, все о том.

Весной 1937 года республиканские подрывники совершили на южном фронте немало вылазок в тыл врага, начавшего наступление. Им удалось даже создать на территории мятежников несколько скрытых баз, наподобие базы западнее Адамуса, о которой только что упоминалось. Дороги и военные объекты противника находились довольно далеко от линии фронта. Подрывникам приходилось затрачивать много времени на подход к ним и нередко проводить там по двое-трое суток. Тщательно замаскированные базы в самом

тылу врага позволяли нашим людям не только укрываться в дневное время, но и выполнять сразу несколько операций, не возвращаясь каждый раз через линию фронта.

Базу под Адамусом мы организовали в помещениях заброшенного маслодельного и сыроваренного завода, окруженного густыми оливковыми рощами. Наличие этой базы позволяло небольшим группам за одну ночь добираться до железных дорог Пеньярроя — Кордова или Монторо — Кордова, минировать их и бесследно исчезать от преследователей.

Жителей поблизости от завода не было: все крестьяне ушли на территорию республики. Обстановку в тылу врага хорошо знал смелый командир пехотной роты коммунист Франциско. Он не раз совершал опасные вылазки за линию фронта. Он-то и подсказал капитану Доминго, где лучше всего обосноваться.

Из небольшой, но густой рощи, окружавшей заброшенный заводик, мы отлично видели шоссе, ведущее от Кордовы к расположенной в трех километрах от нас гидроэлектростанции.

По шоссе внизу спокойно проходили автомашины противника. На плотине разгуливали военные, и никто из них даже не подозревал о близком соседстве с нами. А мы наблюдали...

Конечно, существовала опасность обнаружения. Но мы были очень осторожны. Надежное боевое охранение стерегло все возможные подходы к заводу. На самых опасных тропах, ведущих к базе, были установлены управляемые фугасы-каменеметы, которые на ночь усиливались автоматическими минами. Движение по территории базы свели к минимуму: заводик выглядел безлюдным...

Именно с этого заброшенного заводика выходили группы, пустившие под откос восточнее Монторо состав с боеприпасами, взорвавшие поезд в туннеле на участке Пеньярроя — Кордова, а затем несколько мостов в том же районе...

Туннель был выведен из строя с помощью подхватываемой мины, испытанной еще под Киевом в 1932 году. Паровоз, ведущий эшелон с боеприпасами, схватил мину, втащил в туннель, и именно там, как мы и рассчитывали, она взорвалась.

Путь оказался сильно поврежденным, а туннель — завален. Противнику понадобилось почти пять суток, чтобы восстановить здесь движение. А фашисты, наступавшие на Пособланко, очень нуждались в этой дороге. По ней подтягивались сюда резервы живой силы.

Катастрофа явилась тем более неожиданной, что после нашей первой попытки взорвать туннель мятежники поставили на его охрану почти целый батальон. Могли ли они предполагать, что роковую мину втащит сюда их же паровоз?!

Не могу не сказать, что полковник Перес Салас, приказавший разрушить туннель, щедро предложил капитану Доминго роту бойцов и тонну динамита. А в действительности для этого понадобилось только девять подрывников и всего пятьдесят килограммов взрывчатки!

— Командующий фронтом хорошо знает наставления, но совершенно незнаком с партизанской техникой, — говорил потом Доминго. — Иначе бы он не раскошелился. А вот мы-то найдем, как распорядиться тонной динамита.

— Не пробовал ли ты говорить с полковником об устройстве крушения поездов? — не утерпел я.

— Будь я проклят, если еще раз стану объяснять этой глухой стене, этому монархисту, что нужно взрывать вражеские поезда! С большим успехом я мог бы растолковать это своей лошади!

— Ну положим, Перес Салас не монархист...

— Все равно!.. Как это у вас говорится по-русски... Попутчик? Да, да! Он попутчик! И, помяни мое слово, — ненадежный[14].

Доминго раскипятился так, что останавливать его я считал бесполезным. Но капитан явно перегибал палку. После взрыва в туннеле Перес Салас стал относиться к подрывникам лучше, хотя по-прежнему все еще запрещал организовывать крушения поездов там, где продолжается пассажирское движение.

Что ж, приказ есть приказ! Но однажды минеры все же нарушили его...

В лунную ночь тремя группами покинули мы базу под Адамусом и направились к железнодорожному узлу Кордова. В нескольких километрах от города, вдали от дорог, одна из этих групп натолкнулась на покинутое кортихо — сложенный из камней пастушеский домик с невысокой глиняной оградой. Под утро прошел сильный дождь, бойцы промокли, устали и решили передохнуть. На посту остался испанец Маркес. Возле двери, не выпуская из рук карабина, растянулся Хуан Гранде. На лавке под окном пристроился Рубио. Остальные улеглись на пол. Сон мгновенно сморил людей. Бодрствовали только Антонио, нянчившийся со своим неразлучным маузером, да два новичка — итальянцы Альдо и Эмилио из батальона имени Гарибальди, тихонько переговаривавшиеся о чем-то.

Задремал и я, но вскоре меня разбудили.

— К кортихо идет пастух. Гонит коз и овец, — склонившись ко мне, прошептал командир группы Маркес.

Притаившись за окном, мы стали следить за хозяином кортихо.

Пастух был, видимо, смелый человек. Он заметил наши следы и все же неторопливо продолжал свой путь.

Знакомство состоялось быстро. Мы открылись старику и попросили его рассказать, что он знает о фашистах Кордовы.

Пастух уселся на пороге, как садятся у нас в Твери или Рязани, сунул в угол посох.

— Много их в Кордове, не спеша начал он. — Очень много... И все едут, окаянные. Все едут... Продвиньтесь километра полтора на восток, там шоссе. Сами убедитесь, что говорю правду... Большая у них сила: что людей, что машин — хоть отбавляй. Тут неподалеку и аэродром устроили... А вот вас мало, сынки. Поверьте старому Мануелю — мало. Не справитесь с итальянцами, что хозяйничают на аэродроме...

— Кажется, подвернулся случай «послать привет» Муссолини, — возбужденно сказал Альдо своему другу Эмилио.

Сидевший на пороге Мануель растерянно посмотрел на говорившего:

— Итальянец... Простите, синьоры... Я стар...

— Наши итальянцы не из тех, что сидят в Кордове, — поспешил успокоить пастуха Рубио. — Они гарибальдийцы, а значит, друзья народа и враги Франко!

Старик поднялся, с трудом распрямив спину, и протянул Альдо и Эмилио свои большие, темные от загара руки:

— Счастлив приветствовать в своем доме честных итальянцев! Спасибо, сыночки, что приехали к нам! Спасибо...

Снаружи донесся тихий свист: стоявший на посту Санчес предупредил об опасности. К кортихо, пересмеиваясь с двумя солдатами, приближалась стройная девушка.

— Это моя младшая дочка Эсперанса, — пробормотал Мануэль. — Простите грешницу, но, право, она не виновата... За девушками всегда ухаживают парни...

Солдаты, вошедшие вслед за Эсперансой, не успели даже опомниться, как их обезоружили и обыскали. Они оказались простыми деревенскими парнями — совсем недавно были мобилизованы мятежниками.

Пленные рассказали, что служат в запасном полку в Кордове, что время от времени им поручают охрану мостов и переправ, что муштруют их сильно, а кормят плохо.

Пока Маркес допрашивал солдат, нашим бойцам удалось успокоить комплиментами дочь Мануэля. Эта чертовка уже кокетничала налево и направо.

Вновь начался дождь. Теперь он хлестал как из ведра. Козы и овцы Мануэля сбились под огромным деревом, на котором росли стручки. Старик с тревогой поглядывал на стадо.

— Ничего твоим овцам не сделается. Потом займешься ими... А пока мы не можем отпустить ни тебя, ни дочь. Сам понимаешь — война, — виновато объяснял старику Антонио.

Пленные растерянно глядели то друг на друга, то на подрывников. Один из солдат наконец не выдержал и, ни к кому не обращаясь, спросил охрипшим от волнения голосом:

— А что будет с нами?

В доме наступила тишина.

В самом деле, как быть с пленными? Скоро стемнеет, и мы уйдем на задание. Не тащить же их с собой? Но и отпускать парней нельзя.

Оставить под охраной в кортихо? Тоже не годится. Мы не вернемся сюда...

После долгих споров было решено взять солдат с собой.

— Хоть вы и служили фашистам, — обратился Маркес к солдатам, — мы подарим вам жизнь. Докажите, что делается это не зря. Мы разведчики. Нам надо незаметно выйти к железной дороге. В десять вечера пройдет пассажирский. Потом появятся военные поезда. К десяти мы должны быть на месте...

Маркес и Антонио связали повеселевших пленных. Мы извинились перед Мануэлем и его дочерью за причиненное беспокойство и тронулись в путь.

До железной дороги добрались вовремя. Пленные действительно удачно провели группу к участку у поворота, где путь проходил по обрыву. Теперь оставалось выполнить задание. Точно соблюдая запреты полковника Переса Саласа, мы должны были пропустить пассажирский поезд, дожидаться воинского эшелона и взорвать его.

Вначале предполагалось разделиться при выполнении операции и поставить мины в трех далеко удаленных друг от друга точках. Но еще в кортихо в связи с плохой погодой этот план изменился. Решено действовать всем вместе.

Вдали беззаботно сияла огнями Кордова. С аэродрома, находившегося возле города, слышался гул прогреваемых моторов. Один за другим в небо с тяжелым ревом поднимались самолеты. Это итальянские бомбардировщики шли на бомбежку мирных испанских городов...

Пассажирский поезд появился точно по расписанию. Прогудел, просверкал окнами и благополучно направился к Кордове.

— Ждите эшелонов, — прошептал один из пленных.

Мы тоже знали: теперь наверняка пойдут воинские составы. Выждав несколько минут и убедившись, что охраны по-прежнему нет, подрывники двинулись к дороге.

Работали спокойно: многому научили прежние вылазки. А если подрывник спокоен, у него все ладится.

Под наружный рельс железнодорожного полотна на повороте пути мы установили две мины и заложили все имеющиеся у нас запасы взрывчатки.

— Готово, — негромко сказал Маркес. — Пошли.

А рельсы уже гудели: с каждой секундой приближался вражеский поезд. Мы не видели его. Не было видно даже огня паровоза. Они показались, когда наши бойцы отошли от дороги на несколько сот метров.

И вдруг я услышал громкий, вопреки запретам, возглас Хуана Гранде:

— Смотрите!!!

В голосе Хуана — досада, отчаяние, ужас.

Я обернулся и оцепенел.

К заминированному участку мчался весело играющий огнями классных вагонов пассажирский поезд.

Что делать?! Перед мысленным взором на миг мелькнуло упрямое, жесткое лицо полковника Переса Саласа.

Выходит, полковник был прав, запрещая нам действовать на участках с пассажирским движением!?

Мне представились вдруг люди, собирающие чемоданы перед Кордовой, поглядывающие в окна на приближающиеся огни города. И почему-то на миг показалось, что в вагонах нет мужчин. Только женщины... Но зачем они едут в занятый фашистами город?..

И все же, если бы можно было остановить состав, я не раздумывая сделал бы это! Но меня отделяло от железнодорожного полотна почти километровое расстояние.

Сигналя красным фонариком, к дороге бросился Хуан Гранде. Однако машинист не заметил фонарика.

Под колесами паровоза взметнулось пламя, до нас докатился взрыв. В Кордове мгновенно погасли огни...

Трудной была для меня та ночь. Я не ждал от будущего ничего хорошего. Знал: оправдания не помогут. Хорошо еще, если просто снимут с этого фронта. А что, если вообще отстранят... Опасность нависла над всеми подрывниками, над всем нашим делом, налаженным с таким трудом.

— Рудольф! Скорей!

Пепе так тряс меня за плечо, что проснулся бы даже мертвый.

Пепе сиял, захлебываясь от восторга, его невозможно было понять.

— Скорей!

Я вышел из сыроварни. Дождь прекратился. Под оливами сидели капитан Доминго и какой-то тучный старик с бегаящими глазками. Окружавшие их бойцы радостно улыбались мне. Хуан Пекеньо дотронулся до моего плеча. Капитан Доминго взъерошил волосы. В его взгляде светилось смущение и счастье.

— Вот, послушайте сами...

Тучный старик оказался алькальдом одной из деревень под Кордовой. Полчаса назад его задержало наше боевое охранение. Алькальд заявил, что хотел перейти линию фронта.

— Что же вынудило вас покинуть мятежников, синьор?

— Недалеко от нашей деревни кто-то пустил под откос поезд. Фашисты хотели меня арестовать, да спасибо люди предупредили...

— Почему пришли именно за вами?

— Разве я сказал, что только за мной? Хватают всех! Идут аресты по всей округе.

— И все из-за пассажирского поезда?

— Святая дева! В этом поезде в Кордову переезжали итальянские солдаты и офицеры, авиационные специалисты. И ни один не остался в живых!

Рубио трахнул по спине Хуана Гранде и оглушительно захохотал. Сияющий Доминго протянул мне руку:

— А ты боялся Переса Саласа! Горевал!

Алькальд испуганно мигал глазами. Он не понимал, что происходит.

...Несколько дней подряд шли через линию фронта к республиканским войскам перебежчики из Кордовы: железнодорожники, мирные жители, солдаты частей охраны.

— Крушение поезда с итальянскими фашистами взбесило и потрясло мятежников, — твердили они. — Виновники катастрофы не найдены. Бандиты вымещают звериную злобу на каждом, кто попадет под руку.

Полковник Перес Салас узнал о крушении поезда с итальянскими фашистами в тот день, когда мы вышли в расположение республиканских войск. Он выслушал это сообщение равнодушно, не придав ему значения. Однако вскоре проняло даже Саласа. Началось с того, что сведения о крушении проникли в иностранную печать. На базу партизан-подрывников в Вильянуэва де Кордова стали прибывать корреспонденты прогрессивных газет. Застрочили самопишущие ручки, защелкали затворы фотокамер. База подрывников на некоторое время превратилась в некое подобие конференц-зала.

С особой радостью встретили минеры Михаила Кольцова и Илью Эренбурга.

Михаил Кольцов долго беседовал с капитаном Доминго, Рубио, Хуаном Гранде, Пепе и другими бойцами. Он восхищался мужеством и выдержкой этих людей, их неистребимой ненавистью к фашистам.

Кольцову понравились слова малютки Пепе: «Этого крушения фашистам еще мало! Мы ведь видели Мадрид, Андухар и Пособланко!..»

Илья Эренбург приехал очень усталый и ночевал у подрывников. Его восхитили, помнится, наши связные-кавалеристы, и особенно самый юный — восьмилетний сын капитана Доминго.

Крушение под Кордовой Эренбург кратко описал в очерке, напечатанном в «Известиях» 23 марта 1937 года.

Внимание журналистов и писателей, естественно, льстило подрывникам. Они чувствовали наконец, что перестали быть в глазах окружающих сомнительным привеском к армии. Меня же, кроме того, радовало, что мы выполнили просьбу республиканских пехотинцев и моряков не забыть именно об авиации противника. А вдобавок все мы понимали: теперь, после потока статей и очерков, про минеров вспомнят и в Валенсии и в Мадриде.

Так и вышло. Сначала нам прислали жалованье за три прошедших месяца, и мы расплатились с долгами. Затем руководителей группы подрывников вызвали в генеральный штаб республиканской армии. Выслушав доклад капитана Доминго, там решили сформировать специальный батальон для действий в тылу противника. Бойцам батальона устанавливался полуторный армейский оклад и авиационный паек. Интендантство получило указание об отпуске обмундирования и бензина.

Мы торжествовали. Наконец-то можно перейти к самым активным и широким действиям в тылу мятежников и интервентов!

Пересу Саласу пришлось молчаливо признать свою неправоту.

ТЕХНИКА В ДЕЙСТВИИ

Весна 1937 года ознаменовалась в Испании новыми героическими подвигами народа и новыми предательствами продажных генералов, анархистов, троцкистов.

Самым тяжелым событием февраля стала сдача мятежникам Малаги. Важнейший порт и город страны перешел в руки врага с ведома и согласия тогдашнего заместителя военного министра генерала Асенсио. И это в то время, когда Малага могла успешно обороняться, сковывать силы противника, угрожать его тылам!..

Всенародное возмущение вынудило Ларго Кабальеро, который с тупым упорством защищал генерала Асенсио, принять отставку последнего.

Накопив силы, мятежники намеревались перерезать дорогу Мадрид — Валенсия и нанести с юга удар по героической испанской столице.

В середине февраля фашисты форсировали реку Хараму и захватили выгодный плацдарм. В марте ринулись на Гвадалахару.

Однако благодаря мужеству испанского народа фалангисты и интервенты получили сокрушительные удары на всех фронтах.

Гвадалахара стала в те дни синонимом слова «разгром». Тысячи итальянских головорезов полегли там.

Смещение генерала Асенсио и эхо победы на Гвадалахаре резко подняли боевой дух борющегося народа.

А события неумолимо развивались. Появилась угроза захвата мятежниками Пособланко. замысел врага был ясен: захватить Пособланко, развить наступление в направлении на Суидад-Реаль и выровнять линию фронта от Монторо до Толедо.

Наш военный советник на южном фронте Кольман всячески старался убедить Переса Саласа не сдавать город. Однако полковник Салас решил оставить Пособланко и отвести войска на «более выгодные позиции».

Узнав об этом, Кольман снова помчался к командующему фронтом и уже в самый последний момент добился отмены ошибочного решения.

Рано утром на следующий день фашисты, готовясь к решительной атаке,

жестоко бомбили Пособланко. Сразу же после бомбежки в город прибыл на машинах новый батальон республиканцев. В упорных боях, завязавшихся здесь, успешно действовали и подрывники капитана Доминго.

Пособланко удалось отстоять.

С большим энтузиазмом восприняли бойцы батальона специального назначения решения мартовского пленума ЦК компартии Испании, выдвинувшего боевой лозунг «Выиграть войну!».

Как и большинство населения республики, они одобряли решительные требования компартии о наведении порядка в тылу республиканской армии и о переходе к активным действиям на фронте.

Мужество и прозорливость КПИ признавали даже многие социалисты и анархисты.

Я помню одного комбата-анархиста с арагонского фронта. На его участке мы переходили в тыл противника.

— Все у нас есть, а вот такой организованности и целеустремленности, как у коммунистов, нет, — с досадой признался комбат. — Наши высокие руководители мастера на красивые фразы, разлагающие тыл. Их бы сюда, в окопы!

— А какого черта вы идете за таким руководством? — взорвался присутствовавший при разговоре Антонио. — Или переубедите своих начальников, или гоните их в шею!

Комбат сломал сигарету, посмотрел на нее и отшвырнул в сторону.

— Легко сказать... Ты что, никогда не слышал о партийном суде анархистов?..

Весной 1937 года среди рядовых анархистов на арагонском фронте было немало людей, подобных этому комбату, но они ограничивались лишь сетованиями...

А рядовых социалистов, ничуть не меньше чем бойцов-коммунистов, возмущало поведение Ларго Кабальеро. Многие подозревали, что он вступил в союз с троцкистами и анархистами для борьбы... с Коммунистической партией.

— Этого самовлюбленного бюрократа путает не Франко, а Хосе Диас! — с горечью говорили бойцы.

Но никакие переживания не могли помешать истинным патриотам выполнять свой воинский долг перед республикой. И они — в особенности коммунисты — выполняли его, не щадя ни сил, ни жизни.

Почти каждый день на автоматических минах взлетали воинские эшелоны и автомашины. На перегоне Кордова — Пеньярроя люди из батальона капитана Доминго мастерски взорвали большой железнодорожный мост.

Успехи наших подрывников в районе Пособланко перекликались с боевыми действиями других подразделений и партизанских отрядов.

На южном фронте мне довелось встретить старого знакомого — М. К. Кочегарова, с которым мы вместе обучали в 1930–1932 годах будущих партизан в Киеве. Как выяснилось, он тоже использовал наши мины.

Воевали в тылу врага и другие советские добровольцы, которых я знал раньше. Немало смелых налетов на военные объекты мятежников и интервентов удалось организовать инициативному и энергичному В. И. Кремневу-Киселеву.

Пришла пора лунных ночей. Луна поднималась все выше и все дольше оставалась на безоблачном небосводе. Ночное светило «помогало» противнику. Подрывники яростно проклинали луну.

Вскоре, однако, мы научились работать и в этой обстановке, хотя одна из таких ночей здорово подвела меня.

Я разбирал при лунном свете сумку с минноподрывным имуществом тяжело раненного минера и — сделал неосторожное движение. Все обошлось сравнительно благополучно: взорвался только электродетонатор, и я чуть не лишился кисти правой руки, да несколько осколков впились в лицо. Никто больше не пострадал...

Этот несчастный случай свел меня еще с одним членом, Хаенского провинциального комитета партии, товарищем Фредерико дель Кастильо — начальником военно-санитарной службы южного фронта.

— А говорят, подрывники ошибаются только раз! — заметил Фредерико, удаляя очередной осколок из моей окровавленной руки.

Это был замечательный врач и обаятельный человек. Так же как Валенсуела, Арока, Мартинес, Фредерико дель Кастильо мечтал после победы над фашизмом приехать в СССР. Все эти славные сыны Испании, за исключением Мартинеса, погибли от рук мятежников и интервентов...

Крушения на дорогах противника продолжались. Подрывники пустили под откос эшелон с марокканской кавалерией. Из тридцати вагонов не уцелело ни одного.

Мятежники были взбешены. На охрану железной дороги они поставили несколько батальонов и непрерывно вели поиски инженерных мин.

Наши бойцы были начеку. У нас уже имелись мины, которые взрывались при первой попытке снять их с полотна дороги. Изменили минеры и тактику действий: стали часто менять районы нападения, перешли главным образом на колесные замыкатели.

Пропустив «бдительный» патруль, подрывники выходили к дороге за одну-две минуты до подхода поезда, устанавливали колесный замыкатель, и составы валились как по расписанию.

Так, например, был взорван во второй половине марта поезд с боеприпасами для франкистов под Монторо.

Наши люди осуществили этот взрыв в очень сложных условиях. Подойти к дороге с юга было невозможно: открытая местность. Осуществить вылазку за одну ночь нельзя: далеко от линии фронта. С севера железную дорогу прикрывала не только охрана, но и быстрая река Гвадалквивир; помимо мин и оружия надо было нести с собой две складные брезентовые лодки. На подобных лодках в 1930–1932 годах я переплывал через Днепр, но то были только учебные занятия.

Возглавил эту вылазку моряк Руис. К западу от Монторо река не охранялась, и подрывники спокойно преодолели ее. Они успели поставить две мины и даже увидели, как упал под откос поезд.

Днем мятежники попытались на машинах вывозить боеприпасы из покореженного эшелона. Но и это им не удалось. Самолеты под командой К. М. Гусева внезапно налетели на скопление вражеских машин. Многие из них сгорели или взорвались тут же у разбитых вагонов.

Эту картину хорошо можно было наблюдать с гор из расположения респуб-

ликанцев. И прибывший из Хаена товарищ Пасуэло оказался очевидцем незабываемого зрелища.

Почти одновременно с — этим наши бойцы подорвали и два небольших моста. Один — под Бельмес, второй — в Эспиэль.

Ловкие, смелые, дерзкие подрывники капитана Доминго к концу марта основательно нарушили железнодорожное движение на участке Кордова — Пеньяройя.

Тогда франкисты стали осуществлять перевозки по шоссе.

Но тут же вышли на автомобильную дорогу и бойцы Доминго.

Движение вражеских колонн по автомагистрали резко сократилось. Особенно в ночное время. Несколько батальонов фашистской пехоты так и не добрались до фронта: их поставили на охрану дорожных сооружений и самой дороги.

Секретари Хаенского провинциального комитета товарищи Пасуэло и Валенсуела, а также Мартинес не забывали подрывников. Бывали они и в нашей мастерской, где изготавливались инженерные мины, ручные гранаты и другие средства для вылазок в тыл противника.

Большую кропотливую и временами опасную работу проводил маленький коллектив, где старшим был Састре. В переводе на русский язык — састре — портной. Но наш Састре был хорошим электротехником, а потом стал еще пиротехником. На полном круглом лице его мгновенно отражались все чувства. Даже при незаурядной полноте Састре был очень подвижен. Этот на первый взгляд «нервный» человек работал всегда очень спокойно и уверенно.

Састре не только изучил процесс изготовления всех мин и гранат, применявшихся советскими партизанами в годы войны против иностранных интервентов и белогвардейцев и изобретенных нами в период подготовки партизан в начале тридцатых годов, но и сам начал совершенствовать технику.

Освоив наши «картофельные» и «яблочные» замедлители, Састре предложил свой «апельсиновый» замедлитель. И надо признать, это изобретение оказалось более точным. Наши минеры получили противопоездные и другие мины замедленного действия, которые можно было устанавливать в безлунные темные ночи с расчетом, что они взорвутся в полнолуние.

Састре участвовал и в создании первых малых магнитных мин, впоследствии усовершенствованных англичанами. Эти наши мины хорошо удерживались на металле и взрывались в зависимости от длины фитиля через пять — тридцать минут после установки, надежно выбивая рваное отверстие в цистернах.

А самым широким спросом пользовались все же испытанные лас бомбас де mano (ручные гранаты) и взрыватели к ним.

Их можно было изготавливать не только на республиканской территории, но и на скрытых базах в тылу противника. Мы несли и везли с собой лишь взрыватели и взрывчатое вещество, а металл для гранатных корпусов находили на месте. Для этого годились и куски водопроводных труб, и консервные банки, начиненные проволокой или гвоздями, да и просто проволока.

Для взрывателей нужны были только капсулы-детонаторы и бикфордов шнур. Но капсулей не хватало. Тогда стали делать гранаты с черным порохом и другими взрывчатыми веществами, взрывавшимися без капсуля.

Действие наших ручных гранат мы продемонстрировали товарищу Пасуэ-

ло и другим работникам Хаенского провинциального комитета Коммунистической партии. По силе взрыва и дальности разлета убойных осколков они превосходили гранаты заводского изготовления, но были несколько тяжелее.

— Бомбы хорошие. Только мало вы их делаете, а они нужны и на фронте, — сказал товарищ Пасуэло.

— Можем делать и много, но нас лимитируют капсюли, а при большом размахе не хватит и бикфордова шнура.

— Постараемся достать и то и другое, а вы налаживайте дело, — сказал Пасуэло.

Уже на второй день у нас были коробки капсюлей и много кругов бикфордова шнура.

— Вот это я понимаю — настоящий Хаенский арсенал! — заметил Пасуэло, когда зашел в мастерскую.

Работали наши бойцы быстро: одни с помощью специального приспособления, напоминающего ручную хлебрезку, резали бикфордов шнур, другие тут же обмазывали шнуры воспламеняющимся составом. Розалина готовила терочные приспособления, а сам Састре специальными обжимками укреплял шнуры в капсюлях.

Взрыватели, сделанные в Хаене, применялись на нескольких фронтах...

Кто бы мог тогда подумать, что через четыре года мы снова займемся этим, но уже на советской земле?!

События на фронте развивались благоприятно. Атаки мятежников были отбиты, и республиканские части перешли в наступление. Подрывники получали одну задачу за другой.

Специальный батальон полностью укомплектовали. Теперь он базировался в трех местах — Хаене, Вильянуэва де Кордова и Валенсии, где продолжала работать мастерская и велась подготовка все новых групп. Приступил к работе и штаб батальона. Его возглавил интербригадовец, югослав капитан Илич. Аккуратный, подтянутый, Илич делал то, к чему никак не мог приучиться Доминго: тщательно вел документацию, педантично собирал сведения о действиях групп, составлял сводки для командования. Он же регулярно занимался и вопросами снабжения.

— Бумажная война! — ворчал Доминго. — Зачем людям столько бумаг? Как можно сидеть над бумагами, вместо того чтобы ходить в тыл франкистов?!

Но косые взгляды и бурчание Доминго ничуть не трогали Илича.

Во второй половине апреля я пережил большую радость: в Хаен прибыл Гай Лазаревич Туманян и с ним неуловимый Ксанти.

Приезду Ксанти радовался и Доминго, хорошо наслышанный о его дерзких вылазках в тыл мятежников.

— Какой рослый, как здорово сидит на коне! — восхищался он. — Врожденный кавалерист!

Я сказал Доминго, что Ксанти не просто кавалерист, а настоящий джигит-горец, и наш капитан решил непременно показать гостю кавалерийский взвод минеров, сформированный в Вильянуэва де Кордова.

Ксанти и Туманян познакомились с минерами, много беседовали с ними, делились опытом. Мы вместе объехали базы в Хаене, Вильянуэва де Кордова и даже побывали на скрытой базе в тылу врага западнее Адамуса.

И Туманян и Ксанти остались довольны результатами поездок. На прощание мне намекнули, что в ближайшее время несколько групп, возможно, перебросят на другие фронты...

Вспоминая те дни, не могу не рассказать об одном из боевых эпизодов, связанных с жарким апрелем 1937 года.

Я уже писал о монастыре ла Вирхен де ла Кабеса, где засели мятежники. Несколько попыток республиканцев очистить монастырь не увенчались успехом. Ни артиллерийский обстрел, ни даже бомбежка не причинили существенного вреда гарнизону монастыря: толстые стены и крепкие своды подвалов обеспечивали врагу надежную защиту.

Мятежный гарнизон в монастыре вонзился в республиканскую территорию, как болезненная заноза. С ним следовало покончить. Но как? Вот и пришло кому-то в голову использовать для захвата монастыря подрывников. Они должны были ночью проникнуть к обители и взорвать каменную стену.

Доминго возражал против этой нелепой затеи:

— Во-первых, наших бойцов уничтожат при малейшей попытке подойти к стене. Во-вторых, небольшая группа просто не в состоянии подтащить к монастырю нужное количество взрывчатки.

— Значит, подрывники тоже бессильны?

— Почему бессильны? Дайте подумать.

Минеры еще понаблюдали за монастырем, подумали и предложили свой план захвата обители.

— И на что вы рассчитываете? — скептически спросили их.

— Исключительно на полное невежество мятежников в вопросах классической литературы, — спокойно ответил заведующий лабораторией минной мастерской Састре.

И вот через неделю на дороге из Андухара в штаб батальона, осаждавшего гнездо мятежников, появился всадник. Пугливо поглядывая на монастырь, он грубо понукал своего мула, нагруженного двумя ящиками с патронами. Несколько выстрелов с монастырских стен заставили всадника скатиться с седла и спрятаться в канаве. Еще несколько выстрелов — и всадник, бросив мула, стал отползать прочь.

Животное, потерявшее седока, принялось пощипывать травку. Но на обочинах каменистого шоссе она была чахлой, а у монастыря виднелся сплошной зеленый ковер. Мул тут же устремился на пастбище.

— Дело было к вечеру. Утром, к нашему большому удовольствию, мула уже не было. Видимо, мятежники увели его к себе, — рассказывал Доминго.

Выжидали два дня. На третий батальон, блокировавший монастырь, изготовился к атаке. А на дороге из Хаена в Адамус опять появился всадник. Он тоже ехал на муле и тоже вез два ящика. Только мула на этот раз мы выбрали особого. Около месяца назад его отбили у мятежников. От крестьян было известно, что это животное выросло в монастыре.

В одном из ящиков, навьюченных на мула, находилась взрывчатка: двадцать килограммов динамита, обложенного гвоздями и кусками железа. Этот ящик был снабжен замыкателем. Другой набили негодными патронами.

Всадник бодро погонял животное, но выстрелы заставили скатиться с седла и этого «неудачника».

Предоставленный самому себе, мул не спеша побрел к монастырским сте-

нам.

Подрывники не видели, как впустили Мула в монастырский двор, но поняли, что это случилось, когда загредел взрыв. Батальон немедленно поднялся в атаку и подошел почти вплотную к монастырю, потеряв лишь несколько раненых: растерявшиеся мятежники не успели вовремя открыть огонь.

Через два дня над монастырем взвилось белое полотнище. Мятежники сдавались...

— Честно говоря, — сказал один из республиканских военачальников, — мы не очень верили в успех вашей затеи, но она нам помогла.

— Вы, видно, не думали, что андулазский мул может стать троянским конем? — осклабился Доминго. — А чем он хуже гомеровского жеребца, черт по бери?!

ПОД МАДРИДОМ И САРАГОСОЙ

2 мая мы с Ксанти проводили на родину Гая Лазаревича Туманяна. Вернувшись, в барселонскую гостиницу, я почувствовал, что заболеваю. Термометр показывал около сорока.

Приказав мне лежать, Ксанти запер номер и ушел за лекарствами. Как только он вернулся, в городе поднялась стрельба. Это были не одиночные выстрелы, к которым мы привыкли, — били очередями и залпами. Заработали станковые пулеметы. Где-то у гостиницы грохнула граната, другая...

Ксанти выключил свет.

— Что-то случилось?

— Может быть, выступили анархисты, — спокойно сказал он, вглядываясь в синеву ночи. — Надо позвонить...

Но дозвониться никуда не удалось. Вместо телефонисток отвечали какие-то мужчины. Узнав, кто говорит, они тут же выключали аппарат.

А пальба все усиливалась.

Лишь через час в гостиницу, забаррикадированную администрацией и постояльцами, каким-то образом просочилось известие: начался вооруженный путч анархистов и поумовцев. Они требовали отставки каталонского правительства, немедленного роспуска вооруженных сил и передачи всей власти анархо-троцкистам.

Им удалось захватить казарму горнострелкового батальона, телефонную станцию и телеграф, взять под контроль вокзалы и весь городской транспорт.

Особенно сильному обстрелу подвергся район, где находилось здание Объединенной социалистической партии Каталонии. Видимо, бандиты пытались овладеть и этим зданием.

Выходить из гостиницы было бессмысленно. Вдобавок я еле держался на ногах.

Мы верили, что наглая вылазка анархо-троцкистских подонков будет немедленно подавлена. Но правительство Каталонии проявило чудовищную растерянность. Анархисты сняли свои батальоны с арагонского фронта и безнаказанно хозяйничали в городе. Увидев, что им не удастся повести за собой массы трудящихся, путчисты пробовали спровоцировать народ, стреляя в мирных жителей.

Центральное правительство послало на подавление мятежников авиационную эскадрилью и танки. Это известие наконец привело в чувство наглецов

и провокаторов. В ночь на 6 мая анархо-троцкистский путч был ликвидирован. Но Барселона пережила три трагических дня. В уличных боях погибли сотни патриотов. Среди убитых было множество женщин и детей.

Барселонский путч показал подлинное лицо анархистов и поумовцев — прямых пособников фашизма.

Невыносимо трудно бездействовать в такие дни. Едва мне стало легче, я, Ксанти и его переводчица рискнули вырваться к своим.

Висенте вел машину, избегая улиц, перегороженных баррикадами, и кварталов, где еще продолжалась стрельба.

Нам повезло. Мы благополучно выбрались из Барселоны. А через сутки я увидел веселую физиономию Рубио, лукаво прищуренные глаза Хуана Гранде, невозмутимо спокойного Пепе.

— Путчисты, конечно, расстреляны? — вместо приветствия спросил Доминго.

— Боюсь, что их даже не арестуют.

— Будь проклят этот старый тюфяк Кабальеро! Презренный лакей! Эх, дали бы волю нам! Мы бы отбили вкус к предательству у любого мерзавца!

События свершались с головокружительной быстротой. После отказа Ларго Кабальеро обсудить на заседании совета министров военную и политическую обстановку в стране, коммунисты вышли из состава правительства. Ларго Кабальеро полагал, что дождался своего часа. Но большинство влиятельных министров-социалистов заявило, что без коммунистов правительства быть не может. После нескольких судорожных и неумных попыток создать так называемое «профсоюзное правительство» Кабальеро вынужден был подать в отставку.

Возникло новое правительство — правительство доктора Негрина. В него вошли трое социалистов, два коммуниста, два левых республиканца, по одному представителю от каталонских и баскских националистов.

В знак поддержки своего друга по борьбе с коммунизмом Ларго Кабальеро анархисты отказались участвовать в новом правительстве. Однако бравировали они недолго. Убедившись, что правительство существует и активно действует без их поддержки, анархисты пришли на поклон. Но и после этого им не удалось восстановить свое былое влияние. Их авторитет резко упал.

Правительство Негрина приняло разработанный министром коммунистом Висенте Урибе декрет об аграрной реформе. Защитив крестьян от так называемых «бесконтрольных элементов» и распустив насильственно созданные анархистами коллективные хозяйства, оно быстро завоевало популярность в народе.

Коммунистическая партия Испании приобрела еще больший вес. Ее готовность вести борьбу до победы вызвала в массах новый прилив энтузиазма. И хотя гражданская война вступила в период, отличавшийся неизмеримо более тяжкими условиями, чем первоначальный (было утрачено территориальное превосходство над мятежниками, не хватало продовольствия и вооружения), республиканцы больше чем когда-либо надеялись на победу.

Ряд блестяще проведенных операций доказал, что эти надежды построены отнюдь не на песке.

Но мало было сместить некоторых генералов и отстранить от руководства

отдельных политических банкротов. Надо было вытравить до конца оставшийся кое-где дух предательства, преодолеть пассивность и рутину штабов.

Этого, увы, не случилось...

Пытаясь облегчить положение северных провинций Испании, республиканцы организовали летом 1937 года наступление в районе Брунете.

На этом направлении действовали лучшие части армии, и прежде всего части легендарного Пятого полка Командовали операцией народные герои Испании Листер и Модесто.

Надо было сорвать подвоз подкреплений противника по железной дороге, соединявшей мадридскую группировку мятежников с занятыми ими юго-западными провинциями Испании. Командование поручило Ксанти вывести из строя железнодорожный участок Талавера — Навальмораль де ля Мата.

Удар по этой важной для противника коммуникации приурочивался к началу наступательной операции республиканских войск под Мадридом. Движение по магистрали следовало нарушить не менее чем на пять суток.

К этому привлекли и часть подрывников из батальона капитана Доминго.

В конце июня мы очутились юго-восточнее Талаверы, в пятнадцати километрах южнее Тахо.

Тахо — спокойная река, шириной сто пятьдесят — двести метров, с пологими берегами. Южный ее берег занимали республиканцы, на северном засели фашисты.

Решено было в первую же ночь незаметно переправить через реку пять-шесть мелких групп подрывников с инженерными минами, а затем в течение недели перебрасывать еще по две-три группы в сутки. Тщательно велась подготовка людей, техники, переправочных средств. Наконец настало время действовать.

Бесшумно спускаются на воду легкие лодки, бесшумно садятся люди. Скоро лодки скрываются из виду. Секунды, минуты... На северном берегу взрывается осветительная ракета. Мы лихорадочно оглядываем реку... Лодок не видно...

Во второй половине ночи справа, вверх по течению, почти у воды, вспыхнули еще две осветительные ракеты. С северного берега началась ружейно-пулеметная стрельба. В ответ открыли огонь и республиканские подразделения. Тревогу, оказывается, вызвали двое местных жителей, вплавь покидавших фашистский ад.

Наконец на северном берегу мелькнул долгожданный условный сигнал. Мы приготовились принять возвращающихся подрывников, а если их будут преследовать, то и оказать огневую поддержку.

Проходит несколько томительных минут. Первая лодка тихо причаливает к нашему берегу.

— Все хорошо! — докладывает вернувшийся командир группы Эрминио. И как бы в подтверждение этих слов на севере, у железной дороги, слышится глухой взрыв.

Нет, это не совсем хорошо. Рано! Еще не возвратились другие группы, а противник уже всполошился. Вдали мелькают вспышки осветительных ракет. Засуетились мятежники и на берегу.

Но река не только препятствие, она и спасительный ориентир. Бойцы знают: там, на южном ее берегу, — свои!

Недалеко от воды на той стороне разрывается ручная граната. Сомнений нет — там начался бой... Еще и еще рвутся гранаты...

Одна из групп возвратилась с того берега вплавь. Мокрые минеры вылезали из воды тихо и сразу удалялись от реки.

К утру мы подвели итоги. Убитых и пропавших нет, но двое бойцов ранены. А на железной дороге западнее Талаверы установлено четырнадцать противопоездных мин мгновенного и замедленного действия. В первую же ночь на них подорвался вражеский эшелон с войсками, потом взлетел и еще один поезд...

Пять дней подряд работали подрывники на дороге восточнее Талаверы. Люди забыли про сон. Ели урывками. Глаза у всех ввалились, покраснели. Расстрепалась и как то поблекла даже вызывающая шевелюра Рубио. Прекратились шуточки Яна Тихого. Но дело было сделано. Движение по дороге было парализовано.

Республиканцы заняли Брунете!

После этой победы Доминго прямо воспламенился. Взяв с собой одну роту, он решил действовать на коммуникациях севернее и северо-западнее мадридской группировки противника.

Дней через пять к Доминго примкнул и я с другой его группой минеров. Мы работали вместе до самого августа.

Вот там, под Мадридом, и увидел я гитлеровских летчиков, сбитых ночью испанским истребителем. Они лишь отдаленно напоминали мне тех, что хвастались в Париже. Куда девалась их вызывающая задиристость! В глазах только страх, повадки лакейские.

— Противный вид! — определил Доминго.

Следующая большая операция, в которой активно участвовали бойцы спецбатальона капитана Доминго, проходила под Сарагосой в августе 1937 года.

Началась она тоже успешно. К августу на арагонском фронте тон задавали части Листера. Влиянию анархистов совсем пришел конец. Главари бежали из страны.

В ходе наступления войскам республики удалось взять Бельчите. Это вынудило мятежников снимать части с других фронтов и перебрасывать их на арагонский, дотоле считавшийся безопасным.

Бойцам Доминго вновь выпал случай показать себя.

Смело нападал из засад на автомобильные колонны Маркес. С отчаянной дерзостью врывался на мосты Антонио. Пускал под откос паровозы и целые воинские эшелоны американец Алекс. Глубоко во вражеском тылу действовал немногословный Хуан Пекеньо; его группа уничтожила вражеский эшелон с живой силой почти в шестидесяти километрах от линии фронта. Крушение было организовано с таким хладнокровием и мастерством, что из-под обломков никто не выбрался живым.

Я очень радовался за товарищей. Теперь это были настоящие подрывники: находчивые, дерзкие, не признающие безвыходных положений, умеющие использовать самую ничтожную промашку врага.

Примеров, подтверждающих это, накопилось много. Расскажу лишь об одном случае, о том, как группа Рубио и 19-летнего барселонца Ногеса подорвала

среди бела дня усиленно охранявшийся мост через Альберче и двигавшуюся по нему вереницу машин с войсками и боеприпасами.

Я выбираю этот случай не потому, что он ярче других, а потому лишь, что в создавшейся сложной ситуации одинаково самоотверженно, выручая друг друга, действовали и испанские бойцы и товарищи из интербригады.

Выше уже говорилось, что весной 1937 года у Рубио зародилась мысль похотничать на автомобильных дорогах в тылу противника. Вместе с товарищами он совершил первые смелые налеты на автомобильные дороги фашистов еще под Пеньярроя и Кордовой.

Летом 1937 года наши «любители автомобилей» расширили сферу своих действий, появляясь то на одном, то на другом фронте.

Группы Рубио, Ногеса, Каррильо наловчились захватывать одиночные машины. На этих машинах они иногда часами разъезжали по территории противника. Лишь почуяв опасность или заметив впереди контрольно-пропускной пункт, подрывники уничтожали свою «добычу» и уходили в горы. Но, затем появившись на новой магистрали, они захватывали новый автомобиль и продолжали «прогулку».

Никому из нас и в голову не приходило использовать захваченные машины для разрушения мостов. А тут...

После того как мы повредили железную дорогу под Талаверой, резко усилилось движение противника по автомобильной магистрали. Как правило, транспорт передвигался ночью, колоннами. Все трудно восстанавливаемые мосты сильно охранялись. В этих условиях применение колючек и одиночных мин не давало желаемого эффекта.

И вот однажды, беседуя с командирами групп перед очередной вылазкой в тыл врага, Ксанти предложил:

— Друзья! У вас есть уже опыт захвата машин. Попробуйте на захваченной машине ворваться на мост, снять охрану и разрушить его.

— Попробуем, Иполито? — спросил Рубио барселонца Ногеса — коренастого молодого парня.

— Отчего не попробовать, — согласился тот.

Ночью группы Рубио и Ногеса благополучно переправились через Тахо. Вышли на автомобильную дорогу. Подходящая цель так и не появилась. Пришлось на день укрыться в горах Сиерра де Сан Винсенте.

— Что делать? — сокрушался Ногес. — Сотни машин внизу идут к Мадриду, а одиночных почти нет...

Весь день подрывники не отрывались от биноклей. Дорога около моста восточнее Талаверы была перед ними как на ладони. С гор хорошо видно, что колонны грузовиков и многие легковые машины проходили на мост без остановки.

Итак, способ проникновения на мост ясен. Но как взорвать мост, проносясь по нему?

Пока прикидывали, как лучше поступить, на дороге показался грузовик с кухней на прицепе. Водитель охотно остановился, чтобы ответить на вопрос «господ офицеров». Рядом с ним сидел повар.

— Что в котле? — спросил Рубио.

— Суп.

— Выливай его к чертовой матери. Найдется другая начинка...

Пленных связали, заткнули им рты и уложили отдыхать по разные стороны дороги. Пристроившись в хвост вражеской автоколонны, кухня спокойно приблизилась к цели, въехала на мост. И вдруг на самой его середине отцепилась от тягача.

Прицеп загораживал движение, и часовой бросился, чтобы оттащить его к перилам. Он сразу, как видно, почуял неладное: из котла кухни пахло не бараниной, а горящим бикфордовым шнуром. Бывалым солдатам этот запах хорошо знаком, а часовой, несомненно, был из их числа. Он не потерял самообладания, попытался сбросить прицеп с моста. Но одному это оказалось не под силу. Стал звать на помощь водителей. Однако ни водители, ни другие солдаты из охраны моста не успели понять, в чем дело. Высоко взвилось пламя, прогремел взрыв. А злополучный грузовик, потерявший прицеп, успел тем временем бесследно исчезнуть...

Да, наши подрывники научились умело действовать на коммуникациях врага. Весной и летом 1937 года они не зря получали одну благодарность командования за другой.

В двадцатых числах июня я возвратился из Хаена и зашел к нашему военному советнику Кольману.

Поговорили о том о сем. Я заметил, что Кольман мнетя, словно хочет и не решается сказать о чем-то потаенном.

— Что случилось? — напрямик спросил я.

— Ты давно не читал газет?

— Где же я мог их читать?

— А радио тоже не слушал?.. И ничего не знаешь?.. Кольман огляделся, будто опасаясь, что нас подслушают.

— Одиннадцатого числа состоялся суд над Тухачевским, Уборевичем, Корком, Якиром... Они вели вредительскую работу, пытались подготовить наше поражение в будущей войне. Хотели восстановить власть помещиков и капиталистов.

— Что?!

— Вот газеты. Читай.

Да, все обстояло именно так, как рассказывал Кольман.

«Все обвиняемые полностью признались в совершенных ими преступлениях», — с ужасом прочитал я.

Кольман подал еще одну газету за 13 июня:

— Вот здесь...

Строчки прыгали у меня перед глазами: «...Двенадцатого июня сего года суд приговорил подлых предателей и изменников к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение».

Как наяву, увидел я перед собой лицо Якира:

— Вам поручается важнейшее партийное дело, товарищ Старинов. Надеюсь, вы оправдаете наши надежды...

Увидел лес под Олевском.

Аэродром под Харьковом.

Ночные учения, где Якир с гордостью говорил о советской военной технике.

Этот человек — предатель и изменник?!

А маршал Тухачевский — бонапартист?!

Эйдеман, Уборевич, Примаков, Путна — прославленные герои гражданской войны — и все они тоже враги народа?!

Кольман осторожно взял у меня газету.

— Как же это? — только и мог выговорить я.

— Чудовищно, — согласился советник. — Невозможно поверить. Но ты же видел...

— А какая им была корысть предавать Советскую власть? Власть, которую они сами устанавливали?! За которую кровь пролили?!

— Тише... Конечно, дикость какая-то... Сам не понимаю, на что они рассчитывали... Что им могли дать капиталисты?

— Ничего! Их бы первыми расстреляли, попадись Примаков или Якир в лапы фашистам.

— Видишь, пишут о попытке захвата власти...

— Так они же и были властью!

— Тем не менее — факт налицо...

Да, чудовищный факт был налицо. И Кольман и я не могли не верить Сталину, не верить суду.

Не могли не верить, а в сознании не уместалось случившееся...

Читая в газетах, что Вышинский награжден орденом Ленина «за укрепление социалистической законности», натываясь на имя Ежова и на карикатуры, изображающие ежовые рукавицы, в которых корчатся враги народа, я испытывал острые приступы тоски.

Ни на минуту не забывалось, что работал с Якиром, что неоднократно сопровождал Примакова и Тухачевского.

«А что ответишь ты, когда спросят, знал ли Якира и Примакова? Что ждет тебя по возвращении на Родину? — не раз спрашивал я самого себя. — Что ответишь?»

— Ты что-то плохо выглядишь, Рудольф, — встревожился Доминго. — Устал?

— Да, друг. Устаю...

Что еще мог я ответить капитану?

Судьба слишком долго баловала подрывников, чтобы не сделать в конце концов один из тех подарков, которые ей лучше было бы держать при себе.

Суеверия тут ни при чем. Работать нам приходилось в основном с динамитом, а он даже в мирных условиях способен преподнести горькие сюрпризы. Может взорваться от первой искры, от первого сильного удара.

Но вот, поди ж ты, у нас он пока ни разу не безобразничал.

Под Теруэлем, в Альфамбре, Пепе попал с динамитом под бомбежку, но успел вывести машину из деревни. Динамит не взорвался, хотя одна из фашистских бомб упала слишком близко.

Там же, в Альфамбре, я как-то застал бойцов, мирно покуривающих на ящиках с динамитом, придвинутых вплотную к камину. Тоже пронесло!

В Хаене мы хранили динамит под кроватями моей переводчицы и Розалины. В соседней комнате однажды взорвался примус. Струйки горящего керосина протекли по полу и в женскую спальню. Но Анна и Розалина успели набросить на пламя свои одеяла.

Наши машины с динамитом неоднократно бывали под обстрелом. Подрывники, переходя линию фронта, тащили динамит в заплечных мешках. И все как-то обходилось!

А вот под Сарагосой не обошлось.

Я был на командном пункте пехотного батальона — готовил к вылазке в тыл врага группу лейтенанта Падильо. На нескольких участках переправлялись другие группы.

Падильо уже завязывал свой вещевой мешок, когда мы услышали глухой взрыв в той стороне, где должна была действовать группа, перебрасываемая нашим начальником штаба капитаном Иличем.

Мы кинулись к месту взрыва. Там уже суетились санитары.

Шальная пуля угодила в вещевой мешок с динамитом, прилаженный на плечи одного из бойцов.

Несчастливого минера разнесло в клочья. Еще трое были тяжело ранены. В их числе оказался и капитан Илич.

Кое-как перебинтованный Илич не стонал. Он только кусал бескровные губы и морщился.

Погрузив раненых, Пепе осторожно повез их к полевому госпиталю дивизии. Больше двух часов оперировали Илича.

На прощание он еле слышно прошептал:

— Не отчаивайся, Рудольф. На войне как на войне... А что касается меня — я вернусь в батальон. Ты же видишь, глаза у меня целы и даже одно ухо осталось...

Исполнилось десять месяцев с той поры, как я впервые ступил на землю Испании.

Где только не пришлось побывать за это время! Под Теруэлем и Гранадой, под Кордовой и Мадридом, под Уэской и Сарагосой.

Я с удовлетворением мог сказать самому себе, что подрывники, с которыми мне довелось работать, не тратили время даром.

За десять месяцев установленные ими мины взорвались почти под сотней вражеских поездов с солдатами, артиллерией, конницей, боеприпасами, горюче-смазочными материалами, танками. Во много раз больше подорвалось на наших минах франкистских автомобилей. А сколько их остановлено с помощью колючек! Сколько свалено мостов, повреждено линий связи!..

Вместе с остальными советскими добровольцами я старался передать испанским товарищам опыт партизанских действий, накопленный в нашей стране в годы гражданской войны. Обучал их тому, что сам узнал в тридцатые годы, работая под руководством Якира и Баара.

Собственно говоря, успешное применение инженерных мин на коммуникациях франкистов стало возможным только потому, что за разработку этого грозного оружия мы у себя на родине энергично взялись еще в начале тридцатых годов.

Выработанная советскими партизанами тактика и техника минирования оказались выше тактики и техники противника по разминированию. Мятажники не могли обеспечить безопасность своих коммуникаций, хотя зачастую бросали на охрану стокилометрового отрезка пути до полка солдат. Не научились они и обнаруживать некоторые наши мины, а те, что находили, не уме-

ли обезвреживать иначе как взрывая их.

Немецкие и итальянские саперы, бесспорно, пытались изучать нашу технику, но мы постоянно ставили их перед новыми и новыми загадками. То устраивали сюрпризы, то снабжали мины взрывателями, исключавшими возможность их извлечения, то применяли магнитные мины неизвестной врагу конструкции.

Об установке наших мин противник, как правило, узнавал только тогда, когда они сваливали под откос его эшелоны.

Стало быть, советские военачальники, всячески поощрявшие поиски военных инженеров, техников и командиров инженерных войск, конструировавших мины для партизан, знали, что делают.

Но конечно, мины сами по себе, какими бы хорошими они ни были, не могли принести значительной пользы, если бы не попали в надежные руки.

Успешными были действия специальных партизанских подразделений республиканской армии, тесно и умело взаимодействовавших с наступающими войсками. Успешными они стали только потому, что их осуществляли люди, воодушевленные высокими идеями борьбы за свободу и демократию.

Большое внимание партизанской борьбе в тылу Франко уделял ЦК Коммунистической партии Испании, лично Хосе Диас и Долорес Ибаррури.

Специальные подразделения регулярно пополнялись коммунистами — бесстрашными борцами против фашизма. Бок о бок с испанскими коммунистами в рядах специальных подразделений сражались социалисты и коммунисты из других стран, считавшие защиту Испанской республики своим интернациональным рабочим долгом.

Бесспорным было громадное моральное превосходство республиканских бойцов над солдатами противника. Неустанно помогал своей армии народ. Потому и вылазки наши в тыл врага, облегчавшие положение войск, сопровождались неизменным успехом...

Буржуазные заправилы Запада предали Испанскую республику, и фашизм задушил ее. Но республика сопротивлялась до последнего часа. В прямом единоборстве враг никогда не смог бы одолеть ее...

Поздней осенью 1937 года я вместе с несколькими подрывниками навестил в Барселоне капитана Илича.

Здоровье нашего боевого друга шло на поправку. Мы оживленно вспоминали недавние походы.

— И все же я ошибся, — сказал Илич. — Я не выздоровел до твоего отъезда, Рудольф, и нам не удастся опять воевать рядом... Ты ведь уезжаешь?

— Да, капитан.

— Жаль.

— Мне тоже тяжело расставаться с друзьями.

— Хватит грустить! — решительно вмешался Ян Тихий. — Разлука не самая тяжелая вещь на свете. Мы еще встретимся. После победы над фашизмом... Везде! Верно, Рудольф?

ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Грузовое судно миновало Кронштадт. Впереди, в туманной дымке на редкость погожего осеннего дня, уже маячили знакомые контуры Адмиралтейства и Петропавловской крепости.

Вместе с несколькими товарищами я возвращался из Испании. Счастливые и взволнованные, смотрели мы на темную с прозеленью воду родного Финского залива, на золотую иглу знакомого шпиля.

Дорогая моя Родина, мы вернулись!

Позади остался трудный год в далекой и до боли близкой Испании. Там мы похоронили немало соотечественников. Там нашли верных друзей. Там земля впитала капли и нашей крови.

И все, что сделано нами, сделано во имя светлой Отчизны.

Разве не она послала нас к испанским братьям? Разве наша любовь к Испании была не ее любовью?..

Пароход, отдав концы, легко соприкоснулся с причалом. Первые наши шаги по земле были робкими, неуверенными. Казалось, она вот-вот уйдет из-под ног, как корабельная палуба. Но это длилось недолго. Земля была твердой, как ей и полагается быть.

Дорога от порта до гостиницы ошеломила меня своим постоянством. Все мной любимое, все мне дорогое осталось прежним. Словно я только вчера покинул этот неповторимый город.

Спокойно и плавно разворачивались вдоль быстрой Невы гранитные набережные. Навытяжку стояли роstralьные колонны. Бешено взвивались на дыбы кони Аничкова моста. Величественно и уверенно рассекал город Невский проспект.

Ленинград!

Каким прекрасным предстал ты передо мной в погожий осенний день 1937 года!

Я повидал Мадрид, Барселону, Париж, Антверпен, Брюссель. Спору нет, и они были красивы по-своему. Я даже изменил первоначальное мнение о Париже, увидев его на обратном пути из Испании ранним утром, когда трудовой люд спешил на работу, а крикливые гамены, шныряя в толпе, совали в руки прохожих «Юма».

Но ты, Ленинград, прекраснее всех столиц!

Я шел по улицам, с трудом удерживаясь от искушения прижаться щекой к шершавой известке любой стены, и, не удержавшись, касался ладонью то перил, моста, то мокрой коры деревца, то холодного чугуна уличных фонарей.

— Надолго? — спросила меня дежурная по гостинице.

— На сутки.

Я не сказал, что и эти сутки повиснут на моей совести, что и за них придется давать объяснения. Но я не мог покинуть Ленинград, едва ступив на его землю.

Все началось с телефонных звонков.

Может быть, это покажется странным, но в моей памяти отлично сохранились номера многих домашних и служебных телефонов знакомых и сослуживцев.

Поэтому, оставшись один, я буквально повис на телефоне.

Но вот досада! Куда бы я ни звонил — отвечали совсем незнакомые люди.

Не мог же я перепутать все номера? Ничего похожего раньше не бывало...

Неуверенно набрал номер управления военного коменданта станции Ленинград-Московский.

— Дежурный помощник коменданта Чернюгов слушает...

Наконец-то хоть один знакомый голос! Он, правда, стал каким-то другим. В бытность писарем Чернюгов отвечал громко, бодро, а став помощником коменданта, вроде бы оробел. Но сейчас не до этого...

— Здравствуйте, товарищ Чернюгов! Старинов говорит!

Трубка некоторое время молчит. Потом Чернюгов неуверенно осведомляется:

— Какой Старинов? Товарищ военинженер третьего ранга?

— Ну да, он самый! Не узнали?

Трубка молчит.

— Вы слышите меня, товарищ Чернюгов?

— Да, слышу... Вы откуда, товарищ военинженер?

— Сейчас — из гостиницы, — смеюсь я, узнавая характерные нотки в чернюговском голосе и потешаясь его недоумением. Может быть, писарь считал меня погибшим? И я спешу успокоить его: — Со мной все в порядке! Жив-здоров! А как вы там?

— Все нормально, товарищ военинженер...

— Послушайте, товарищ Чернюгов, я, собственно, вот зачем звоню... хочу узнать, где сейчас Борис Иванович Филиппов.

Ответа нет.

— Слышите вы меня?!

Да, Чернюгов слышит.

— Он теперь.., на курорте... — В голосе Чернюгова то ли пренебрежение, то ли снисходительность.

Я слышу, как звонит на столе дежурного другой телефон.

— Извините, меня вызывают...

Подержав в руке замолчавшую трубку, тяжело опускаю ее на рычаг.

Конечно, Борис Иванович выбрал неподходящее время для курортных разъездов. Здравомыслящие люди в конце октября на юг не едут. Но все равно тон Чернюгова слишком неуважителен. Или у бедняги голова закружилась от повышения по службе?

Пожав плечами, звоню опять. На сей раз в Управление военно-транспортной службы Октябрьской железной дороги, своему однополчанину Коле Васильеву. Этот все растолкует!

И впервые слышу в ответ короткое, страшное слово: «Взяли!»

Взяли? Арестовали Бориса Ивановича? Милейшего Бориса Ивановича Филиппова, всегда трепетавшего перед начальством? Душевного, простецкого Бориса Ивановича?

Непостижимо!

Из газет я знал: Якир, Тухачевский, Уборевич, Корк, Примаков полностью признали себя виновными. Видно, они действительно что-то выдали врагам, что-то замышляли?

Но что мог выдать, что мог замышлять Борис Иванович?

Самое большое, на что он отважился бы, — это получить дополнительную путевку на курорт для собственной жены. Да и то постарался бы заpastись справочкой от врача, потому что «бумажка, голуба моя, в силе!»

Непостижимо!

Значит, его дружелюбие, заботливость, простота — все это было страшной маскировкой?..

Я вдруг стал противен самому себе. Да что же такое происходит? Или я чего-то трушу? Как посмел я усомниться в Филиппове?!

А беспощадный голос совести тут же спросил; «Но в Якире, которого ты тоже знал, все-таки усомнился? Филиппов арестован теми же органами. Почему теперь ты не веришь? Или опять думаешь, что тут ошибка? Оставь! Точно так же ты думал, услышав первый раз об аресте Якира!»

Окончательно растерявшись, решил позвонить еще одному другу — Н. С. Фрумкину. Он встречал меня на пристани и показался почему-то очень грустным. Фрумкин ответил, что зайдет ко мне сам, а от телефонного разговора уклонился.

Больше я не подходил к аппарату.

Теперь догадался, почему по знакомым телефонам отвечали чужие люди.

Значит, правдой оказались темные слухи о массовых арестах на моей родине. Слухи, доходившие даже до Испании!

Я вышел из гостиницы и долго бродил по городу, пытаюсь осмыслить происходящее.

Мозг сверлила неотступная мысль: «Завтра надо ехать в Москву. Какие новости ожидают там?»

В номер вернулся поздно ночью: не хотел оставаться один на один с черным телефонным аппаратом.

Земля вновь уходила у меня из-под ног...

...На следующий день, ожидая поезд, я все же не выдержал и заглянул в комендатуру Московского вокзала. Чернюгов запер за мной дверь и шепотом сообщил, что летом арестованы начальник военных сообщений Красной Армии Аппога и начальник военных сообщений Ленинградского округа комбриг Картаев.

— Враги народа! — испуганно поведал Чернюгов. — А Филиппов был пособником Картаева.

Я видел — Чернюгов горит желанием сообщить еще какие-то «детали», но почувствовал, что с меня довольно...

Не смог уснуть до самого Калинина.

Невыспавшийся, разбитый физически и нравственно, докладывал я московскому начальству о своем возвращении.

Меня поместили в гостиницу, сказали, что вызовут. Я принял пирамидон и завалился спать.

Проснулся под вечер. В гостиничных коридорах стояла гнетущая тишина. И вдруг меня осенило: надо немедленно пойти к моему бывшему киевскому начальнику, близкому другу Ивану Георгиевичу Захарову. Вот с кем можно

поделиться тревогой, вот кто разрешит сомнения!

Я сунул ключ горничной, сбежал по лестнице, сел в подвернувшееся такси и поехал к Захарову, прихватив по дороге бутылку вина и торт.

Но в доме друга застал горе. Жена его встретила меня заплаканная и в трауре. Страшную историю рассказала она. Последние недели Иван Георгиевич жил в бесконечной тревоге, ожидая самого дурного. Арестовали двух его прямых начальников, с которыми он и жена были дружны семьями. Захаров пугался каждого шороха, стал замкнутым и раздражительным.

Однажды под утро раздался торопливый и настойчивый стук в дверь. Иван Георгиевич привстал, но тут же, охнув, потерял сознание. Умер он от разрыва сердца. А как оказалось, приходил всего-навсего дежурный по части со срочной служебной телефонограммой...

Не помню, сколько часов бесцельно бродил я по городу. Очнулся, увидев, что стою перед домом еще одного давнишнего товарища, с которым мы прослужили в одном полку восемь лет.

С трудом поднимался на пятый этаж старого дома, опасаясь, что и здесь застану слезы, страстно желая, чтобы мой друг оказался жив и здоров.

Позвонил. В квартире послышались тихие шаги. Они замерли у двери. Минуту спустя донесся приглушенный голос:

— Кто там?

— Свои! — радостно крикнул я.

— Кто свои?

— Да это я, Старинов!

— Старинов?.. А!.. Подожди, Илья, сейчас открою.

Залязгали замки. Один. Другой. Третий. Дверь наконец приотворилась.

— Входи, — сказал товарищ, опасливо заглядывая за мою спину.

Закрыв дверь, он облегченно вздохнул, протянул руку, улыбнулся. Но лицо его тут же вытянулось.

— Ты?.. Ты откуда?

— Из спецкомандировки.

— А почему во всем заграничном?

— Да ведь я за границей и был. Еще не успел переодеться.

— Вот оно что!.. За границей?!

Мы топтались в передней. Мне не предлагали раздеться.

— Я что — не вовремя?

Мой товарищ внимательно разглядывал кончики своих комнатных туфель.

— Ты извини, Илья... Но знаешь, время такое... Между прочим, недавно арестовали наших однополчан. Ювко взяли, Лермонтова. А они в оппозициях не состояли... Всегда генеральную линию партии признавали...

Он опустил голову так, что почти уперся в грудь подбородком.

— Ясно, — сказал я. — В оппозиции не состояли, никуда не ездили... Извини!

Меня не удерживали. Дверь затворилась без стука. Спускаясь по лестнице, я чувствовал, что задыхаюсь. Вышел на тротуар.

— Илья! Подожди!

Застегивая на ходу шинель, товарищ догонял меня. У него было виноватое, несчастное лицо.

— Илья! — он судорожно схватил меня за руку. — Не сердись! Пойми!.. Если бы ты приехал с Дальнего Востока... А то бог знает откуда... Ведь я работаю с секретными документами... У меня во всех анкетах написано, что из близких никто за границей не был и не живет!.. Ты пойми!..

— Иди домой. Могут заметить, что мы разговариваем.

— Ты понимаешь?

— Иди!..

К ночи сильно похолодало. Улицы быстро пустели. Только в центре, возле кино и ресторанов, еще продолжалась обычная толчея. С рекламы, приложив руку к капитанской фуражке, весело улыбалась Любовь Орлова: в «Метрополе» шла «Волга-Волга».

Погиб Иван Георгиевич Захаров.

Лучший друг не пустил меня к себе...

Через три дня я был принят Маршалом Советского Союза К. Е. Ворошиловым. Пришел на прием вместе со старшим майором госбезопасности С. Г. Гендиным. Выслушав рассказ об Испании, о том, как я обучал бойцов специальных подразделений, Ворошилов поблагодарил за высокое понимание воинского долга.

— Вы достойны высокой награды, — сказал маршал. — Я считаю, товарищ комдив (так он называл Гендина), что Старинов заслужил и повышения в звании. Надо дать ему соответствующую большую работу по специальности.

Выйдя из-за стола, Ворошилов твердо пожал мне руку:

— Ждите назначения, товарищ Старинов!..

Прием у Народного комиссара обороны на первых порах успокоил и ободрил меня. Ведь вот нет за мной никаких грехов, никто мне их и не приписывает, даже благодарят за службу!

Однако получалось, что, успокаивая себя подобным образом, я как бы отрекался от старых товарищей, предавал память погибших, которые, возможно, не совершали приписанных им чудовищных злодеяний.

И опять приходила тоска. Опять росло душевное смятение.

Время шло. Меня никто и никуда не вызывал и никакой «большой работы» не предлагал.

Зато каждый новый день приносил нерадостные для меня известия.

Я навестил семью Константина Шинкаренко, бывшего командира полка легендарной бригады Котовского. Шинкаренко — один из моих друзей по партизанской школе в Киеве — в числе первых в республике был удостоен ордена Боевого Красного Знамени и награжден Почетным оружием. Оказалось, и Шинкаренко взяли.

От жены его узнал, что арестовано много друзей Кости — известных мне партизанских командиров, с которыми мы вместе закладывали скрытые базы на случай войны.

— Костя — честный человек. Ни с какими врагами народа он не был связан. Я написала товарищу Сталину. Добьюсь приема у товарища Ворошилова, — всхлипывая, твердила жена Шинкаренко.

Она ничего не добила. Константина Шинкаренко освободили и полностью реабилитировали только после смерти Сталина. Он вышел из лагерей в тяжелом состоянии. Сил хватило лишь на то, чтобы добраться до родной Мол-

давии. Здесь он скоропостижно скончался...

Между тем надо мной тоже сгустились тучи.

Я получил наконец вызов. Но не к Наркому обороны. Меня вызывали в НКВД.

Свет, как положено, бьет мне в глаза, а лицо следователя остается в тени.

— Не волнуйтесь, — слышу я. — Мы вызвали вас в качестве свидетеля. От вас требуется одно — дать чистосердечные показания. Это в интересах государства и в ваших собственных.

— Но что я должен показывать?

— Не догадываетесь?

— Нет.

— Хорошо. Мы вам поможем...

Я не помню точной последовательности допроса. «Мы» все время выпытывал, где я служил, насколько был близок с тем или иным человеком, часто ли встречался с М. П. Железняковым, А. И. Бааром.

Отвечал я без обиняков. Да, названных людей знал. Да, задания их выполнял. Как же иначе? Это были приказы прямых начальников.

— Так. А для чего вы закладывали тайные партизанские базы в тридцати — ста километрах от границы? Для чего готовили вдали от границы так называемые партизанские отряды?

Я понял, куда клонит следователь. Ответ я сбивчиво, уклончиво, и сразу из «свидетеля» превращусь в обвиняемого. Он хочет, чтобы я сам признал преступность проводившихся в тридцатые годы мероприятий, чтобы опорочил бывших начальников.

Из рассказов жен арестованных товарищей я уже знал, что подготовленных нами партизан обвиняют в двух вещах: «в неверии в мощь социалистического государства» и «в подготовке к враждебной деятельности в тылу советских армий».

Следователь смотрел на меня почти ласково. Щука, наверное, тоже не испытывает особой злобы к карасю, которого считает обреченным...

— Базы действительно закладывались и в ста километрах от границы. Но ведь укрепленные районы строились тоже в ста и более километрах, а стоят они сотни миллионов или миллиарды рублей!

— Укрепрайоны вы оставьте! Они ни при чем.

— Как ни при чем? Если затрачиваются такие средства на строительство, стало быть, допускается выход противника на эти рубежи. А коли так, логично готовить и все необходимое для развертывания партизанской борьбы между границей и укрепрайонами... Я готовил партизан для борьбы с врагом. Мероприятия, о которых идет речь, проводились в интересах защиты Родины.

Я коротко рассказываю о допросе, длившемся часа три. И вспоминать о нем противно, и не так уж важны подробности. Следователь, видимо, не имел санкции на мой арест. Отодвинув бумаги и подписывая мне пропуск, он сказал:

— На сегодня мы расстанемся. Учитывая ваши боевые заслуги, мы вас не тронем. Но... возможно, мы еще встретимся. И вы подумайте. Советую вам написать все, что знаете об участниках дел Якира, Баара, Железнякова и прочей компании. Ничего не скрывайте. Этим вы упростите свое положение...

После «беседы» в НКВД я понял: все заблаговременно подготовленные на случай войны базы и партизанские отряды ликвидированы, кадры партизан уничтожены, а отряды ликвидированы, а всякого, кто имел отношение к этому делу, рассматривают как врага народа или пособника врагов народа.

Меня охватил такой страх, какого я не испытывал ни на фронте, ни в тылу врага. На войне я рисковал собой, а тут под удар ставились все близкие люди, все святое.

Я видел только один выход — обратиться к Наркому обороны, рассказать о своих сомнениях, просить защиты от необоснованных обвинений.

Ворошилов принял меня. Но на этот раз он держался сурово и замкнуто.

— В чем дело? О чем вы хотели сообщить?

Волнуясь, сбиваясь, рассказал маршалу о своих переживаниях.

— Товарищ Народный комиссар, ведь мы выполняли задание Центрального Комитета по подготовке к партизанской борьбе, а склады оружия готовились по вашему указанию.

Нарком обороны смутился.

— Вы не волнуйтесь...

Потом, помешкав, взял телефонную трубку:

— Здравствуйте, Николай Иванович... Да вот... У меня сидит недавно прибывший из Испании некий Старинов. Его допрашивали о выполнении заданий Якира и Берзина по подготовке банд и закладке для них оружия...

Пауза. В трубке слышится неестественно тонкий голос. Снова говорит Ворошилов:

— Конечно, он выполнял задания врагов народа. Но он был маленьким человеком, мог и не знать сути дела.

Опять пауза. И опять отвечает маршал:

— Но он отличился в Испании и в значительной мере искупил свою вину. Оставьте его в покое. Сами примем соответствующие меры...

Не собираюсь комментировать эту сцену...

Буквально на третий день после посещения К. Е. Ворошилова меня вызвал начальник военных сообщений Красной Армии комбриг А. Е. Крюков.

Предстоящая встреча волновала.

С Александром Евдокимовичем Крюковым нас связывала долголетняя совместная служба в 4-м Коростенском Краснознаменном железнодорожном полку.

Как встретит он меня?

Поймет ли, что все мои помыслы давно отданы партизанам?

Обрадуется ли моему возвращению в железнодорожные войска после столь длительного перерыва?

Вряд ли!

Волнуясь, я предполагал многое. Но того, что случилось, предвидеть никак не мог.

Комбриг принял меня в присутствии комиссара управления товарища Барина.

— Очень хорошо! — широко улыбаясь, сказал Крюков. — Блудный сын вернулся! Что ж? Будем решать вопрос о вашем назначении.

Выдержав паузу и многозначительно поглядев на комиссара, Крюков уже

без тени улыбки сказал:

— Мы посоветовались с товарищем Бариновым и решили предложить вам должность начальника военных сообщений округа.

На минуту я онемел и только шевелил губами. Наконец речь вернулась ко мне:

— Разрешите, товарищ комбриг! Какой же из меня начальник военных сообщений округа?! Я командир железнодорожных войск, подрывник, готовил партизан, а в органы военных сообщений после академии попал не по своей воле... Не по силам мне работа, которую вы предлагаете.

— Это не ответ, товарищ военинженер третьего ранга! — вмешался Баринов. — Вот товарищ комбриг (он наклонил голову в сторону Крюкова), он всего полгода назад командовал железнодорожным полком, а теперь — начальник военных сообщений всей Красной Армии. И ничего, справляется! Кадров не хватает, и мы обязаны выдвигать на руководящую работу молодых командиров.

Последнюю фразу Баринов произнес торжественно, как бы упрекая меня в малодушии.

Я оказался в глупейшем положении. С одной стороны, должность начальника военных сообщений округа — невероятное, головокружительное повышение. С другой — мне было абсолютно ясно — не справлюсь я с такой работой, не отвечает она ни моим знаниям, ни склонностям. А что может быть хуже и для подчиненных и для самого командира, когда он не на месте?!

— О чем задумались? — озабоченно спросил комбриг. — В вашем подчинении будут два железнодорожных полка. Руководя службой военных сообщений на двух дорогах, вы сможете жить в большом городе.

— Если уж нельзя иначе, прошу — назначьте меня лучше командиром одного из железнодорожных полков! — взмолился я.

— Хватит скромничать, Илья Григорьевич! — покачал головой Крюков. — Многие ваши однокашники уже начальники дорог, начальники военных сообщений округов, а вы — «полк»! Полками у нас командуют, выпускники училищ не двадцать второго, а тридцатого года. Они были командирами взводов в ту пору, как мы с вами ротами командовали.

— Да поймите, не гожусь я на такую роль!

— И что вы заладили «не гожусь, не гожусь»... Хорошо. Раз так упрямитесь, не станем говорить об округе. Но и полк не пройдет! Самое меньшее, что мы можем вам предложить, — должность начальника Центрального научно-испытательного полигона. Устраивает? Но учтите — полигон вдали от больших городов, в лесах...

Из двух зол следует выбирать меньшее. Подумав, я согласился стать начальником полигона.

— Так и запишем, — обрадовался Крюков.

Мы с Бариновым встали и направились к двери.

— Да, минуточку, товарищ Старинов! — позвал Крюков. — Задержитесь.

Мы остались одни.

— Зайди вечером ко мне домой, — по старинке на «ты» предложил Александр Евдокимович. — Я ж тебя сто лет не видел. И супруга моя обрадуется, и сыновья... Ты-то еще не женился?

— Да как тебе сказать... почти...

Глаза Крюкова округлились:

— Это событие! Кто же она, что тебя приручила?

— Познакомлю, Александр Евдокимович.

Крюков Махнул рукой:

— Знаю я тебя. В последний миг сбежишь от невесты, как Подколесин. Ладно... Приходи, ждем!..

Вечером за семейным столом у Крюковых мы с Александром Евдокимовичем разговорились по душам. Сначала речь шла об Испании. Но незаметно перешли на другое. Выпили несколько рюмок, и Крюков напрямик спросил:

— Ты что думаешь? Легко мне в роли начальника военных сообщений Красной Армии? Эх, Илья! Ты же знаешь, я войсковик и никакого опыта работы в органах военных сообщений не имею. Кругом сплошные подводные камни — того и гляди, разобьешься. А тут то один, то другой оказывается врагом народа, кадры редуют. Вот и кручусь как белка в колесе. Пожалуй, ты хорошо сделал, что выбрал полигон. Мы туда направляем группу выпускников академии: мостовиков, механизаторов. Можно будет развернуться.

— Но полигон — это целый город в лесу со своим большим хозяйством. Боюсь, это хозяйство заест меня! — признался я.

— Не заест! На то имеются заместители и помощники. Они будут хозяйством заправлять, а ты занимайся техникой и своими минами. Мешать тебе никто не будет. Сейчас на полигоне пришлось снять много научных тем, сам понимаешь почему. Ты найдешь там и необходимые средства и время.

Невесело говорил все это Крюков. Явное беспокойство, горечь, недоумение и, как мне казалось, тревога звучали в его голосе, читались в глазах.

Не столько слова, сколько тон, каким они были сказаны, толкнули меня на откровенность. В тот вечер мучительные сомнения с небывалой силой навалились на меня. Я отодвинул рюмку.

— Александр Евдокимович! Как так случилось, что двадцать лет люди Служили Советской власти и вдруг продались? И — какие люди! Те, кому государство дало все, абсолютно все! И вот они — враги народа. А кто они? Буржуи? Так нет. Первые красногвардейцы, краскомы. На что они надеялись, когда продавались? Ну на что?.. Да что нам с тобой хитрить? Многих из них мы знали по фронту, по работе...

Александр Евдокимович тяжело вздохнул:

— Молчи. Илья! Товарищ Сталин сам занимается кадрами, он взял на себя эту заботу, и он не даст в обиду невиновных. Не случайно он выдвинул руководителем НКВД Ежова... Разве не так? Что ты молчишь, как каменный? Давай лучше выпьем! — все так же невесело предложил Александр Евдокимович и добавил: — Ведь мы с тобой никого не хороним...

Крюков наклонился над столом, и я заметил на его лице слезы.

Он взял меня за руку:

— В свое время ты спас моего сына... Тебе я доверю одну семейную тайну. В конце прошлого года уволили из Красной Армии моего брата подполковника Андрея Крюкова. Я уверен, это ошибка. Он честный человек. Убежден, что разберутся и его восстановят... А каково сейчас мне?..

Я был поражен откровенностью Александра Евдокимовича и не смог сразу ответить.

Крюков первым пришел в себя.

— Выпьем, Илья, за здоровье товарища Сталина. Он не даст в обиду невинных!

...Семнадцатого февраля 1938 года мне присвоили звание полковника, а двадцатого марта того же года, то есть четыре месяца спустя после возвращения из Испании, назначили начальником Центрального научно-испытательного железнодорожного полигона РККА.

Первым человеком, которому я сообщил о переменах в судьбе, была мой верный друг Анна Обручева.

На полигон я попал не сразу. Прежде чем отправляться к новому месту службы, мне предстояло побывать на лечении в Кисловодске.

Перед отъездом (я все еще жил в гостинице) решил занести вещи к старинному знакомому Евсевию Карповичу Афонько, с которым еще в 1926–1930 годах мы готовили к заграждению пограничные участки Украины.

Начиная с 1932 года Евсей Карпович работал на Метрострое. Он по-прежнему был таким же бодрым силачом, каким я знал его по армии.

— Оставляй, оставляй свое барахло! — согласился Афонько. — Приедешь — заберешь. Только чур! Даром хранить не стану. С тебя бутылка сухого кавказского вина.

Вернувшись с курорта, я первым делом помчался к Евсевию Карповичу.

Уронив руки вдоль исхудавшего тела, жена Афонько молча стояла в открытой двери.

— Неужели? — только и выговорил я.

С Евсевием Карповичем мы свиделись только спустя двадцать лет. Я принес бутылку сухого кавказского вина.

— Немного поздновато, — пошутил Афонько. — Однако принимаю. Ты же мой должник!

Меня поразил и бодрый тон и вид друга. Он почти не изменился за эти годы. Глаза смотрели молодо, ладонь казалась железной.

— Что? Дивишься? Хочешь, мизинцем двухпудовую гирию подниму? — рассмехался Афонько. — Нет, брат, я лагерям не поддаюсь!

Раскупорили заветную бутылку.

— Пережито, Илья, столько, что лучше не вспоминать... Но я вспоминаю. Такое забыть нельзя!

Многое вытерпел в заключении Евсей Карпович.

Первому негодяю-следователю, который занес на него руку, Афонько дал сдачи по-партизански, одним ударом сбив его с ног.

За это получил двадцать суток одиночного карцера. Но он вынес и ледяной карцер и последующие допросы. Сидя в Лефортовской тюрьме, где следственной частью НКВД официально разрешались истязания арестованных, Евсей Карпович каждые десять дней (что тоже было разрешено) писал: «Дорогой Иосиф Виссарионович, арестованных пытаются, они не выдерживают, клеветают на себя, потом от них требуют назвать сообщников и невыдержавшие клеветают на своих знакомых. Последние арестовываются и тоже не выдерживают и «все подтверждают». Кому это нужно?..»

И за такие письма его не наказывали!

Никакие пытки и издевательства не вырвали у Афонько ложных признаний. И хотя полностью отсутствовало даже подобие состава преступления, его

бросили без суда на восемь лет в лагерь «за шпионаж в пользу неизвестного государства».

— А потом, брат, перестал я писать «великому вождю», — с горечью признался Евсей Карпович. — Перестал, потому что убедился: Сталину обо всем известно...

В ЛЕСАХ

В конце апреля 1938 года я прибыл к новому месту, службы и тут же мне напомнили: бывшего начальника полигона полковника Чумака арестовали как врага народа. Правда, в чем состоит его преступление, никто не знал.

— Большую перестройку произвели после Чумака?

— Гм... Вот дом его с верандой передали детскому саду...

Начал я знакомиться с работой полигона, с тематикой испытаний техники железнодорожных войск, с программой учений. Нет, домиком с верандой дело не ограничилось! С тревогой обнаружил: прекращены работы по ряду образцов новой техники. Изобретатели и авторы этих конструкций тоже объявлены врагами народа. Их имена вычеркнуты из программы работ. Часто зачеркиваются и предложенные ими образцы новой техники...

Логика никакой. Но, как говорится, куда пойдешь и кому скажешь? Видимо, на полигоне происходило то же, что и везде.

Вспоминая о том времени, я спрашиваю себя: не потому ли в предвоенные годы многие замечательные образцы новой техники доводились черепашьими темпами?

Не потому ли в начале войны с гитлеровской Германией на вооружении Красной Армии не оказалось многих отличных видов оружия, почти готового к серийному производству?

И отвечаю себе: да, именно поэтому!

Правда, не всех ценных специалистов посылали рыть золото на Колыму или гатить болота в Сибири. Иным разрешали работать и в заключении. Эти «счастливчики» доводили проекты до совершенства в камерах-одиночках, оторванные от мира. Над ними висела угроза, что любая ошибка будет признана вредительством, всякая неудача вызовет ухудшение тюремного режима. Трудно было получать нужную научную информацию, узнавать последние достижения науки и техники... Что и говорить, обстановка далеко не творческая!

На полигоны и испытательные площадки репрессированных специалистов доставляли под усиленной охраной. Об их прибытии сообщалось только начальнику полигона, комиссару и уполномоченному особого отдела.

Помню, весной или летом 1939 года к нам привезли подобным образом какого-то авиационного конструктора. Фамилии его никто не знал. Вагон с арестованным и охраной подали на ветку за полигон. К этому времени на небольшой лесной поляне сотрудники органов безопасности уже поставили палатки, окружив их двойным высоким забором из колючей проволоки.

Лишь в 1943 году, встретившись с конструктором замечательного пикирующего бомбардировщика В. М. Петляковым, я узнал, что именно он был моим «гостем» на полигоне...

Но и в тех трудных условиях коллектив полигона работал слаженно и дружно.

Большая заслуга в этом принадлежала комиссару Александру Васильевичу Денисову — человеку, умевшему глубоко вникать в дело и спланировать людей.

Однако и наш дружный коллектив тоже порой лихорадило.

Вскоре после моего приезда обвинили в связях с троцкистами моего заместителя по материально-техническому обеспечению Дмитрия Ивановича Воробьева. Единственным поводом к этому явилась дружба Воробьева с главным инженером строительства Саратовского железнодорожного моста полковником Н. М. Ипатовым, который незадолго перед тем был объявлен врагом народа.

На партийном собрании инженер Г1. И. Марцинкевич и помощник Воробьева кавалер ордена Боевого Красного Знамени В. Н. Никитин пытались защитить Дмитрия Ивановича. Но нашлись и недоброжелатели. Воробьева исключили из партии.

Вскоре на посту Наркома внутренних дел Ежова сменил Берия. Начались репрессии в самих органах НКВД. Там стало не до Воробьевых. Через девять месяцев Дмитрию Ивановичу вернули партийный билет...

Нависла угроза и над Александром Евдокимовичем Крюковым. Из отдела кадров Генштаба ко мне поступила просьба дать развернутую партийную характеристику на члена ВКП(б) А. Е. Крюкова, обязательно указав его поведение во время дискуссий.

Я написал самый положительный отзыв.

Александр Евдокимович уцелел, хотя в сентябре 1939 года его и освободили от занимаемой должности.

На полигон в ту пору то и дело приезжали различные комиссии и отдельные работники от начальника Управления военных сообщений РККА. Все это были новички, попавшие в центральный аппарат в 1937–1938 годах. Как правило, они не имели не только опыта, но зачастую и необходимых знаний.

К чести многих приезжавших, должен сказать: они понимали, что не могут ничем нам помочь и ни во что не вмешивались.

Однако встречались и иные. Эти «инспекторы» считали прямым долгом хоть чем-то проявить себя. По уровню образования вмешаться они могли только в дела административные и потому заполняли свои акты и докладные записки сведениями о том, когда и кто из работников полигона опоздал на службу (того, что у нас часто работали до глубокой ночи, они не замечали!), какие объекты слабо охраняются и т. п.

Впрочем, нельзя осуждать этих выдвигенцев. Сами они не просились в центральный аппарат, многие искренне переживали двусмысленность своего положения, упорно учились и уже в годы войны вполне освоились с работой.

Общее наше несчастье заключалось в том, что почти сразу сошли со сцены наиболее опытные кадры, нарушалась преемственность в их смене. Всю глубину этого ничем не оправдываемого бедствия мы постигли лишь после. XX съезда партии. Но народ чуял недоброе уже и в годы репрессий.

Помню такой случай. Служил на полигоне пожарник. Был он смел, но до предела бесхитроsten. Любил этот рыцарь огня и лишнюю рюмку пропустить. И вот однажды, философствуя в кругу собутыльников, задал наш пожарник глубокомысленный вопрос:

— А что, братцы? Вот мы нынче Ежова в депутаты двинули. А вдруг он окажется таким же врагом, как Ягода?

Пожарник не сразу уразумел, почему внезапно остался в одиночестве. А поняв, покрылся холодным потом.

О происшествии доложили комиссару полигона. Денисов пошел на большой риск, приказав немедленно уволить пожарника. Беднягу спасли этим от неминуемого ареста.

А ведь пожарник-то оказался прав!

Еще перед отъездом на полигон я многого наслышался о тамошних лесах, о бесчисленных рыбных озерах.

Все рассказы оказались сущей правдой. Край пришелся мне по душе. Но самым приятным сюрпризом для меня и особой достопримечательностью полигона оказалось здешнее железнодорожное кольцо.

Это кольцо длиной всего около восемнадцати километров было разделено на три перегона, где мы могли «разрушать» и «восстанавливать» пути и мосты, устраивать «крушения».

Обязанности начальника полигона весьма обширны. Но все же я смог и здесь отдавать много времени и сил вопросам минирования путей сообщения, разработке конструкций новых мин.

Строительство и восстановление железнодорожных путей проводилось по всей стране. Но там, конечно, войска не занимались минированием. Поэтому изучение мин, их испытания, выработка тактики минирования приобретали особое значение на полигоне.

В 1938–1939 годах мы широко испытывали противопоездные мины и отрабатывали устройство заграждений па железных дорогах с массовым применением мин замедленного действия.

Создали экспериментальную мастерскую. С помощью энтузиастов нового дела — А. А. Скворцова, А. М. Цаболова и П. И. Марцинкевича — мне удалось изготовить опытные образцы противопоездных мин замедленного и мгновенного действия. Выглядели они довольно примитивно, но работать работали.

Одновременно на полигоне проходили испытания различных буров для установки мин на глубину более 50–70 сантиметров. Уже на осенних учениях 1938 года работники нашего полигона убедительно доказали, что при наличии буров диаметром 20–25 сантиметров можно успешно и быстро устанавливать противопоездные мины на двухметровой глубине.

Характерно, что и при массовой установке мин в дневное время, даже при наблюдении «врага» за минированием с расстояния до 200 метров, минеры научились работать столь умело, что другие не менее опытные их товарищи не могли обнаружить более 10–15 % установленных мин. При ночном же минировании не удавалось обнаружить и 10 % мин, если утром проводилась их дополнительная маскировка. Правда, так было до тех пор, пока поиски велись с помощью щупов и миноискателей.

Когда же «противник» начал скальпировать полотно[15], то команды разминирования стали находить 80–90 % установленных мин. Это заставило нас разработать особые методы минирования. Благодаря им даже скальпирование не позволяло обнаружить и половины мин, несмотря на огромную затрату «противником» сил и средств. Совершенно не поддавались разминированию мины, установленные перед наступлением морозов и рассчитанные на действие после замерзания грунта.

Днем и ночью во все времена года мы систематически вели свои опыты. Эту работу выполняли отдельная рота полигона и железнодорожные части, проводившие у нас учения.

Я хорошо понимал, что войскам и партизанам нужны надежные в действии, удобные и безопасные в транспортировке и установке, неизвлекаемые для противника, годные для длительного хранения в сложных условиях инженерные мины. При этом по возможности дешевые в производстве!

Коллектив научных работников полигона участвовал также в написании нового Наставления и Положения по устройству и преодолению заграждений на железных дорогах. В этих документах уже учитывался опыт применения мин в Испании и брались в расчет результаты учений на полигоне.

Работа была кропотливой и трудоемкой. Товарищи по полигону шутили, что приходится брать в пример Льва Толстого, переписывавшего свои рукописи по многу раз. Но как бы то ни было, Положение оказалось изданным еще в марте 1941 года, а Наставление уже в начале войны с гитлеровской Германией.

Помимо этого мне за полтора года удалось написать диссертацию на тему «Минирование железных дорог». В ней доказывалось, что оставляемые врагу участки железных дорог можно выводить из строя на срок до шести месяцев и быстро восстанавливать после обратного занятия территории нашими войсками.

На затерянном в лесах полигоне мы работали упорно и много не из простой «любви к искусству». Радио и газеты приносили и в нашу глухомань все новые тревожные вести.

В июле 1938 года японские самураи попытались вторгнуться на нашу территорию в районе озера Хасан.

Всего месяц спустя позорный мюнхенский стовор фактически развязал руки Гитлеру для действий на востоке, и Германия немедленно оккупировала пограничные районы Чехословакии.

5 марта 1939 года контрреволюционные заговорщики захватили власть в сражавшемся из последних сил Мадриде, а 28 марта сдали Мадрид франкистам и интервентам. Испанская республика была задущена.

В тот день у меня все валилось из рук.

Я вспоминал испанских товарищей. Вспоминал последнюю поездку с Висенте к французской границе. Переговорив с французским жандармом, сунув ему деньги и пачку сигарет, мой шофер довез меня до маленького городка Перпиньяна. Отсюда я должен был ехать до Парижа уже поездом.

Тяжелы были последние минуты прощания с боевым другом.

— Ничего, Рудольф, — сжимая мою руку, сказал Висенте. — Если нас не предадут, мы победим...

И вот их предали.

Какие муки ждут многострадальный испанский народ!

А за путчем в Мадриде последовали нападение Италии на Албанию, наглое вторжение Японии на территорию МНР у Халхин-Гола.

Европу и Азию охватывал пожар войны.

Мы жили в непрестанном ожидании каких-то решающих событий.

Так начался жаркий, душный, без единого дождичка, август.

Сосновые леса вокруг полигона сочились смолой. Пересохли ручейки и бо-

лотные мочежинки. По ночам громыхал далекий гром, но под утро выцветшее от зноя небо оставалось таким же белесым, как накануне. Начались лесные пожары.

1 сентября Германия напала на Польшу.

Внеочередная сессия Верховного Совета СССР приняла закон о всеобщей воинской обязанности. А 17 сентября Красная Армия выступила на защиту жизни и имущества населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Этот решительный шаг обрадовал нас. Казалось, мы убедительно демонстрируем Германии, что не намерены мириться с ее агрессивными действиями.

НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ

30 ноября 1939 года началась советско-финляндская война. Меня командировали в Ленинград.

При начальнике военных сообщений ЛВО создавалась специальная группа из семи человек, в задачу которой входило организовать в широких масштабах разминирование дорог. Меня назначили старшим.

Финны не жалели мин. Некоторые из их минных устройств оказались довольно хитроумными.

Мы сразу столкнулись с минами-сюрпризами самых различных видов, с противопехотными минами, с неизвестной нам металлической противотанковой миной, которая, впрочем, взрывалась иногда и от тяжести человека.

Как ее обезвредить? Тут же, не сходя с места?

Во взрывателе мины и вокруг него наверняка имеется порошковый или прессованный тол. Плавленый тол не страшен. А вот прессованный... Значит, надо расплавить и прессованный тол, чтобы начать изучение неизвестных нам образцов мин.

Отыскиваем кухонный котел и укладываем в него найденные мины. Подвешиваем свою «кастрюлю» в котле побольше, обнаруженном в баньке финских пограничников. Заливаем оба котла водой. Топим баньку, пока и в большом и в малом котлах не закипает вода.

— Теперь, пожалуй, можно, — говорю полковнику Владимиру Николаевичу Подозерову.

Согласно кивнув, Подозеров спрашивает, вместе ли мы будем работать.

Удивительно все-таки устроен человек! Я убежден, что сделали мы все правильно, что взорваться мины теперь не могут, и все же медлю с ответом. Медлю до тех пор, пока это не становится противно самому. Что это? Неверие в свои знания?!

Я осторожно выкручиваю взрыватель. Начинаются разборка и изучение вываренной мины.

А к вечеру штабная машинистка уже перепечатывает написанную нами первую инструкцию по обезвреживанию белофинских мин.

Но пока-то еще инструкция дойдет до войск! Пока-то бойцы изучат ее! А мины — всюду: на дорогах, мостах, железнодорожных путях, в покинутых домиках. Мины таятся под снегом, прячутся под кучами хвороста, под небрежно брошенными на обочине дорог досками, йод Колесами оставленных повозок, даже под трупами убитых вражеских солдат...

И мы выезжаем в передовые части, чтобы помогать бойцам не только сове-

тами, но и делом.

В один из первых дней войны я увидел на фронте командарма 1 ранга Г. И. Кулика.

Его машина нагнала застрявшую часть. Командарм вышел из автомобиля с недовольным видом:

— Почему остановились?

Из оказавшихся поблизости командиров я — старший. Докладываю, что впереди одна машина подорвалась на mine, а другая наскочила на мину при попытке объезда.

— Что ж, так и будете стоять?

Миноискателей в войсках тогда не было. Не оказалось поблизости и подрывника.

Пришлось мне вместе с адъютантом Военно-транспортной академии Н. Ф. Авраменко самому заняться разминированием.

Наскоро сделав трал-кошку, уничтожили противопехотные мины натяжного и нажимного действия. Потом нашли, благополучно извлекли и по просьбе Кулика тут же обезвредили уже знакомую нам противотанковую мину.

— Ишь какая сволочь! — бросил командарм, разглядывая ее.

Вскоре после этого я отправился на Кировский завод. Там должны были начать изготовление предложенного мной подвесного минного трала. При участии известного конструктора мощных танков «Героя Социалистического Труда Жозефа Яковлевича Котина пробный экземпляр трала удалось изготовить в течение суток. Но, к сожалению, первые испытания не дали ожидаемых результатов. Завод занялся совершенствованием трала, а я опять возвратился на фронт.

Это были очень трудные дни.

Лишь 30 декабря наши войска перешагнули рубеж прикрытия так называемой линии Маннергейма. Прорыв главной полосы финских укреплений начался 11 февраля и был завершён через двенадцать дней. Затем нужно было преодолеть ещё вторую полосу. Но мне уже не довелось участвовать в этом. Вражеский снайпер, подстергший группу минеров, всадил две пули в мою правую руку.

Подоспевшие санитары быстро наложили жгут, пустили в ход бинты. Однако рукав продолжал наполняться кровью.

Выбраться из района, где меня ранило, оказалось почти невозможно. Боевые друзья, обеспокоенные тем, что я теряю много крови, сообщили о моем состоянии начальнику штаба Ленинградского военного округа генералу Чибисову.

Из Ленинграда выслали транспортный самолет. К несчастью, он скапотировал при посадке на лесном озере. Летчик был ранен.

Тогда из округа прислали самолет уже за двумя пострадавшими. Он вовремя домчал нас до Ленинграда. Когда начали операцию, я уже терял сознание...

В госпитале пролежал два месяца.

В ГЛАВНОМ ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНОМ УПРАВЛЕНИИ

Госпитальные хирурги сделали, казалось бы, немыслимое, сохранив мне руку. Но по выходе из госпиталя я едва мог шевелить пальцами. Для того чтобы восстановилась деятельность нервов в кисти, требовалось длительное лечение у специалистов.

Проводить такое лечение на полигоне было невозможно. И друзья опять проявили трогательную заботу: я еще находился в отпуске, когда узнал о новом назначении. Меня утвердили начальником отдела заграждения и минирования Управления военно-инженерной подготовки Главного военно-инженерного управления РККА.

Новая должность волновала и радовала.

Опыт войны с белофиннами убедительно доказал, что даже самые примитивные, но умело поставленные мины способны наносить наступающим войскам ощутимый урон, затруднять использование путей сообщения и уцелевших зданий. Хотелось верить, что этот опыт положит конец недооценке минных заграждений, откроет большие перспективы в нашей работе.

С такими мыслями я и явился для представления к начальнику Главного военно-инженерного управления Красной Армии Герою Советского Союза генерал-майору Аркадию Федоровичу Хренову, с которым не раз встречался на Карельском перешейке. Невысокая его фигура часто появлялась тогда в самых гиблых местах.

Генерал встретил меня приветливой улыбкой:

— Гора с горой, как говорится... Садитесь, Илья Григорьевич. Потолкуем.

В июне 1940 года Инженерное управление Красной Армии начало переформировываться в Главное военно-инженерное управление. За незначительной, казалось бы, переменной в наименовании скрывался важный смысл. На плечи А. Ф. Хренова легла тяжелая забота о преодолении отставания наших инженерных войск в техническом оснащении и специальной подготовке.

А. Ф. Хренов хорошо знал цену минновзрывным заграждениям и, разрабатывая штаты ГВИУ, предусмотрел создание двух самостоятельных отделов: отдела заграждений и отдела электротехники. Однако нашлись люди, которые усмотрели в этом излишество. Вместо двух отделов, способных в короткий срок выполнить большой объем неотложных работ, был образован лишь один относительно небольшой отдел заграждения и минирования в составе Управления военно-инженерной подготовки. Его-то я и должен был возглавить.

Аркадий Федорович сразу поставил передо мной несколько конкретных задач. Но все они вытекали из одной главной — быстрее ликвидировать наше отставание в технике минирования и разминирования.

Работать с Аркадием Федоровичем было легко и приятно. Мы приступили к обновлению существовавших и созданию новых наставлений и инструкций, в том числе Положения по устройству оперативных заграждений. Утверждение этого документа Наркомом обороны позволяло сполна обеспечить войска минноподрывным имуществом и создать необходимые запасы его на складах.

Работа велась весьма интенсивно, но время — увы! — бежало еще быстрее. Международная обстановка все усложнялась.

Наша страна уже вплотную соприкасалась на западе с сильной военной машиной фашистской Германии, подмявшей Австрию, Польшу, Чехослова-

кию, Норвегию, Бельгию, Голландию, Данию, а потом и Францию. Союзница Германии — Италия — хозяйничала в Абиссинии. Угроза вторжения нависла над Англией.

Можно было ожидать, что все эти осложнения не застанут нас врасплох. Но, ознакомившись с подготовкой к устройству заграждений в приграничной полосе, я был просто ошеломлен. Даже то, что удалось сделать в этом отношении в 1926–1933 годах, оказалось фактически ликвидированным.

Не существовало больше складов с готовыми зарядами около важных охраняемых мостов и других объектов. Не было не только бригад, предназначенных для устройства и преодоления заграждений, но даже специальных батальонов. В железнодорожных и инженерных войсках остались лишь небольшие подрывные команды да роты спецтехники.

А ведь вопрос о создании специальных частей для устройства и преодоления минновзрывных заграждений, для нарушения работы вражеского тыла с помощью инженерных мин впервые ставился группой командиров 4-го железнодорожного полка еще в 1928 году! На Украине, например, к 1932 году имелось четыре специальных батальона, дислоцировавшихся на железнодорожных узлах в приграничной полосе. Были такие батальоны и в других округах.

В конце 1937 — начале 1938 года Инженерное управление разработало штаты специальных минноподрывных батальонов. Но в подготовке материалов участвовали работники Генерального штаба, которые, к несчастью, были вскоре после этого репрессированы. Проект похоронили.

Ульяновское училище особой техники — единственное учебное заведение, готовившее высококвалифицированных командиров для подразделений, оснащенных радиоуправляемыми минами, — было реорганизовано в училище связи.

С 1934 по 1940 год у вероятного противника резко возросло количество и улучшилось качество танков, а у нас инженерные противотанковые средства остались на уровне начала тридцатых годов.

Глупое создалось положение. В 1939 году, когда мы соприкасались со слабыми армиями относительно небольших капиталистических государств — панской Польшей, королевской Румынией, Эстонией, Латвией, Литвой, — наши границы действительно были на замке. А когда нашим соседом стала фашистская Германия, инженерные оборонительные сооружения вдоль прежней западной границы оказались заброшенными и частично даже демонтированными, а на новой границе строительство укрепрайонов только разворачивалось...

Перед войной с белофиннами руководство НКО явно недооценивало инженерные войска и роль Инженерного управления Красной Армии. О пренебрежительном отношении к инженерным войскам свидетельствует хотя бы такой почти анекдотический факт: о начале войны на Карельском перешейке начальник Инженерного управления генерал И. А. Петров узнал по телефону от начальника инженерных войск 7-й армии полковника А. Ф. Хренова. Правда, этот случай говорит и о другом — о пассивности генерала Петрова, о его слабых контактах с начальниками соответствующих отделов Генерального штаба. Но одно не исключает другого.

В 1940 году ситуация несколько изменилась. К инженерному обеспечению

боя и операции, а заодно и к инженерным войскам стали относиться с большим вниманием. Пользуясь этим, ГВИУ в самые сжатые сроки разработало тактико-технические требования на инженерные мины различного назначения и на мины-торпеды.

Напряженная работа Научно-исследовательского института инженерной техники, лабораторий и конструкторских бюро дала положительные результаты: появились опытные образцы вполне современных противопехотных и противотанковых мин.

Иначе обстояло с минами замедленного действия.

В истории войн редки случаи, когда новое боевое средство быстро признается и вводится в действие в большом количестве.

Зато часто бывает, что новое боевое средство, даже успешно примененное в ограниченном количестве, не раскрывает всех своих возможностей. Это позволяет маловерам и консерваторам относиться к нему скептически.

Так получилось и с МЗД. Они появились и были успешно применены еще в первую мировую войну. Но количество их исчислялось буквально единицами. Ясно, что при этом нельзя было выявить все возможности таких мин. И хотя советские минеры-энтузиасты создали весьма «умные» МЗД, серийное производство их налажено не было.

Маршал Кулик и некоторые другие руководители Наркомата обороны, распорядившиеся выделением средств и лимитов, принадлежали как раз к той категории лиц, которая примитивно толковала положение Полевого устава о том, что в случае агрессии империалистов «войну мы будем вести наступательно, перенеся ее на территорию противника».

Я уже говорил о существенных недостатках инженерной подготовки приграничной полосы к отражению вражеского нападения. Пытаясь выправить положение, начальник ГВИУ предложил использовать старые приграничные крепости и создать зоны заграждения. Но это предложение так и не приняли. Ни к чему, мол!

Помнится, я обратился к начальнику Управления военно-инженерной подготовки ГВИУ полковнику М. А. Нагорному. Речь шла об осуществлении мероприятий по всесторонней подготовке заграждений на большой глубине вдоль новой границы.

— Прошу вас, никому ни слова об этом, — озабоченно сказал Михаил Александрович. — Разве вы не знаете, что организация складов минноподрывного имущества и подрывных команд вдоль границы связана с именами Тухачевского, Уборевича, Якира и других им подобных?

Но и после этого внушения я не мог молчать. Решил обратиться к А. Ф. Хренову. Аркадий Федорович, как обычно, выслушал меня внимательно. Но по мере моего доклада и на его лицо не раз набегала тень тревоги.

Из беседы я понял: начальник ГВИУ разделяет мои опасения, но не все, к сожалению, зависит только от него...

Осенью 1940 года обстановка на западной границе стала еще более тревожной. 27 сентября был заключен Берлинский пакт между Германией, Италией и Японией.

12 октября гитлеровцы вступили в Румынию. Теперь от Балтийского до Черного моря перед нашими войсками стояли немецко-фашистские полчища. Во второй половине ноября Румыния, Венгрия и Словакия присоединились к

Берлинскому пакту. К 12 декабря главное командование сухопутных войск Германии разработало директиву № 21 — пресловутый план «Барбаросса» (план войны против СССР), а 18 декабря 1940 года германское правительство утвердило эту директиву.

О тайных планах гитлеровцев мы узнали, конечно, гораздо позже. Однако уже тогда по всему было видно, что гитлеровская Германия готовит нападение на нашу Родину: фашистские самолеты систематически нарушали наше воздушное пространство, в огромном количестве засылались шпионы, усилилась переброска немецких войск на Восток.

Но укрепленные районы на старых границах по-прежнему разоружались, строительство на новых границах велось черепашьими темпами. Столь же медленно у границы возводились противотанковые и противопехотные препятствия из-за недостатка средств заграждения.

В начале зимы 1940 года во дворе Второго дома НКО я столкнулся с Г. И. Куликом. Он недавно получил звание маршала и был в то время заместителем Наркома обороны.

Кулик узнал меня:

— А-а-а... Сапер! Чего здесь?

Нельзя было упускать подвернувшийся случай.

— Работаю в ГВИУ, товарищ Маршал Советского Союза... Все о минах хлопочем. Хотел и с вами поговорить...

— Зайди...

В кабинете я напомнил заместителю Наркома о случае на заминированной дороге в Финляндии.

— Вы тогда не дождались разминирования, товарищ маршал... Мины испортили всем много крови. А выходит, их недооценивают у нас и теперь!

Откинувшись в кресле, Кулик укоризненно покачал головой и, хитро улыбаясь, погрозил мне пальцем:

— Но! Но! Нс в ту сторону гнешь, сапер! Мины твои нужны, никто не спорит. Да не так уж много их нужно, как вы там у Хренова подсчитываете.

— Но, товарищ маршал...

— Ты погоди!.. Повторяю, не так много их нужно. И не такие сложные, как вы предлагаете. Ну, были у белофиннов сложные мины, факт. Так ведь и простые имелись? Зачем же непременно выдумывать что-то сложнее финских мин? Прямо говорю тебе, сапер: не выйдет у вас это дело. Мины — мощная штука, но это средство для слабых, для тех, кто обороняется. А мы — сильные. Нам не так мины нужны, как средства разминирования. Миноискатели давай, сапер, тралы давай!

— Товарищ маршал, но ведь самые сильные армии не могут всегда и всюду наступать. А в обороне мины — могучее средство! Годятся они и для прикрытия флангов наступающих частей. Для военно-воздушных десантов — просто необходимы. А для партизан? В тылу врага мины уже не оборонительное, а наступательное оружие. Они — те же торпеды...

Кулик даже крякнул и замахал рукой:

— Но! Но! Лекцию читаешь! Ваша должность, вижу, заставляет крутить мозгами не в ту сторону... Не так называли ваш отдел, как надо. Надо бы его, в соответствии с нашей военной доктриной, назвать отделом разграждения и разминирования. Тогда бы и вы думали иначе. А то затвердили: оборона, обо-

рона... Хватит! Кстати, есть тут у меня идея пиротехнического минного трала, да времени нет оформить. Вы вот возьмите и подумайте над этим. Больше будет пользы, чем с жалобами ходить.

Нахмурился, Кулик нагнулся над столом, придвинул какие-то бумаги. Стало ясно — разговор окончен.

По указанию генерала Хренова были сделаны расчеты потребности войск в инженерных минах всех назначений.

Расчеты мы вели, исходя из сущности советской военной доктрины, выраженной в проекте Полевого устава 1939 года.

Подсчеты показали, что войскам уже в первые дни войны будут нужны миллионы противотанковых и противопехотных мин, сотни тысяч других инженерных мин.

Но даже самые скромные потребности войск в минах руководители Наркомата обороны считали завышенными, фантастическими.

Зная все это, видя, что предложения ГВИУ не встречают поддержки в высших военных инстанциях, я решил обратиться в ЦК ВКП(б).

Посоветовался с товарищами по работе. Генерал Хренов не возражал. Мой непосредственный начальник — полковник М. А. Нагорный — тоже. И я послал в ЦК ВКП(б) письмо, в котором доказывал, что инженерные мины нужны не только в обороне, но и в наступлении, а также постарался раскрыть значение специальных инженерных частей для устройства и преодоления различных заграждений.

В конце концов доклад А. Ф. Хренова, а возможно, и это мое письмо несколько сдвинули дело с мертвой точки. Нам предложили проверить расчетные данные количества мин, потребных на первые шесть месяцев боевых действий.

Вместо установленных маршалом Куликом крохотных норм (2500–3000 противотанковых и 3000–4000 противопехотных мин на дивизию) были приняты наши расчетные нормы: 14 000—15 000 противотанковых и 18 000—20 000 противопехотных мин на дивизию. Исходя из этого, Красная Армия в целом должна была иметь уже к началу 1941 года 2 800 000 противотанковых и 4 000 000 противопехотных мин, 120 000 мин замедленного действия и 350 000 мин-сюрпризов.

Но признание наших расчетов еще не означало их воплощения в жизнь.

К 1 января 1941 года Красная Армия имела всего около миллиона противотанковых мин, а мин замедленного действия и мин-сюрпризов не получила вообще. К началу войны не было запасено и половины минимального количества инженерных мин, необходимых войскам при успешном развитии военных действий.

ВСТРЕЧИ НА УЧЕНИЯХ

За время моей работы в ГВИУ Красная Армия провела не одно учение. Мне довелось присутствовать на некоторых из них. Здесь я повстречал и старых знакомых и новых командиров-энтузиастов, с которыми меня сближала общность взглядов на применение мин в современной войне. Но доводилось встречаться и с конкурентами минеров — с теми, кто защищал идею создания оборонительных противотанковых средств из бетона, земли и стали, ратовал за противотанковые рвы и надолбы.

Каждая из таких встреч была по-своему интересной.

...Осенью 1940 года на Карельском перешейке Проводились испытания по преодолению различных противотанковых препятствий.

Все построенные к тому времени препятствия легко преодолевались танками Т-34 и КВ. Иногда с помощью простейших приспособлений, иногда и без них.

Жозеф Яковлевич Котин — конструктор тяжелых танков и мой старый знакомый — прямо-таки ликовал: ни надолбы, ни рвы, ни другие заграждения не оправдывали себя.

Надо сказать, что у нас в ГВИУ мало кто переоценивал значение подобных препятствий. И генерал-майор А. Ф. Хренов и полковник М. А. Нагорный отлично знали существенные недостатки «пассивных» заграждений: трудоемкость при постройке, легкость обнаружения с земли и с воздуха и в конечном счете сравнительно легкую преодолеваемость танками.

Поэтому на учениях больше интересовались процессом преодоления рвов, надолб и эскарпов, нежели их использованием в качестве заграждений.

Естественно, что я не преминул подколоть Котина:

— А смогут ли танки с такой же легкостью преодолевать минновзрывные заграждения, Жозеф Яковлевич?

— Типун тебе на язык, — быстро откликнулся Котин. — Сам знаешь... Кстати, мины-то у вас есть?

— Делаем, — уклонился я от прямого ответа.

Котин выразительно посмотрел на меня, хотел было что-то сказать, но отвернулся и промолчал...

По-моему, он тоже отлично понимал, что противотанковые мины куда более надежное и эффективное средство, чем рвы. Ведь мины способны не только задерживать танки, но и выводить их из строя, даже уничтожать. Кроме того, мины не демаскируют обороны, их можно перемещать на особо опасные направления и быстро там устанавливать...

После испытаний на Карельском перешейке меня несколько утешила поездка в Ленинградское военно-инженерное училище, где я познакомился с системой обучения курсантов минноподрывному делу. Начальник училища майор А. Д. Цырлин уделял большое внимание этому вопросу. И он, и преподаватели, и командиры училища заинтересовались опытом применения мин в Испании.

Я постарался удовлетворить их отнюдь не праздное любопытство.

Внимание товарищей меня порадовало. А из беседы с курсантами я понял, что в училище даром времени не теряют. И действительно, в годы Отечественной войны выпускники этого училища прекрасно проявили себя...

Хорошей школой боевой подготовки для всех родов войск явились осенние тактические учения 1940 года, проведенные первоначально в МВО, а затем во всех приграничных военных округах. В ходе этих учений ГВИУ широко и всесторонне проверило на практике выработанные нами скоростные методы организации, построики и инженерного оборудования оборонительных позиций и исходных районов для наступления.

Личный состав войск привыкал к боевому выстрелу, знакомился с укрепленной позицией «противника» и системой заграждений, приучался в ходе боя к разведке и преодолению всевозможных естественных препятствий и инженерных заграждений, в том числе минновзрывных и электротехнических.

Действия минновзрывных заграждений имитировались дымовыми вспышками, и подразделения, которые не занимались разграждением (разминированием), попадали в район вспышек и выводились из «боя».

Для нас это была первая проба сил по новому руководству военно-инженерным делом и обучению войск, по проверке новых наставлений и инструкций. Опыт учений помог уточнить тактико-технические требования на разработку новых средств для устройства и преодоления заграждений.

К сожалению, учения не сочетались с организационными мероприятиями. Осенью 1940 года из состава Вооруженных Сил были уволены рядовые, прослужившие установленный срок. Многие из них имели боевой опыт. Призванные же вновь к зиме 1940/41 года только проходили начальную подготовку.

На одном из испытаний весной 1941 года мне довелось вновь повстречаться с Д. М. Карбышевым. Стояла отвратительная погода. Мокрый снег таял, едва коснувшись земли. Танкодром размок. Участники испытаний передвигались на вездеходах. И надо же было случиться: у машины Д. М. Карбышева соскочила гусеница.

Водитель занялся исправлением вездехода. Командиры, сидевшие в кузове машины, покуривая, наблюдали за его работой. Кто-то предложил оставить машину и пройти к месту испытаний пешком.

Дмитрий Михайлович строго посмотрел на говорившего.

— Поврежденную машину надо не бросать, а быстро исправлять, — твердо сказал он. — Попрошу сойти с вездехода!..

Водителю помогали все. В том числе и майор, предлагавший нам несколько минут назад идти пешком. Не стоял сложа руки и сам Карбышев. Вскоре гусеницу надели, и машина тронулась.

Этот случай произвел большое впечатление не только на тех, кто ехал вместе с Д. М. Карбышевым. Позже, уже во время испытаний, один из водителей спросил у меня:

— Товарищ полковник, как фамилия генерала? Вон он стоит и что-то пишет?

— Карбышев Дмитрий Михайлович.

— Этот не подведет! С первого взгляда он вроде хрупкий, а наверное, не одну войну прошел...

Я рассказал о Карбышеве.

— Неужели успел воевать с японцами? Ему и полсотни трудно дать, а с русско-японской войны прошло тридцать пять лет! — с недоверием произнес водитель.

Как же удивился боец, когда услышал, что генералу пошел седьмой десяток!..

Д. М. Карбышев был одним из тех, кто всецело разделял наши тревоги и заботы об обеспечении войск инженерной техникой. Он не раз говаривал, что инженерные мины являются сильнейшим оружием в борьбе с врагом, что это особенно убедительно доказано в боях на Карельском перешейке и что, занимаясь вооружением наших войск, надо помнить указание В. И. Ленина: «Самая лучшая армия, самые преданные делу революции люди будут немедленно истреблены противником, если они не будут в достаточной степени вооружены...»

— Вооружение же современной армии отнюдь не ограничивается только огнестрельным оружием, — напоминал генерал-лейтенант. — Хорошие инженерные мины во многих случаях можно использовать с большим эффектом и по наступающему противнику.

Дмитрий Михайлович всегда охотно разговаривал по делу, но очень мало говорил о себе. Однако иногда и его увлекали воспоминания. Те, кому посчастливилось бывать рядом в эти минуты, узнавали много интересного о героизме русских солдат во время русско-японской войны, о борьбе сибиряков против Колчака, о строительстве и обороне старых крепостей...

При подготовке учений в Западном особом военном округе я встретил Карбышева в одном из отделов Генерального штаба. Учения намечалось провести недалеко от Бреста. Оказалось, что Дмитрий Михайлович очень хорошо знал этот район. И хотя прошло почти 25 лет с тех пор, как генерал был последний раз в старой крепости Бреста, он прекрасно помнил детали, которые нельзя было найти ни в описаниях, ни на картах. Советы Дмитрия Михайловича помогли уточнить план учения. До конца работы оставалось около часа, и тут начался разговор о... пленных. Возник он не случайно: газеты сообщили о захвате англичанами в Африке большой группы военно-пленных итальянцев.

Дмитрий Михайлович тут же припомнил случай, когда несколько русских солдат бежали из плена и с невероятными трудностями добрались до своих. Офицер, опрашивавший вернувшихся, попытался выяснить у солдата-сибиряка, что заставило его бежать из плена.

— В плену надо или умереть или работать на врага, — резонно ответил солдат. — А я, ваше благородие, хочу жить, да так, чтобы от меня не польза была врагу, а вред!..

Сколько раз впоследствии, вспоминая Д. М. Карбышева, я невольно задумывался над этими исполненными глубокой мудрости словами!

Да, много было памятных встреч.

Довелось мне, например, участвовать в испытании оригинальной летающей противотанковой мины, предложенной генералом И. П. Галицким. Она предназначалась для уничтожения танков. Иван Павлович разработал ее еще в начале тридцатых годов, но в серийное производство эта мина так и не пошла.

Во второй половине марта 1941 года мне позвонил начальник бюро изобретений НКО Владимир Васильевич Глухов:

— С тобой хочет увидеться инженер Григорий Матвеевич Линьков.

Через несколько минут в отдел вошел крепко сложенный, среднего роста военный с бритой головой и показал мне схему мины, управляемой по прово-

дам. Она тоже предназначалась главным образом для борьбы с танками противника. Григорий Матвеевич не знал, что подобная система неоднократно предлагалась до него. Но для внедрения ее требовались многие тысячи километров провода, которого нам почти не отпускали.

Так я познакомился с будущим легендарным партизанским командиром. В июле 1941 года мы свиделись вновь. Оба обрадовались встрече. Я рассказал о подготовке партизан и не был удивлен, что Григорий Матвеевич в свои сорок два года хочет воевать в тылу врага. Глядя на этого уверенного в себе, коренастого уральца, бывалого воина и грамотного инженера, можно было сказать наверняка, что с таким командиром партизаны не пропадут.

Помнится, мы вместе как-то обедали. Линьков очень убедительно доказывал, что при создавшемся положении удары по растянутым коммуникациям противника будут весьма ощутимы и на фронте.

— Змее надо наступить на хвост! — убежденно говорил Линьков. — Голову она повернуть не сможет. Ей сейчас приходится смотреть только вперед, иначе голову отрубят на фронте!

Григорий Матвеевич был убежден, что у нас имеются неограниченные возможности для партизанской войны и нужны только люди, способные бить врага с помощью современной техники, в том числе — с помощью мин. Он свято верил в высокие патриотические чувства советских людей, поневоле оказавшихся в тылу врага, и блестяще понимал значение географического фактора в партизанской борьбе против моторизованного противника...

Через год я узнал о замечательных делах Линькова. Имя его гремело от Белоруссии до Смоленщины.

С Григорием Матвеевичем мы часто встречались и после войны. Даже работали вместе над вопросами истории партизанской борьбы. Крепко подружились. Так жаль, что нелепый случай в начале 1962 года оборвал его яркую и красивую жизнь.

Будучи начальником отдела в ГВИУ, я продолжал поддерживать тесную связь с Центральным управлением военных сообщений. Там тогда работал известный энтузиаст минноподрывного дела В. А. Антипин, и мне пришла мысль через него воздействовать на генерала И. А. Петрова, от которого в значительной степени зависело снабжение войск инженерными минами. Нашим союзником стал и заместитель начальника военных сообщений Красной Армии генерал З. И. Кондратьев. Он дал в ГВИУ заявку на 120 000 мин замедленного действия для железнодорожных войск. Заявка эта подверглась тысячекратному сокращению. ГВИУ смогло выдать военным железнодорожникам лишь... 120 МЗД.

В начале мая 1941 года, после выступления Сталина на приеме выпускников военных академий, все, что делалось по устройству заграждений и минированию, стало еще больше тормозиться. И хотя такие одержимые, как М. В. Онучин, А. К. Семин, В. А. Антипин, Б. А. Эпов, Я. М. Рабинович, В. П. Ястребов, П. Г. Радевич, продолжали работать над совершенствованием минной техники, хотя крепко верили в свое оружие энтузиасты нашего отдела А. М. Подовинников, А. Т. Ковалев и Г. С. Вакуловский, результаты оставляли желать лучшего. Наши усилия были каплей в море.

ПОЕЗДКА В БРЕСТ

Вечером 19 июня 1941 года я выехал в Брест на учения войск Западного особого военного округа.

Улицы пестрели весенними платьями девушек и женщин. Крикливые мороженщицы зазывали прохожих:

— А вот самое горячее!

На остановке троллейбуса на площади Маяковского паренек в рубашке апаш стеснительно спрашивал у голенастой девчонки:

— Вам не до «Динамо»?

Девчонка, задрвав потный носик, высокомерно молчала. Троллейбус величаво плыл мимо нарядных витрин, цветочных ларьков, беспечной толпы вечерних тротуаров...

Мой спутник — коренастый круглолицый подполковник Захар Иосифович Колесников, заместитель начальника Управления военно-инженерной подготовки ГВИУ — то и дело вытирал платком лысину и без конца пил нарзан.

— Хорошо, что ехать в ночь, — отдуваясь, говорил он. — Днем бы зажарились.

С каждым километром все дальше оставалась Москва. Поезд мчался мимо тихих роц и душистых лугов, на которых темнели копны свежего сена.

— Благодать, — восхищался Колесников. — Вот проведем испытания, возьму отпуск и махну в деревню, на рыбалку. Ты любишь рыбалку?

— Время есть — рыбачу.

— А как насчет охоты?

— Равнодушен.

— Зря. Только на охоте, Илья Григорьевич, и начинаешь понимать красоту мира. Видишь, что живой он... Надо будет пристрастить тебя к ружью.

— С детства не заболел, теперь, наверное, поздно.

— Пустяки! Красотой заболевают и в семьдесят лет...

Пришло время ложиться. Колесников замолк, едва коснувшись подушки. А я не мог заснуть: думал о предстоящих учениях, с волнением ждал встречи со старыми знакомыми. Радовался, что вновь увижу начальника артиллерии округа генерала Николая Александровича Клича, ставшего моим другом в боях на Эбро. Любопытно было посмотреть и на командующего округом генерала армии Д. Г. Павлова. В Испании он воевал как танкист, вернувшись, сделал головокружительную карьеру и теперь возглавлял один из важнейших военных округов.

Как-то примет меня Павлов? Сильно ли изменился он с той поры, как я видел его под Бельчите, бледного, потрясенного тем, что танковая атака захлебнулась в вязкой речной пойме?..

С этими думами и уснул.

Разбудил меня голос проводника:

— Подъезжаем к Минску, товарищи командиры!..

На привокзальной площади нас ждала машина. По тихим еще, освещенным утренним солнцем улицам мы отправились в штаб округа.

— Благодать!.. Благодать!.. — без устали повторял Колесников, поглядывая по сторонам. — Благодать и красота!..

В штабе округа мы первым делом встретились с начальником инженерно-

го управления генералом П. М. Васильевым. Он тоже пребывал в отличном настроении. Сообщив, что на полигоне все готово к предстоящим учениям, повел нас знакомиться к начальнику штаба округа В. Е. Климовских.

Климовских явно было не до нас. Он то и дело снимал телефонную трубку, выслушивал какие-то доклады и все больше хмурился, мрачнел на глазах.

Васильев доверительно нагнулся к моему плечу:

— Бесперывно доносят о немецких шпионах, о самолетах, нарушающих границу. Порют панику...

Климовских извинился и отпустил нас, сказав, что на полигоне дело с минами и заграждениями будет виднее.

Выйдя от начальника штаба округа, я спросил Васильева, нельзя ли нынче же представиться командующему.

— Почему нельзя? Можно!

Павлов действительно вскоре принял нас. Когда мы вошли, он поздоровался лишь кивком головы, так как тоже разговаривал по телефону.

Раздраженным голосом резко бросал в трубку:

— Ничего... Больше выдержки... Знаю, уже докладывали!.. Больше выдержки!..

Наконец Павлов положил трубку. Словно спохватившись, пожал нам руки. Бегло познакомившись с программой испытаний, сердито заметил, что слишком много внимания уделяется устройству противотанковых заграждений и слишком мало, как ему кажется, способам их преодоления.

Опять затрещал телефон.

— Знаю, докладывали, — твердо ответил командующий, но было видно, что спокойствие дается ему с большим трудом. — Знаю, уже сообщил, — повторил он. — Знаю... Сверху виднее. Все!..

С размаху бросил трубку на рычаг.

Вошел начальник штаба. Он как-то недобро посмотрел на нас:

— Прошу простить, что прервал беседу. Очень важное дело...

— Ну, Вольф, — взглянул на меня генерал Павлов, называя так, как называл в Испании, — встретимся на учениях! Там будет посвободнее, тогда и поговорим обо всем. У меня, кстати, есть вариант нового трала... А сейчас, прости, занят...

С тревожным сердцем покинули мы штаб округа. Было ясно: на границе не так спокойно, как представлялось в Москве, в тихих кабинетах Второго дома Наркомата обороны.

Я пошел к своему старому другу генералу Н. А. Кличу.

— Вольф! Черт тебя возьми!..

Я невольно залюбовался Кличем. Он все такой же худощавый, собранный и уверенный в каждом движении. В общем, прежний неутомимый волонтер, любимец испанских артиллеристов.

— Садись же, — пригласил Николай Александрович.

Едва присев, мы начали разговор об обстановке на границе.

— Что здесь происходит? — напрямик спросил я.

— Нехорошее происходит, — так же прямо ответил Клич.

— А конкретнее?

— Конкретнее... Немцы подтягивают к границе войска, подвозят танки и артиллерию. Их самолеты все время летают над нашей территорией.

— А мы?

— Переформируем и перевооружаем войска. Сбивать самолеты противника строго запрещено. Это еще заявление ТАСС от четырнадцатого июня... Не знаю, как его расценить. Конечно, оно внесло успокоение, но оно же понизило и нашу боеготовность.

— Ты считаешь?

— Я считаю, что порох всегда надо держать сухим, а особенно в соседстве с Германией.

— Так вам и карты в руки.

Николай Александрович с укоризной посмотрел на меня. Всегда сдержанный, он вдруг заволновался:

— Ты пойми, что меня беспокоит... Орудий у меня много. Но артиллеристы — в основном молодежь. Обучены недостаточно. А тут еще из многих арт-полков забрали автомашины на строительство укрепрайонов. Даже тракторы-тягачи туда утащили. Случись что — орудия без тяги. Понимаешь? Без тяги!

— Ты, конечно, докладывал об этом Павлову?

— И Павлову докладывал, и в Москву звонил, и везде один ответ: «Без паники! Спокойствие! Хозяин все знает».

Ни Клич, ни я не коснулись тогда содержания речи Сталина на выпуске слушателей военных академий 5 мая 1941 года. Эта речь не публиковалась, но многие слышали ее, а отдельные ее положения пересказывались в докладах о международном положении. Сталин утверждал, что Красная Армия перестроилась и серьезно перевооружилась. Фактически же перевооружение только началось... Но об этом мы не могли говорить даже один на один.

Телефонный звонок положил конец нашему свиданию. Клича срочно вызывали к командующему округом.

А в субботу, 21 июня, мы с Колесниковым уже выехали в Брест.

Опять стояло чудесное солнечное утро. Солнце освещало горы угля возле железнодорожных путей, штабеля новеньких рельсов. Рельсы блестели. Все дышало спокойствием.

В поезде я встретил полковника-артиллериста, знакомого по полигону. Полковник с тревогой рассказал, что и после заявления ТАСС от 14 июня положение по ту сторону границы не изменилось. Но в наших войсках наступило успокоение. Он кивнул на гулявших по перрону военных с чемоданами.

— Еще недавно спали в сапогах, а теперь вот в отпуск собрались. Почему? Заявление ТАСС!

По пути мы заехали в Кобриц, где размещался штаб 4-й армии. Разыскали начинжа полковника А. И. Прошлякова. Он поместил нас в своем кабинете и обещал утром прислать машину, чтобы вместе ехать в район учений.

А. И. Прошляков подтвердил, что немцы весь июнь подтягивают к Западному Бугу технику, устанавливают маскировочные щиты перед открытыми участками, сооружают наблюдательные вышки.

В теплый вечер 21 июня 1941 года в расположении штаба 4-й армии, прикрывавшей брестское направление, царило обычное для субботы оживление. Нам передали, что учения отменены, и мы долго бродили по живописному городку. А вернувшись в кабинет начинжа, пожелали друг другу спокойной ночи и с удовольствием вытянулись/на штабных диванах.

ВТОРЖЕНИЕ

22 ИЮНЯ

Я проснулся внезапно. Сквозь сон показалось, что прогремел взрыв. Но вокруг было тихо, только в открытые посветлевшие окна вползал нудный, захлебывающийся гул авиационных моторов. Посмотрел на часы: четыре часа двадцать минут... Колесников тоже приподнялся и шарил по придвинутому к изголовью стулу, отыскивая часы.

Неподалеку послышался тяжелый удар, за ним — взрыв. Дом качнуло, жалобно заныли стекла.

— Взрывные работы, что ли? — вслух подумал я.

— Скорее, бомба сорвалась с самолета, — отозвался Колесников, настороженно прислушиваясь.

— Куда же летчики...

Я не договорил. Частые взрывы слились на несколько секунд в оглушительный грохот. Потом стихло. Опять слышался то усиливающийся, то ослабевающий гул авиационных моторов.

Этот странный гул неожиданно напомнил мне Испанию. Гул «юнкерсов»...

Мы с Колесниковым бросились к окнам. Небо над Кобрином спокойно голубело. Плыли редкие перистые облачка.

За стеной застучали сапоги.

— Всем немедленно покинуть помещение, — пронеслось по коридорам.

В пустых кабинетах приглушенно звонили телефоны.

— Захар Иосифович, что-то случилось!

Колесников понимал это и без меня.

Торопливо натянув сапоги, на ходу застегивая гимнастерки и ремни, мы выбежали на улицу.

И вовремя.

Прямо к штабу направлялась эскадрилья самолетов.

— Во-о-здух! — вопил кто-то.

Мы метнулись через площадь, перемахнули какую-то канаву, кинулись в сад.

На бегу оглядываясь и следя за самолетами, видели, как от черных фюзеляжей отделились узкие, казавшиеся очень маленькими бомбы.

— Ложись, Захар Иосифович!

Бомбы с пронзительным визгом неслись вниз. Здание штаба армии, откуда мы только выбрались, окуталось дымом и пылью. Сильные взрывы рвали воздух так, что звенело в ушах.

Появилось еще одно звено.

Немецкие бомбардировщики уверенно пикировали на беззащитный военный городок...

Когда налет закончился, в разных местах поднялись густые, черные столбы дыма. Поперек улицы валялось свежесрезанное дерево. Часть здания самого штаба лежала в развалинах. Где-то надрывно, на высокой ноте, женский голос тянул отчаянное, безутешное:

— А-а-а!!!

Штаб 4-й армии готовится к переезду на запасный командный пункт в Буховичи. Мы с Колесниковым решили добраться до Бреста. Там, среди представителей Наркомата обороны и Генерального штаба, прибывших на учения, должны найтись люди, осведомленные о происходящем.

Сели в первую же попутную машину.

Навстречу по шоссе торопливо бежали командиры, спешившие к месту службы. По обочинам, таща наспех одетых, невыспавшихся детишек, тянулись женщины с узелками и корзинами. Они покидали военный городок.

Улицы Кобрина, накануне безмятежные, пахнули на нас гарью первых пожаров. На площади нашу машину остановил хрип репродуктора.

Шофер открыл дверку кабины и высунулся наружу.

Знакомые позывные Москвы властно вторгались в сумбур и сумятицу города, принявшего первый бомбовый удар врага.

Все, кто были на площади, с надеждой глядели на черную тарелку громкоговорителя, укрепленную на телеграфном столбе.

— Московское время — шесть часов. Начинаем передачу последних известий, — услышали мы.

Кобрин, затаив дыхание, ждал, что скажет Москва.

Дикторы, сменяя друг друга, бодрыми голосами сообщали о трудовых успехах советских людей, о зреющем богатом урожае, о досрочном выполнении плана каким-то заводом, о торжествах в Марийской АССР.

И вот наконец мы услышали:

— Германское информационное агентство сообщает...

Я видел, как стоящая поблизости девушка приподнялась на цыпочки.

Но диктор официальным тоном говорил о потоплении английских судов, о налетах немецкой авиации на города Шотландии, передал сообщение агентства Рейтер об уничтожении над Англией за неделю семнадцати немецких бомбардировщиков, сказал о войне в Сирии и умолк.

Выпуск последних известий окончился сообщением о погоде. Девушка рядом уже не приподнималась на цыпочки. Угрюмо, потерянно смотрели на репродуктор и остальные кобринцы.

— Подождем: может быть, будет специальное сообщение или заявление, — неуверенно произнес Колесников.

Но, как обычно, начался урок утренней гимнастики.

Шофер сплюнул и захлопнул дверцу кабины. Девушка растерянно оглянулась и, словно вспомнив что-то, побежала прочь. Торопливо расходились остальные.

Через Кобрин уже громыхали в восточном направлении машины с рыдающими женщинами и детьми, может быть успевшими осиротеть за эти короткие часы.

А диктор веселым голосом словно напутствовал их:

— Раскиньте руки в сторону, присядьте! Энергичнее! Встаньте, присядьте. Встаньте, присядьте. Энергичнее! Вот так... Очень хорошо!..

Самолеты противника опять приближались к городу. В их завывании и испуганных криках потонул наконец голос, призывающий нас подпрыгивать. Подпрыгивать как можно выше!..

Прошло двадцать три года после того рокового июньского дня, но я не могу забыть кобринскую площадь, черную тарелку репродуктора над ней и злопо-

лучный урок гимнастики.

Даже пикирующие бомбардировщики немцев не произвели на людей такого потрясающего впечатления, как переданные в 6 часов утра 22 июня последние известия.

— Странно, — скрипнул зубами всегда спокойный и выдержанный Колесников. — Очень странно...

Не думаю, что он сетовал на работников радио.

Между тем из Бреста продолжали прибывать беженцы. От них мы узнали, что немецкие войска внезапно перешли границу и в городе уже идут тяжелые бои.

Поездка навстречу лавине беженцев стала бессмысленной и невозможной. С новой попутной машиной мы направились в штаб армии в Буховичи.

Здесь узнали, что в то время, когда немецкие самолеты приближались к военному городку, из округа была получена телеграмма, предупреждающая о возможном нападении немцев «в течение 22–23 июня». Телеграмма предписывала «не поддаваться ни на какие провокации, могущие вызвать большие осложнения», и в то же время предлагала встретить немецкие войска в полной готовности.

О том, что началась война и что нужно действовать не опасаясь последствий, стало ясно лишь из телеграммы, отправленной штабом округа в 5 часов 25 минут. «Поднять войска и действовать по-боевому», — гласила она.

Посоветовавшись, мы решили возвратиться в Минск. За указаниями.

К 12 часам добрались до Пинска и увидели растерзанный вражеской авиацией наш военный аэродром. Больно было смотреть на горящие разбитые машины.

Между бушующими пожарами кипела работа. Летчики и персонал аэродромного обслуживания, презирая опасность, спасали то, что уцелело от вражеских бомб и огня.

И все же мы упрямо думали, что только здесь врагу удалось застать наши войска врасплох, что на других направлениях советские самолеты бомбят врага. Ведь было так много данных о подготовке нападения!

В Пинске местные власти попросили у нас консультацию по строительству бомбоубежищ. Они были уверены, что до их города, расположенного менее чем в двухстах километрах от границы, враг, конечно, не дойдет, но от ударов с воздуха надо поостеречься. Поговаривали также о борьбе с возможными воздушными десантами противника. Мужчины, подлежащие мобилизации, шли в военкоматы еще до получения повесток...

Из Пинска мы выехали на грузовой машине вместе с семьями военнослужащих, эвакуировавшихся на восток. Смеркалось. По сторонам дороги тянулись колхозные луга. Там, как всегда, работали люди. Нас встречали расспросами. Недобрые вести принимались с непоколебимой внутренней уверенностью, что враг далеко не продвинется.

Ночь застала нас неподалеку от железной дороги Барановичи — Минск. В темном небе то и дело пролетали вражеские самолеты. Издали доносился гром взрывов. Где-то неподалеку горели станционные постройки и мирные белорусские деревни.

На ночлег мы остановились в небольшом селе километрах в тридцати восточнее Барановичей. Несмотря на поздний час, жителям села не сиделось в

избах. Они окружили машину. За каждым их вопросом, за каждым словом стояла большая дума о судьбе Родины.

Запомнился председатель местного колхоза. Этот рано поседевший человек стал коммунистом еще до воссоединения Западной Белоруссии с Советским Союзом. Он спокойно поведал, что в селе уже создана дружина для борьбы с вражескими шпионами и диверсантами. На вооружении дружины есть охотничье ружье...

Не забыть мне и сутулого, но крепкого старика, который долго отмалчивался, стоя в сторонке, а потом, кашлянув в кулак, заставил всех приумолкнуть.

— Не собирался я на старости лет побывать в Берлине, да, видно, придется, — сказал дед и с сердцем воткнул в землю вилы.

— Тебя, дядя Петр, в армию не возьмут. Возраст не тот, — возразили ему.

— Сам пойду, — невозмутимо откликнулся старик.

Не мог я предположить тогда, что слова эти в какой-то мере сбудутся. Не под Берлином, а в здешних лесах довелось партизанить Петру Копачу...

На следующее утро мы въезжали в столицу Белоруссии.

Минск тоже горел. На окраине валялся побитый при бомбежке скот.

Штаб округа стал штабом Западного фронта и уже готовился к отходу на восток. Положения на фронте здесь никто толком не знал. Связь с войсками систематически нарушалась.

Начальник инженерного управления генерал П. М. Васильев сообщил:

— Сегодня с утра на основании директивы Наркома обороны наши войска наносят контрудары по врагу. Утешительных результатов пока нет. Пограничники докладывают, что на Западном Буге и Немане противнику удалось захватить в целости важнейшие мосты, в том числе и минированный железнодорожный мост в Бресте...

С большим трудом нам удалось связаться с ГВИУ. Оттуда последовал приказ: немедленно возвращаться в Москву.

Регулярного движения по железной дороге уже не было. Генерал Васильев дал нам машину. Прощаясь, он просил передать руководству Главного военно-инженерного управления, чтобы ускорили доставку противотанковых мин и взрывчатых веществ.

24 июня; в полдень, мы были уже в Москве. Столица заметно изменилась: на улицах и площадях стало меньше людей и машин, появилось много военных, повсюду велись маскировочные работы. Делались попытки изменить вид города с воздуха: камуфлировались здания, строились ложные сооружения.

Ко Второму дому Наркомата обороны, месту нашей работы, мы подъехали в обеденное время, но обеденного перерыва теперь не существовало. Нас немедленно принял начальник Управления военно-инженерной подготовки М. А. Нагорный. Вместе с ним сразу же направились к генералу И. П. Галицкому. С недавнего времени он исполнял обязанности начальника ГВИУ[16] и в первые дни войны делал все возможное, а иногда, казалось, и невозможное для налаживания инженерного обеспечения боевых действий Красной Армии.

Мы доложили обстановку на Западном фронте и передали просьбу начальника инженерных войск фронта.

— Не один Васильев во взрывчатых веществах и минах нуждается, —

вздохнул Галицкий.

Домой наведаться не удалось, хотя и проезжал почти мимо. Столицу уже затемняли. Кое-где в витринах магазинов появились Окна ТАСС. Люди толпились перед ними, но шуток не слышалось. Стихи на плакатах, претендовавшие на юмор, как видно, не очень гармонировали с душевным настроением тех, кому они предназначались.

ДВОЕ СУТОК В МОСКВЕ

Информационная сводка за 23-е число сообщала, что вражеское вторжение отбивается с большими потерями для противника. Наши войска уничтожили 300 танков, захватили свыше 5000 пленных. Однако Брест и Ломжа были оставлены.

Наше управление фактически превращалось в штаб инженерных войск Красной Армии со всеми вытекающими отсюда обязанностями. Необходимо было формировать новые части, организовать курсы для подготовки специалистов по минновзрывным заграждениям, маневрировать имевшимися в нашем распоряжении силами и средствами.

Хотелось верить, что враг действительно уже остановлен и вот-вот будет отброшен. Но положение на фронтах все ухудшалось. Враг захватывал все новые города, важные узлы путей сообщения и связи. Мобилизационные планы на значительной территории Советского Союза были нарушены.

Утром 26 июня меня вызвал полковник Нагорный и неожиданно объявил:

— Собирайтесь, Илья Григорьевич, в новую командировку.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Нарком обороны приказал немедленно помочь войскам в устройстве заграждений. Создаются нештатные оперативно-инженерные группы. Вы назначаетесь начальником такой группы на Западном фронте. Заместителем предлагаем полковника Михаила Семеновича Овчинникова. Согласны?

— Конечно. Что выделяют в наше распоряжение?

— Четырех специалистов-подрывников из командного состава, три саперных батальона, шесть тысяч противотанковых мин, двадцать пять тонн взрывчатых веществ.

— Двадцать пять тонн?.. Простите... такого количества взрывчатки не хватит и на день работы!

— Потом дошлем еще... Да и минировать теперь придется не по тем нормам, какие применялись на учениях.

Нагорному, как видно, и самому было тошно говорить это. Он тут же выругался, помянул недобрым словом И. А. Петрова, ведавшего заказами на мины и созданием запасов взрывчатых веществ.

На исходе того же дня, 26 июня, генерал Галицкий повел нас — командиров и инженеров, выделенных в оперативные группы, — на прием к Народному комиссару обороны С. К. Тимошенко.

Маршала Тимошенко я видел не раз. Встречал его на Карельском перешейке, встречал на учениях — самоуверенного, громогласного. Теперь его как будто подменили. Он выглядел очень усталым. Голос словно надломился. Доклад генерала Галицкого выслушал неестественно спокойно. Лишь в тот миг, когда Иван Павлович, побледнев, назвал мизерную цифру имеющихся в наличии противотанковых мин, глаза маршала сверкнули по-прежнему грозно.

Пожалуй, только одну фразу маршал произнес с присущим ему напором: — Не ждите указаний сверху, проявляйте инициативу!

Таким образом, мы получили широкие полномочия по разрушению объектов перед наступающим противником. Станным показалось, что, напутствуя нас, Нарком ни разу не упомянул о Сталине.

После С. К. Тимошенко мы побывали ВФ Генеральном штабе у генерал-майора Г. К. Маландина.

Бледный, с темными кругами под ввалившимися глазами, Маландин казался куда деятельнее Наркома обороны. Сдержанно сказав, что обстановка сложилась трудная, он уклонился, однако, от информации о действительном положении дел на фронте. Мы получили только самые общие сведения: противник на отдельных направлениях продолжает быстро продвигаться на восток.

Тут же нам выдали мандаты за подписью Наркома обороны. Предъявителю такого мандата разрешалось минировать и разрушать мосты, дороги, устраивать различные заграждения.

Из Генштаба я вернулся к Нагорному. И ему и мне было известно, что директивой Наркома обороны от 25 июня сформирована группа резервных армий под командованием маршала С. М. Буденного. Ей предстояло оборудовать и занять оборонительный рубеж по линии Сугцево — Невель — Витебск — Могилев — Жлобин — Гомель — Чернигов и далее по — реке Десне. Протяженность этого рубежа в пределах Западного фронта достигала пятисот километров. Двести из них не имели значительных водных и других естественных преград для вражеских танков. Это означало, что, по самым скромным подсчетам, для создания здесь минновзрывных заграждений потребуется около 200 тысяч противотанковых мин, еще больше противопехотных, минимум 6 тысяч МЗД.

Не пугаясь цифр, мы стали высчитывать, какова же минимальная потребность в противотанковых минах для создания заграждений перед заблаговременно готовящимися полосами обороны от Баренцева до Черного моря. Получилось у нас что-то около 1 200 000 единиц.

Мы отлично знали, что такого количества противотанковых мин на европейской части Союза вообще не было. А сколько их осталось к 26 июня? На этот вопрос ни я, ни Нагорный не могли дать даже приблизительно верного ответа.

Опять Нагорный помянул лихом начальника Управления заказов ГВИУ генерала Петрова, а я про себя бранил маршала Кулика.

Генерал Петров был чрезмерно осторожен, равнодушен к порученному делу да и не понимал, как видно, значения минновзрывных заграждений на войне. С ним можно было говорить о чем угодно — об охоте, рыбной ловле, — но только не о минах. А с Куликом и о рыбной ловле говорить не стоило...

В ночь на 27 июня я принял выделенные в мое распоряжение три саперных батальона. Они оказались недоукомплектованными. В двух батальонах приходилось по одной винтовке на трех бойцов. В подразделениях не имелось никакого шанцевого инструмента, кроме лопат...

Ранним утром 27 июня наша оперативно-инженерная группа погрузилась на автомашины и выехала на Минское шоссе. Мы направлялись на запад. Ту-

да, где шли сражения.

Вслед за нами должна была выехать еще одна группа — под командой майора И. В. Волкова.

ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ

Из тех людей, что неслись Па зеленых «пикапах» инженерно-оперативной группы в сторону фронта, я давно и хорошо знал только троих — старого минера полковника Михаила Семеновича Овчинникова, майора А. Т. Ковалева и лейтенанта Г. В. Семенихина.

Сухощавого невысокого и на первый взгляд нелюдимого Михаила Семеновича не раз доводилось встречать на учениях, в отделе, в различных комиссиях. Он был болельщиком минноподрывного дела. Весной 1941 года очень увлекался расчетами вероятности наезда танков на мины при различных вариантах их установки. Для этой цели Овчинников вырезал из картона шаблоны танков и самозабвенно водил ими по схемам минных полей.

С высоким худощавым лейтенантом Г. В. Семенихиным я познакомился на Карельском перешейке. Он быстро освоил тогда трудную и опасную работу минера. В нем счастливо сочетались необходимая осторожность и упорство в достижении цели.

Услышав о своем назначении в оперативную группу, Семенихин заявил: — Готов к немедленному выезду...

Но, конечно, лучше всех знал я майора А. Т. Ковалева, работавшего начальником 1-го отделения в нашем отделе. Неоднократно имел возможность убедиться, что Ковалев дело свое любит, что это очень уравновешенный и исполнительный командир. На его плечи я и взвалил теперь основную часть заботы по формированию и обеспечению группы всем необходимым.

Другие командиры из нашей группы — майор Л. Н. Афанасьев, майор П. Н. Уманец — были мало известны мне. Однако я не беспокоился за них. Ведь и тот и другой считались хорошими специалистами и были не новичками в армии.

А вот за приданные нам батальоны приходилось тревожиться. Они не были кадровыми и совсем почти не располагали инженерным имуществом.

Одно утешало: наши солдаты хорошие, честные советские люди. «Надо каждую свободную минуту заниматься с ними, и все образуется», — думал я, сидя в кабине «пикапа» рядом с русоголовым голубоглазым шофером.

О нем я тоже имел пока очень смутное представление. Назвался парень Володей. Видно, что живой и сообразительный. Кажется, из интеллигентной семьи. Но я, грешным делом, даже фамилию его не удосужился узнать.

Исправляя ошибку, поворачиваюсь к Володе:

— Как ваша фамилия?

Чистое открытое лицо шофера медленно порозовело. На скулах проступили красные пятна. Не отрывая взгляда от дороги, лишь чуть-чуть нагнувшись к рулю, он со странным вызовом ответил:

— Шлегер. Моя фамилия — Шлегер, товарищ полковник.

Тон ответа удивил меня.

— Вам что, не нравится ваша фамилия?

Володя стал красным как рак. Костяшки его пальцев, сжимавших баранку, побелели.

— Подозреваю, что она может не понравиться вам, товарищ полковник.

— Плохо же вы обо мне думаете, — усмехнулся я и невпопад стал рассказывать об одном боевом еврейском парне, с которым вместе воевал в Испании.

— Вы ошиблись... Я не еврей, — прервал меня Володя. — Я ношу фамилию отца, а он немец. Правда, в прошлую войну воевал против кайзера, а когда содалась Красная Армия, солдаты сами его командиром выбрали...

— Смотрите вперед! — предупредил я.

Шлегер повернулся, озадаченный спокойным — тоном.

— Все в порядке! Не волнуйтесь... Ясно?

Володя Шлегер кивнул головой:

— Ясно, товарищ полковник...

С ним мы промчались по дорогам войны не один десяток тысяч километров. Начали свой путь из столицы и расстались только на берегу Западного Буга в 1944 году. Но я покривил бы душой, если бы стал утверждать здесь, что за все это время национальность Володи не причиняла ему (да и мне!) неприятностей. Сам-то я спокойно отнесся к тому факту, что Шлегер немец, ибо помнил, как сражались в Испании немцы-антифашисты. Однако для некоторых слово «немец» было в ту пору синонимом слова «фашист».

Но мой водитель не пал духом, не затаил обиды. Он хорошо освоил нашу технику и впоследствии сам учил партизан минноподрывному делу, выполнял ряд сложных специальных поручений. Юркий «пикап» Шлегера не раз проскакивал такие гиблые места, в которых безнадежно застревали даже хваленые «виллисы».

Отличным солдатом сделался и сын Шлегера. Он окончил военное училище и стал, как мечталось отцу, военным летчиком...

Перед Вязьмой мы заметили стоявшую на обочине дороги автоколонну. В ней было не менее полусотни машин. Все — порожняк.

На шоссе, подняв руку, голосовал высокий старший лейтенант. Как выяснилось — начальник колонны.

— Я следую с машинами в Белосток, в свою часть, — волнуясь, объяснил он. — Но вы слышите, что там впереди?

Впереди грохотали бомбы.

— Неужели у немецких бомбардировщиков такой радиус действия, что они из Польши долетают до Вязьмы? — недоумевал старший лейтенант.

У немецких бомбардировщиков радиус действия был, конечно, не столь большим. Видимо, они летали уже не из Польши.

Но всего этого я не стал растолковывать старшему лейтенанту. Мне трудно было отвести взгляд от пятидесяти порожних машин. В Вязьме на них можно нагрузить дополнительно около семидесяти тонн взрывчатки.

— Почему вас отправили порожняком? — спросил я. — Придется на ходу исправлять ошибку. Вот мои документы. Пойдете под погрузку.

Старший лейтенант взглянул на мандат, подписанный Наркомом обороны, и взял под козырек.

Радуясь успешному началу, я улыбнулся Овчинникову:

— Хороший у нас мандат!

...В шестидесяти километрах к западу от Вязьмы, на Минской автостраде есть мост через Днепр. Отправив вперед машины с саперами и взрывчаткой,

мы с полковником Овчинниковым решили осмотреть его. Если наступление немцев будет продолжаться, мост надо заблаговременно подготовить к разрушению.

Мы предъявили начальнику охраны свои мандаты и объяснили свои намерения.

— Так, так... — промолвил начальник охраны, окидывая нас быстрым взглядом и опять опуская глаза на документы. — Ко взрыву... Так, так...

И неожиданно громко закричал:

— Ка-ра-ул! В ружье!

Мы и глазом не успели моргнуть, как нас обезоружили, схватили за руки.

— Товарищи, что вы делаете? Разве не видите наших документов?

— До-ку-мен-ты, — с издевкой протянул начальник охраны. — Ты еще скажи: ман-да-ты.

— Да, мандаты! У вас в руках наши мандаты.

— Видали? — обращаясь к подчиненным, пропел начальник охраны. — Видали, как грубо немец работает? На пушку берет, гад! Ишь подпись-то намалевали: Нарком обороны! Даже страх берет!

Он повернулся к нам, с презрением окинул нас взглядом:

— Прошляпили ваши фюреры! Подвели вас. Недоглядели... Не знают даже, кому охрана мостов подчиняется... Тут вам и крышка!

Мы с Овчинниковым оторопело переглянулись. А ведь начальник охраны прав. Охрана мостов передана в ведение Наркома внутренних дел. Отправляя нас, в Москве слишком спешили...

Видя нашу растерянность, начальник охраны расцвел:

— Петров, Сидоров! Вяжите!

— Товарищи, это недоразумение!

— Недоразумение! — с яростью сказал один из бойцов. — А вот шлепнуть вас, и не будет никаких недоразумений. Чего с гадами чикаться, товарищ начальник?

Но начальник охраны рассудил, что «шлепать» нас рано. Лучше допросить. И, прикрикнув на солдата, распорядился везти задержанных в районный отдел НКВД.

Он сам уселся рядом с недоумевающим Володей Шлегером, держа наготове оружие.

Начальник райотдела НКВД встретил нас, не скрывая торжества. Он уже получил сведения о двух полковниках, занимающихся осмотром дорожных сооружений, и вот — наконец-то! — диверсанты в его руках.

Нелепое дорожное происшествие грозило обернуться весьма неприятными последствиями. Мы понимали это и от объяснений перешли к требованиям.

Решительный и жесткий тон, путевой лист водителя, а также подпись Наркома обороны на мандатах сделали свое дело. Начальник райотдела заколебался. Он надумал все-таки связаться с областным управлением.

Мы сидели с Овчинниковым в пустой камере и ждали. Неприятным было это ожидание.

Прошел час.

Дверь в камеру открыл сам начальник райотдела. Растерянно улыбаясь, он разводил руками, жестами приглашал выходить.

Это напоминало сцену из немого кинофильма.

Мы вышли.

Давешние конвоиры смущенно топтались возле двери. Начальник райотдела обрел наконец дар речи:

— Товарищи, извините... Досадное недоразумение... Надеюсь, вы не в обиде...

Мы были в обиде, но нам хотелось только одного: получить Свои документы, оружие, «пикап», и как можно скорее догнать группу.

«Пикап» стоял у крыльца, улыбающийся Володя Шлегер бросился заводить мотор.

— Может, подвезете обратно... до места... — попросил начальник мостовой охраны. — Пехом далековато.

Я махнул рукой:

— Садитесь!

Солдаты обрадовались, полезли в кузов, «пикап» рванулся с места и запылил по улице.

Правду говоря, обижались мы напрасно. Советские люди были начеку с первых дней войны. Как выяснилось позднее, ни одно наше обследование мостов и других дорожных сооружений (хотя иные из них официально не охранялись) не прошло незамеченным: местные жители всегда информировали об этих обследованиях ближайшие воинские части или милицию.

С нами произошло действительно всего лишь досадное недоразумение. А ведь народ вылавливал и подлинных гитлеровских лазутчиков. И если те сопротивлялись, беспощадно уничтожал их...

Не доезжая Орши, я вынужден был опять оставить свою колонну на майора Афанасьева, а сам с полковником Овчинниковым и связными направился в штаб фронта.

Два наших «пикапа» двигались по лесной дороге, подпрыгивая на корневищах сосен и осторожно объезжая выбоины. Раннее летнее солнце вызолотило верхушки деревьев, но еще не прогрело чащу. В глубине ее, под кустами, клубились сумерки. Остро и свежо пахло влажной землей. Иволга свистела. Такая тишина, такой мир...

Короткие автоматные очереди и несколько пистолетных выстрелов раздались где-то впереди слишком неожиданно.

Впрочем, так же неожиданно все опять стихло.

Может быть, и не стоило беспокоиться, но я знал, что осторожность на войне необходима при всех обстоятельствах. Остановил машины, пересадил всех бойцов в свой «пикап» и приказал ехать медленнее.

Впереди заметен поворот. Связной, следивший за дорогой, трогает меня за рукав.

— Товарищ полковник, смотрите! Милиционер в лес побежал.

Держа оружие наготове, мы осторожно приблизились к повороту. На высокой росной траве явственно виднелись две широкие синеватые полосы — свежие следы съезжавших в лес машин.

Прислушались. Все тихо.

Выяснить, что это за машины и почему побежал в лес милиционер, некогда. Да и вряд ли мы здесь нужны.

— Вперед! — приказал я Шлегеру, и «пикапы» поехали дальше.

Но примерно через километр, на следующем повороте лесной дороги, нас

остановил белоголовый подросток лет пятнадцати, сжимавший в загорелых руках извечное народное оружие — вилы.

— Товарищи военные! Тут в лесу немецкие парашютисты. Сам видел, как они из самолета прыгали и вон там в лесу собирались. Я здесь рядышком скот пасу.

— Будем прочесывать? — спросил Овчинников.

Я не успел ответить. Из кустов появилась запыхавшаяся рослая женщина.

— Вот и подмога!.. Товарищи командиры, выручайте!.. У них там автоматы, а у нас только вот...

Она тоже потрясла вилами.

Красива была эта молодая колхозница в съехавшей на плечо косынке, решившая с вилами идти на вражеских автоматчиков.

— Э-эх! — не выдержал кто-то из бойцов.

Женщина метнула взгляд в сторону вздыхателя и нахмурилась:

— Да что же вы стоите? Побыстрее надо! Они тут недалеко!

— Садитесь в машину, — предложил я колхознице и подростку. — Показывайте, куда ехать.

Оказалось, надо возвращаться.

Скоро нас встретил второй паренек, такой же белоголовый, как первый.

— Теть Ань? — зашептал он. — Тут они. В чащобе с машиной возьтятся...

Мы, шестеро военных, вместе с отрядом «тети Ани» пешком углубились в лес. Сквозь просвет меж деревьев увидели поляну, а посреди ее черненькую «эмку» и трех человек, одетых в милицейскую форму, с повязками ОРУДа на рукавах.

Из-под машины выбрался рослый парень со знаками различия старшины милиции. Обтирая руки ветошью, он резко приказал своим:

— Быстро убирать этих — и марш отсюда!

Старшина говорил по-русски, но из «эмки» его спутники вытащили тело человека в форме советского командира...

— Стой! Руки вверх! — скомандовал я.

«Милиционеры» метнулись прочь от автомобиля; Но почти одновременно грянули четыре выстрела. Двое бандитов упали снопами, двое залегли. Они пытались отползти, скрыться.

— Стой, гады! — услышал я голос сержанта Сергея Кошеля. — Стой!

Не скрываясь, на ходу стреляя из винтовки, он преследовал «милиционеров». К нему присоединились «тетя Аня», другие бойцы, подростки...

Мы с Овчинниковым подбежали к машине. Один из бандитов убит наповал, другой — ранен. Выбив у него из рук оружие, мы бросились к человеку, которого вытащили из «эмки». Это наш, советский капитан. Он мертв. В «эмке» еще один труп — труп нашего солдата, очевидно, водителя машины.

В это время из лесу появились сержант Кошель и «тетя Аня». Они вели раненого «милиционера».

— А где второй?

Сергей Кошель вытянулся:

— Второй сопротивлялся... Отвели ему «жизненное пространство»...

«Тетя Аня» вытирала пот с высокого лба.

— Как ваша фамилия? — спросил я.

— Моя-то? Шматкова... А зачем это, товарищ полковник?

— Надо же знать, кто диверсантов ловил... Составьте-ка мне список вашего отряда, товарищ Аня Шматкова.

— Да какой там отряд! И к чему это?

— Я доложу командованию.

Аня Шматкова поправила косынку, покраснела, растерянно хмыкнула:

— Что придумали!.. Некогда со списками. Нам сено убирать надо... Эй, ребята, пошли!

— Послушайте!.. — попытался удержать я Шматкову.

Но она решительно протянула руку:

— До свидания! Мы на сенокос...

Так и ушла.

Я никогда больше не встречал Анну Шматкову и не слышал о ней. Но я не сомневался и не сомневаюсь поныне, что эта женщина вместе со своими юными друзьями в годы гитлеровской оккупации «отвела жизненное пространство» не одному фашисту.

Именно такие люди, как она, шли в партизаны!

НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

Соотношение сил на границе в первые дни войны резко изменилось в пользу противника.

Директива № 3 Наркома обороны, требовавшая от войск Северо-Западного и Западного фронтов активных наступательных действий, родилась в недобрый час. Наступательные действия, предпринятые 23, 24 и 25 июня, дали ничтожные результаты. Потери же, понесенные нашими войсками, оказались чрезвычайно большими.

Неоправданные попытки наступать, когда надо было организовать оборону, только ухудшили и без того очень тяжелое для нас положение. Гитлеровцы, конечно, понимали это и лихорадочно стремились развить и закрепить свои успехи.

Мы прибыли на Западный фронт, когда его командный пункт располагался северо-восточнее Могилева, в густом лесу, недалеко от Днепра.

Погода стояла сухая, теплая. Штабные командиры пристроили столы прямо под деревьями. Кое-где виднелись закиданные ветвями палатки. Во все стороны тянулись телефонные провода.

Командующего фронтом Д. Г. Павлова мы здесь не застали — он был в войсках. Начальник штаба фронта генерал Климовских вяло протянул руку за поданной мной строевой запиской. Вид у него был крайне измученный. Прочитав записку, он тяжело вздохнул, медленно покачал головой:

— Мало.

— Больше не смогли получить, товарищ генерал...

Климовских понимающе кивнул. Кусая губу, опять поглядел в записку.

Я молчал. Что можно было сказать? Мы и так привезли в три раза больше того, что нам давали в Москве. На свою ответственность по дороге распорядились...

— Бросьте все силы на минирование и разрушение основных автомобильных и железных дорог, по которым наступает противник, — распорядился Климовских. — И действуйте немедленно! Сейчас минуты дороги...

— Разрешите ознакомиться с обстановкой.

— В оперативном отделе. Ну и у инженеров, конечно...

Я отправился сначала к начальнику инженерного управления фронта.

Здесь меня не порадовали. В составе инженерных войск фронта остались только два понтонных и три саперных батальона. Остальные инженерные части попали в окружение, связь с ними потеряна.

Вместе с начальником инженерного управления мы распределили наши скромные силы и средства по магистралям, где следовало создать заграждения в первую очередь. Группа моя разбилась на три отряда.

Полковнику Овчинникову и майору Афанасьеву выпало создавать заграждения в треугольнике Витебск — Полоцк — Лепель. В их распоряжение выделялся батальон трехротного состава, несколько тонн взрывчатых веществ, несколько сот противотанковых мин, достаточное количество бикфордова шнура и детонаторов. Зато других принадлежностей для взрывания они получили, как, впрочем, и все другие, явно недостаточно. Овчинников сразу решил, что будет действовать по направлению Витебск — Полоцк. Майор Афанасьев стал на лепельское направление.

В центре мы расположили отряд под командой майора Уманца. Ему предстояло создать заграждения на магистрали Минск — Борисов — Орша.

Третий отряд, возглавляемый майором Ковалевым, имел задачу прикрыть направление Могилев — Минск.

Уманец и Ковалев также получили по несколько тонн тола, противотанковые и противопехотные мины. Только Уманцу мы дали мин и взрывчатки немного больше: его участок выглядел опаснее.

Некоторое количество взрывчатки и мин ТМ-35 я оставил в резерве. Их мы тщательно замаскировали в лесу под Оршей. Там же обосновался и наш КП, опекаемый лейтенантом Г. В. Семенихиным.

В те исполненные трагизма дни мне пришлось не раз бывать в штабе Западного фронта. На моих глазах он оправлялся от «шока», полученного в первые часы войны. Я видел, как споро действовали штабные командиры, как налаживалась связь с войсками. Здесь уже лучше знали обстановку, предвидели развитие событий.

Помнится, на второй или третий день по прибытии я получил возможность представиться командующему фронтом. Д. Г. Павлов, заметно похудевший, даже осунувшийся, искренне обрадовался загражденцам.

— Действуйте, Вольф! Все используйте для устройства заграждений! Достаточно ли у вас средств?.. Мало?.. Постарайтесь достать еще. Мины, мины нужны! Слышишь, мины!

Я не стал напоминать недавнего нашего разговора, когда он выразил недовольство тем, что на предстоящих учениях слишком много внимания будет уделено устройству, а не преодолению заграждений.

Отпуская меня, командующий обещал позаботиться об обеспечении оперативно-инженерной группы. И действительно, службы фронта помогали нам всем, чем могли.

Но командовать фронтом и даже жить генералу армии Д. Г. Павлову оставалось недолго. 1 июля 1941 года постановлением Государственного Комитета Оборона командование Западного фронта было смещено.

На место Климовских стал генерал-майор Г. К. Маландин, а во временное командование войсками вступил генерал-лейтенант А. И. Еременко.

Я видел Павлова в момент ареста. Казалось, этот чрезмерно утомленный, похоже даже надломленный, человек испытывал чувство долгожданного облегчения. Наконец-то с него снимали ответственность за войска целого фронта, командовать которым ему было явно не по плечу.

Чего греха таить! Никто из командиров, давно знавших Павлова, не считал его достаточно подготовленным для тех высоких постов, которые он занимал в последние два-три года. Но он служил верой и правдой. Неукоснительно выполнял и последние указания сверху: «не поддаваться ни на какие провокации»...

И вот теперь его снимали. Видимо, по наивности командующий фронтом полагал, что на этом карающая десница Сталина остановится. Не думал Дмитрий Георгиевич, что и сам он и его ближайшие помощники будут немедленно принесены в жертву, дабы спасти авторитет опростоволосившегося «величайшего и мудрейшего провидца».

Павлова сразу арестовали, а затем и расстреляли. Вместе с ним разделили горькую участь начальник штаба фронта генерал-майор Климовских, командующий артиллерией генерал-лейтенант Клич и ряд других, безусловно, заслуженных командиров.

В особенности поразил меня арест Н. А. Клича.

В его честности и невинности я был убежден. Разве не от Клича слышал я каких-нибудь две недели назад о благодушии верхов, о том, что стране и армии угрожает смертельная опасность, а карьеристы и слепцы не желают этого видеть?

Н. А. Клич делал все, чтобы повысить боеспособность артиллерии округа. Но у него отнимали тягачи, снимали его людей с позиций на... оборонительные работы, забирали у него старые пушки с боеприпасами, а взамен присылали новые без снарядов.

Что же мог сделать Клич?!

Протестовать? Он протестовал, но его осаживали, тупо повторяя, что «товарищ Сталин все знает и обо всем заботится». Не выполнять приказы? Нет, этого Клич сделать не мог. Он обязан был их выполнять...

В штабе Западного фронта опять появились растерянность и уныние. Аресты выбивали у людей почву из-под ног. Никто не был уверен в своем завтрашнем дне. Все слишком хорошо помнили тридцать седьмой год.

Расправа над командованием Западного фронта дурно сказалась и на войсках. Ведь всем внушали, что Павлов — изменник, и солдаты начинали с подозрением поглядывать на других генералов.

Насколько нервной была обстановка, хорошо говорит такой трагикомический эпизод.

В день, когда арестовали Павлова и других командиров, я долго не мог никому доложить о ходе работ по устройству заграждений. Наконец пробился к новому начальнику штаба фронта генерал-майору Маландину. Но тому хватало других печалей, и он направил меня к одному из штабных командиров.

Этот командир беседовал с каким-то незнакомым мне майором.

— Разрешите? — осведомился я.

Командир поднял голову, и лицо его побелело, щека задергалась в нервном тике. Незнакомый майор вскочил и вытянулся по стойке «смирно».

В недоумении потоптавшись на месте, я сделал шаг вперед, чтобы изло-

жить суть дела.

И тогда тот, к кому я явился с докладом, залепетал вдруг какие-то жалкие оправдания:

— Я был в войсках и делал все... Я ни в чем не виноват...

Он смотрел мимо меня. Я невольно оглянулся, и тут меня как обухом по голове ударило. За моей спиной, тараща глаза, стояли два командира-пограничника. Памятуя неприятное происшествие на мосту под Вязьмой, я давно уже никуда не ездил без пограничников, помогавших налаживать взаимодействие с охраной объектов. По привычке взял их и теперь. Они-то и вызвали смятение. При появлении людей в зеленых фуражках потерял самообладание волевой опытный командир, обычно не терявшийся в самой сложной боевой обстановке.

И я его понимал...

БОЕВЫЕ БУДНИ

Уже несколько дней находились мы на Западном фронте.

Положение у меня оказалось не из легких. Об отсутствии радиосвязи с отрядами уже упоминалось. Пользоваться проводной связью фронта удавалось редко: во-первых, отряды наши не всегда располагались вблизи войсковых телефонных коммутаторов и телеграфных узлов, во-вторых, даже телефон и телеграф не всегда в ту пору оказывались надежными средствами связи. Вдобавок в группе не было никакого штаба. Со мной оставался только лейтенант Семенихин, исполнявший обязанности и офицера связи, и помощника по материально-техническому обеспечению, и адъютанта, и старшего писаря. От множества свалившихся на его голову обязанностей лейтенант изнемогал. Я видел порой, как он, присев на пенек, впадал в состояние, близкое к прострации.

Счастье наше было в том, что по пути на фронт мы увеличили свой автопарк. Лишь благодаря ему приданные группе батальоны успевали выполнять задания на трехсоткилометровом пространстве и даже более или менее своевременно информировать меня о проделанной работе.

Хорошо проявил себя майор П. Н. Уманец, имевший в своем распоряжении саперный батальон двухротного состава. Батальон этот был сформирован в самый канун войны, укомплектовывался главным образом приписниками и, конечно, не отличался сколоченностью. А действовать ему пришлось на автостраде Москва — Минск, направлении очень ответственном.

Я писал уже, что раньше не знал Уманца. Но, повидав майора в деле, сразу понял: на него можно положиться. И не ошибся. Действовал он смело и в сложной обстановке не терялся. Севернее Борисова, например, его саперы повредили мост через Березипу, и одна из ферм только провисла. Когда майор прибыл к мосту, за него уже шел бой. Но Уманец быстро нашел выход: по его просьбе поврежденную ферму обстреляли артиллеристы, и она обрушилась буквально перед носом у противника.

А всего в полосе действия отряда Уманца от Борисова до Орши и от Орши до Красного было разрушено более четырех десятков мостов.

Мосты на автостраде представляли собой прочные железобетонные сооружения шириной до пятнадцати метров. Для устройства ниш и минных камер у подрывников не доставало ни времени, ни нужного инструмента. Массив-

ные железобетонные фермы приходилось подрывать наружными зарядами. Это требовало большого расхода взрывчатых веществ, а иногда и повторных подрывов одного и того же объекта. Так было, например, в районе Лошницы: железобетонный мост длиной в двадцать метров не обрушился после первого взрыва, и пришлось начинать все сначала. Уже под огнем врага майор Уманец вместе со своими саперами снова уложил здесь пятьсот килограммов тола и произвел второй взрыв. На этот раз успешный...

Но разрушение массивных железобетонных мостов с затратой большого количества взрывчатых веществ не всегда, к сожалению, давало ожидаемый результат. Время было сухое, и маленькие мелководные речки не представляли серьезных препятствий для противника.

В первые дни нашего пребывания на фронте трудно было понять, куда удалось продвинуться противнику, где наши части ведут с ним бои.

В этих условиях очень находчиво работали полковник Овчинников и майор Афанасьев.

В нескольких километрах западнее Березины Афанасьев вместе с ротой саперов наткнулся на танки противника. Стали отходить к Березине, взрывая мосты и минировав объезды. Но у самой Березины на шоссе Минск — Лепель опять встретились с вражескими танками. Те открыли огонь по восточному берегу и перебили электросеть, от которой тянулись провода к зарядам, уложенным под мостом.

Афанасьев кликнул добровольца, который бы под огнем противника бросился под мост и воспламенил зажигательную трубку дублирующей системы взрывания. Доброволец нашелся сразу. Он чисто сделал свое дело и невредимым возвратился в окоп.

А как только на мосту появился один из танков противника, грянул взрыв. Танк вместе с пролетом моста свалился в реку.

В Лепеле наших частей уже не было. В город вот-вот должны были вступить вражеские войска. На этот раз Афанасьев подорвал мосты, не дожидаясь противника.

Следует сказать, что на заблаговременно минированных объектах в зависимости от их значения и опасности захвата противником и Афанасьев и Овчинников всегда оставляли своих людей (от двух человек до отделения). Невдалеке, в укрытии, их ожидала автомашина. На ней после взрыва минеры легко догоняли свою роту или, выполняя отданный ранее приказ, перебирались на другой объект.

Взрывать мосты непосредственно перед противником поручалось, как правило, добровольцам. Но в них недостатка не было.

На правом фланге весьма успешно действовал М. С. Овчинников. Похудевший и еще более ссутулившийся полковник при каждой нашей встрече обязательно жаловался на недостаток взрывчатых веществ и мин. Но он не сидел сложа руки и, где можно, доставал их сам.

Они с Афанасьевым как бы дополняли друг друга. У Овчинникова был большой опыт и своеобразный нюх. Он точно чувял, где можно найти взрывчатку, умел организовать взаимодействие с общевойсковыми командирами. А майор Афанасьев отличался поистине неиссякаемой энергией.

Не могу обойти молчанием и еще одного очень находчивого из моих то-

гдашних помощников майора Ковалева. Каких только испытаний не учиняла ему судьба, и всякий раз он с честью выходил из трудного положения.

Находился однажды Ковалев на мосту через Друть, у шоссе Могилев — Бобруйск. С западного берега прибежала телефонистка. К телефону вызывали старшего начальника. Майор поспешил на вызов. И услышал он примерно следующее:

— Я начальник гарнизона города Могилева. Приказываю вам мост через реку Друть без моего разрешения ни в коем случае не взрывать.

В речи говорившего слышался иностранный акцент. Бросив трубку, Ковалев помчался к саперам и ускорил минирование. Мост был готов к взрыву еще засветло. А в полночь, когда противник открыл из-за реки сильный огонь и пустил на переправу танки, они взлетели на воздух.

Майора Ковалева при этом легко ранило в голову. Но он не оставил своего боевого поста и, выяснив вскоре, что к западу от Друти находились еще наши войска, сумел переправить их на восточный берег по низкому наплавному мосту, который еще оставался в целости.

Уже в Могилеве, выполняя боевые задания, майор Ковалев попал в окружение. Пробиваясь из окружения, участники могилевской обороны должны были подорвать мост через Днепр на автомобильной дороге. Саперы бросились выполнять приказ, но сеть для подрыва моста оказалась поврежденной. Несколько попыток исправить ее окончились трагически: погибли два бойца. Положение казалось безвыходным. И тут Ковалеву опять улыбнулась его счастливая звезда.

Саперная рота недавно приютила сироту — мальчишку лет двенадцати. Этот отчаянный юнец стал проситься, чтобы его послали исправить повреждение. Долго колебался Ковалев, прежде чем дал согласие.

— Сердце кровью обливалось, когда пацан пополз, — признавался мне Ковалев позднее. — На одно я надеялся: махонький он, авось не заметят, не обстреляют...

И немцы действительно не заметили минера с ноготок. Мальчик благополучно добрался до моста, нашел повреждение и исправил его.

Отряды нашей группы действовали и совместно с железнодорожными частями.

У станции Толочин я встретил своего старого знакомого майора Г. А. Красулина.

— Взрывчатки нет! Помоги!

С Красулиным было небольшое подразделение железнодорожных войск. В меру моих возможностей я помог майору. А сам занялся мостом на автостраде, и мы свалили его перед самым носом у противника.

Вскоре после этого меня вызвали в штаб фронта. Ехал я в самом хорошем настроении. К тому были все основания: работа наша как будто наладилась. Однако уже по тону дежурного понял: опять какая-то неприятность.

Направили меня прямо к исполняющему обязанности командующего фронтом генерал-лейтенанту А. И. Еременко.

Я даже не успел представиться ему.

— Когда вы будете наконец выполнять мой приказ и перестанете оставлять немцам целые мосты? — обрушился Еременко. — Кто должен был взорвать

мост на автостраде у Толочина? Почему его оставили противнику? Где вы пропадаете?

— Товарищ генерал, мост разрушен на моих глазах! — спокойно ответил я, дождавшись паузы.

— Каким же образом после вашего взрыва к востоку от Толочина появились немецкие танки?..

Никакими доводами я не сумел убедить генерала, что мост мы разрушили начисто. Он так смотрел на меня, что я почувствовал: сейчас вызовет председателя Военного трибунала и прикажет судить. Положение было отчаянным.

И вдруг раздался спасительный телефонный звонок. Звонил командующий авиацией. По мере его доклада лицо А. И. Еременко все больше прояснялось. Улыбнувшись, он знаком предложил мне сесть. Тут же приказал еще раз отбомбиться по какому-то скоплению вражеских войск и, положив трубку, повернулся ко мне.

— Да, бывают ошибки, — развел он руками. — Мост, оказывается, действительно разрушен, но вместо него немцы построили два новых. Они малы и плохи, возле них скапливаются машины, вот наша авиация их и накрыла!

У меня отлегло от сердца.

Месяца через два я снова оказался у генерала А. И. Еременко. Он уже командовал Брянским фронтом. Принимал он меня по делам, связанным с подготовкой партизан и их вооружением. На этот раз встреча была очень приятной. Андрей Иванович сделал все возможное, чтобы помочь мне. Даже предложил посмотреть вместе с ним, как будут испытывать бутылки с зажигательной смесью. И я, конечно, не отказался.

Уже в самые первые дни войны мы с горечью убедились, что состоящие на вооружении армии противотанковые мины имеют недостаточный заряд и при отсутствии противотанковой артиллерии не могут надолго остановить продвижение вражеских танков. Взрываясь под гусеницами фашистских машин, мины перебивали всего-навсего два-три трака. Такие повреждения танкисты, если им не мешал артиллерийский огонь, исправляли очень быстро. Постояв с полчаса, танк снова шел в бой.

Стремясь усилить действие мин, саперы оперативно-инженерной группы иногда сдваивали их, а чаще усиливали за счет дополнительного заряда тола. Но и в этом случае мина сильно повреждала только ходовую часть вражеской машины. Даже усиленные мины не могли вывести танк из строя полностью и уничтожить его экипаж.

Однако и такие противотанковые мины первоначально устанавливались нами в небольшом количестве и главным образом для усиления полевой обороны наших войск. При минировании магистралей и предполагаемых мест обхода мы никак не могли обойтись обычными противотанковыми минами. Ведь устанавливать их на дороге можно было только после отхода своих войск. А тогда часто случалось, что вслед за нашими арьергардами двигались вражеские авангарды.

Как бы выручили нас в такой ситуации мины замедленного действия!

Я вспомнил Испанию, вспомнил Рубио — мастера изготовлять гранаты из обыкновенных консервных банок, вспомнил капитана Доминго, наши фугасы на дорогах под Кордовой и Гранадой. И вот бойцы оперативно-инженерной

группы взялись за изготовление самодельных мин и гранат замедленного действия.

Поначалу никто не верил, что наши самоделки принесут пользу. А потом стали благодарить саперов за выдумку. Особенногодились самоделки партизанам.

Понравились и наши камнеметные фугасы. А делали мы их весьма просто.

Пеньковый фитиль, да и фитиль хлопчатобумажный — тот, что используется в керосиновых лампах, тлеют в безветрии со скоростью один сантиметр за две минуты. Зная это, мы заблаговременно подготовили большое количество зажигательных трубок с бикфордовыми шнурами длиной в три — пять сантиметров и насадили на них куски фитиля длиной от трех до двадцати сантиметров. Так получались взрыватели с замедлением от пяти до тридцати минут. Перед разрушенным участком дороги внутри кучи щебня или под одиночными камнями мы заранее устанавливали различной величины заряды с четко продуманной системой замедлителей.

Применение этих простых мин-камнеметов замедленного действия в ряде случаев помогло войскам и подрывникам оторваться от наступающих подразделений противника. Особенно эффективно действовали камнеметы против вражеских мотоциклистов.

Гитлеровцы пытались обезвреживать их. Обнаружить камнеметы было нетрудно по запаху тлеющего фитиля. А вот обезвредить их не удалось никому: они взрывались при малейшей попытке снять с заряда нагрузку.

В первые дни войны мы неизменно возили с собой в «пикапе» и еще одно наше изобретение: мощные самодельные гранаты замедленного действия из консервных банок, заполненных обрубками проволоки и гвоздями. Внутри банок находились шашки тола различного веса. Эти гранаты (а их мы брали в каждую поездку от десяти до тридцати штук) заменяли нам и минометы и пулеметы. Но особенно выручали они при устройстве на дорогах завалов.

Обычно завалы надо было производить после отхода своих войск. Аррьергарды валили деревья и устанавливали мины. При этом, конечно, было очень важно, как можно дольше не допускать к завалам противника. Тут-то и приходили на выручку самодельные гранаты замедленного действия. Минеры разбрасывали их по сторонам дороги, отходя с последними стрелками. Перед наступающим противником гремели взрывы, и он либо замедлял, либо вовсе приостанавливал свое движение. Немцы открывали огонь по лесу и кустам, предполагая, что именно оттуда брошены гранаты.

— Товарищ полковник, а верно говорят, что вы были в Испании? — спросил меня однажды сержант Сергей Кошель, тот самый, что задерживал со мной вражеских диверсантов, выслеженных колхозниками.

Мы кипятили чай у маленького костерка. В голубых глазах Кошеля светилось любопытство. Подняли головы и другие бойцы. Люди устали. Слишком много выпало за эти дни на долю каждого из них. Щеки солдат заросли щетиной. И даже самые молодые лица после недели непрерывных боев казались постаревшими.

Любопытство солдат для меня всегда полно глубокого смысла. Оно говорит о несомненной воле. Тот, кто сломлен, ничем уже не интересуется.

А вот сержанту Кошелю и другим саперам хочется знать, нельзя ли исполь-

зовать наши мины и взрывчатку так, чтобы нанести гитлеровцам еще больший урон.

Я знаю, можно. И рассказываю о наших боевых делах под Кордовой и Теруэлем, о подвигах подрывников капитана Доминго.

Саперы слушают внимательно.

Когда кончаю рассказ, кто-то спрашивает:

— А что, если б и нам по гитлеровским тылам и дорогам ударить?!

— Всему свое время, — отвечаю я. — Еще ударим...

Возле костра мне задали тот самый вопрос, который я уже не раз задавал самому себе.

Темпы вражеского наступления замедлились. Почему бы не использовать сейчас большую уязвимость гитлеровских армий? Захватчики углубились на нашу территорию главным образом вдоль шоссейных и железных дорог. Огромные массивы лесов, болот и полей по сторонам дорог они не контролируют и контролировать не могут. Что, если в этих условиях перенести действия наших минеров в тыл врага? Ведь тыл пока самое слабое его место.

Эти мысли преследовали меня, и я поделился ими с начальником инженерного управления Западного фронта генерал-майором Васильевым.

— Ходить во вражеский тыл? — переспросил он. — Что ж, дело возможное... Только надо посоветоваться с товарищем Мехлисом... Да, да! Без Мехлиса такие вопросы решить нельзя... Пойдите к нему и сами все доложите.

Встреча с Мехлисом не улыбалась мне. Я не забыл, как ходил к нему однажды выручать арестованного ни за что командира-сапера, которому угрожал расстрел.

Но делать было нечего. Пришлось идти к этому глубоко антипатичному для меня человеку вторично.

Мое предложение Мехлис выслушал настороженно. Подозрительно оглядел меня с головы до ног:

— Недавно жаловались, что нет мин, а теперь хотите лезть на оккупированную территорию? Странно!..

— Разрешите доложить, товарищ армейский комиссар первого ранга. Мины, установленные...

— Где находится ваша семья? — перебил Мехлис.

— Под Москвой...

Наступила тягостная пауза.

Видимо, он решил, что я потому и прошусь в тыл к врагу, что семья моя осталась на оккупированной территории.

Кровь бросилась мне в лицо. Было такое ощущение, что тебе плюнули в глаза.

Мехлис между тем глядел куда-то в сторону, видимо, о чем-то раздумывал. И надумал:

— Представьте полные данные на всех, кто просится в тыл врага.

— Разрешите идти?

— Идите...

Успокоился я не скоро. А успокоившись, решил, что никаких данных Мехлису о саперах, изъявивших желание ходить в гитлеровский тыл, не дам. Вдруг кто-либо пропадет без вести на оккупированной территории? В таком

случае его семье несдобровать. Этот циничный деспот припомнит все.

На время я оставил планы проникновения во вражеский тыл.

Но вот, работая в полосе обороны 20-й армии, разговорился как-то с начальником штаба армии, врожденным разведчиком, генералом Н. В. Корнеевым. Он прямо-таки загорелся идеей отправки во вражеский тыл минеров-добровольцев.

— Хорошая мысль и время подходящее! Давай действуй, товарищ полковник!

Так был решен вопрос о вылазке во вражеский тыл отделения минеров-добровольцев. Командовать этим сводным отделением я поставил сержанта Кошеля.

Выйдя в тыл врага, добровольцы должны были заминировать восстановленный немцами участок автомагистрали в нескольких километрах восточнее Каханово.

— Участок известный. Сами на нем работали, и местность знакомая. Все выполним! — сказал на прощание Кошель. — Не волнуйтесь, товарищ полковник!

Но я волновался.

Не потому, что сомневался в людях. Люди превосходные!

Не потому, что меня пугала сложность обстановки. Она была не сложнее обычной.

Я опасался, что группа Кошеля, как это нередко бывает с подрывниками, могла задержаться во вражеском тылу.

Об исчезновении саперов обязательно узнали бы в штабе фронта. Я хорошо понимал, какие это повлечет последствия...

Проводил добровольцев до переднего края.

Один за одним исчезли они в темноте ночи.

Потянулись долгие часы ожидания...

Глухой взрыв, донесшийся из-за линии фронта, был неожиданным.

— Кошель! — сказал я представителю разведотдела армии, сидевшему рядом со мной на окраине села Русский Селец.

Тот посмотрел на часы, засек время.

Он-то был спокоен. Не ему отвечать за Кошеля. Ему полагалось только получить от них по возвращении разведывательные данные и сообщить в штаб.

Опять мучительно потянулось время...

И когда на рассвете я услышал шорох перед окопами, когда увидел смутные фигуры ползущих обратно минеров, обрадовался так, как давно не радовался.

Грязные, бледные от усталости бойцы один за одним спрыгивали в окоп. Кошель шел последним. Его худощавое лицо было каким-то серым.

— Разрешите доложить, товарищ полковник...

Я положил ему на плечо руку.

— Молодцы! Садитесь все!.. Взорвали?

— Взорвали, товарищ полковник!

Представитель разведотдела армии улыбался.

Нас окружили стрелки.

Всем было интересно узнать, как эти смельчаки прошли в тыл врага, как обманули противника, как напали на него. Но Кошель был немногословен:

— Прошли нормально. Выжидали в лесу. Ночью поставили мины в колее

заделанных противником воронок... Две противотанковые с будильниками на день оставили... Видели, как взорвались грузовики из большой колонны...

— А немец не стрелял? — спросил кто-то.

Кошель устало повернул голову:

— Как не стрелял? Ясно, стрелял. — И тут же попросил: — Дали бы закурить, ребята. Со вчерашнего дня не курили. Измучились...

К нему протянулось сразу несколько рук с кисетами.

Оперативно-инженерная группа, поредевшая, понесшая первые потери, продолжала действовать на Западном фронте, напрягая все силы.

Отступая, мы разрушали только труднообходимые участки дороги и наиболее значительные дорожные сооружения: сэкономили взрывчатку.

Чтобы затруднить противнику восстановление разрушенного, ставили мины-сюрпризы, а иногда и мины замедленного действия, рассчитанные на повторное разрушение уже отремонтированных объектов.

Мы создали десятки противотанковых и противопехотных минных полей. Устраивали завалы на лесных дорогах. Перекапывали дороги.

13 июля Нарком обороны назначил меня по совместительству начальником первой фронтовой партизанской школы, которая официально называлась оперативно-учебным центром Западного фронта. На занятой врагом территории разгоралось пламя народной войны. Партизанам нужны были хорошо обученные подрывники, радисты, разведчики.

Со второй половины июля 1941 года я и начал готовить эти кадры.

Примечания

1

Главное управление военно-учебных заведений РККА.

[^^^]

2

Быстрая (исп.).

[^^^]

3

См В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 190–191.

[^^^]

4

В 1931 году в Испании была свергнута монархия и установлена республика. Однако реакционные силы в основном сохранили свое экономическое могущество и политическое влияние. Профашистские правительства Лерруса (1933–1935 годы) пытались уничтожить все демократические завоевания. На защиту республики поднялись трудящиеся. В 1934 году в Астурии, Каталонии, Мадриде и других районах происходило вооруженное антифашистское восстание пролетариата. В начале 1936 года антифашистские силы, в авангарде которых шла компартия, объединились в Народном фронте. После победы Народного фронта на выборах в кортесы (февраль 1936 года) было образовано левореспубликанское правительство. Страна встала на путь демократического развития.

[^^^]

5

Войдите!

[^^^]

6

Так в то время некоторые называли Москву.

[^^^]

7

Да, товарищи!

[^^^]

8

Пригород Валенсии.

[^^^]

9

Ларго Кабальеро, Франсиско (1869–1946 годы) — один из правых лидеров Испанской социалистической партии и профсоюзного объединения Всеобщий союз трудящихся. Министр труда в первом республиканском правительстве. В 1936 году присоединился к Народному фронту. В сентябре 1936 года — премьер-министр. Являясь главой правительства и военным министром, саботировал мероприятия по строительству новых вооруженных сил и укреплению революционного порядка в тылу. В мае 1937 года был вынужден уйти в отставку. После захвата Испании фашистами эмигрировал. С приходом во Францию гитлеровцев был арестован и отправлен в концентрационный лагерь близ Берлина. Весной 1945 года Советская Армия освободила Ларго Кабальеро. Он поселился в Париже, где и умер в 1946 году.

[^^^]

10

ПОУМ — троцкистская организация. Ее отряды позже были разоружены.

[^^^]

11

Все в порядке.

[^^^]

12

Так называли меня в Испании.

[^^^]

13

Монастырь Головы святой Богородицы.

[^^^]

14

К чести полковника Саласа надо сказать, что он остался до конца верен республике и в 1939 году был расстрелян фашистами. — *Прим. авт.*

[^^^]

15

При скальпировании полотна снимают не только балласт и слой земли в десять — двадцать сантиметров на бермах, но и верхний толстый слой откоса.

[^^^]

16

Генерал-майора инженерных войск А. Ф. Хренова накануне войны переместили на должность начальника инженерного управления Московского военного округа. — *Прим. авт.*

[^^^]